РГБ РТ 18/1840 1 РТ 1079
1840

ГОЛУБИЦА

СЪ

ЦВЕТОМЪ

КЊИЖЕСТВА СРБСКОГЪ.

II.

1840.

(Добыти се може за 3 цванцыга.)

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
НОВИ САД
1

РП 1079
РПСр 18/1840/1

ГОЛУБИЦА

СЪ

ЦВЕТОМЪ

КНЬИЖЕСТВА СРБСКОГЪ.

II.

1840.

ГРИГОРІЕМЪ ВОЗАРОВИЋЕМЪ

КНЬИГОВЕЗЦЕМЪ И КНЬИГОПРОДАВЦЕМЪ.

У БѢОГРАДУ,

У Кньигопечатньи Княжества Србскогъ.

Сви къ єдной цѣльи сложно да идемо!
У єдинству сила єстъ.
Єдна намъ воля єсть послужит' Роду;
Буди сливенъ єданъ вкусъ!

Мушицкій.

Инв. бр. 6279

ДИРЕКЦИЈА МАТИЦЕ СРПСКЕ
У НОВОМ САДУ
ДИГИТОГРАФИЧКИ
„ДОСИТЕЈ ОБРАДОВИЋ"
БЕОГРАД

I.

ПРОИЗВОДИ ОРИГИНАЛНИ У ПРОЗИ.

1.

ЗАПИСКА

(у кратколъ изводу.)

ИЗЪ РУКОПИСНЕ КЊИГЕ ІОАННА РАИЧА, АРХИМАНДРИТА, ПОДЪ ИМЕНОМЪ:

ТОЧНОЄ ИЗОБРАЖЕНІЄ КАТИХИСМА,

И ВООБЩЕ ВСЕЯ ПРАВОСЛАВНЫЯ ВОСТОЧНЫЯ ЦЕРКВЕ, И ВО ОСОБНОСТИ СЛАВЕНСКИХЪ НАРОДОВЪ ВОСТОЧНАГО ИСПОВѢДАНІЯ, ВЪ ПЕРВЫХЪ РОССИСКАГО, ТАЖЕ СЕРБСКАГО, ЯКО ВЪ ТУРЕЦКОЙ ОБЛАСТИ ТАКО И ВЪ ЦЕСАРСКИХЪ ДЕРЖАВАХЪ ОБРѢТАЮЩАГОСЯ НАРОДА, — ВЪ КРАТЦѢ ПРЕДЛОЖЕНОЕ. ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ САМАГО КАТИХИСМА, ВЪ ЛѢТО ГОСПОДНЄ 1793. (СТР. 116. У 8.)

ГЛАВА 6.

О СЕРБСКОМЪ КАТИХИСМѢ ВЪ СТРАНАХЪ КЕСАРСКИХЪ.

1. Арсеній III. Патріархъ Пекскій, названый Чарноевиђь, на позваніе Леополда I.

Цара Аустрійскога, пређе са многимъ народомъ Србскимъ изъ Турска Царства у државу Цесарску (1690). Неимаюћи у Турской земльи школа и наука, ніе могао никакова знаня или просвѣштенія ни пренети. Нѣгово прво и главно старанѣ было є народъ и цркву оградити и утврдити правама, преимуществама и слобоштинама, као што є са добывенымъ Царскимъ Привилегіама и учиніо (10. Дек. 1690. — 20. Авг. 1691, 4. Марта 1695.) Непрестанни ратови и немиръ у внутрености Царства нису му дали ни мыслити на заведеніе школа и наука, и сочиненіе Катихисма; а смрть пресече му сва добра намѣренія нѣгова.

2. За Арсеніємъ III. ступіо є на престолъ Патріаршескій Исаія Дяковиħъ, одъ народа названый Мудрый. И овай старао се утврдити на добромъ основу милости Цареве народъ Србскій и цркву православну. О школама, наукама и катихісму ніе ни мыслити могао; и смрть му сва добра намѣренія пресече. За ньимъ слѣдовао є Софроній Подгоричанинъ, такоħеръ ништа о наукама и катихисму нерадѣвшій.

3. 4. После є слѣдовао Викентій Поповиħь (столицу имавшій у Београду), кои є названъ быо немый. А за овымъ избранъ буде Мойсей Петровиħъ, кои є такоħеръ у Београду седіо. Наука іоштъ никаковы ніе было; познавати слова іоштъ се на крушковымъ дашчицама (дщицама, штицама) учило. Овай добрый пастырь, видећи такову оскудость, поиште изъ Руссіе учителя. Тимъ поводомъ буде одъ Императора Петра I. посланъ великороссіанинъ Максимъ Суворовъ, родомъ изъ Мос-

кве, кои донесе са собомъ 400 Букварова и 100. Грамматика Славенски. И онда су престале крушкове дашчице. И самъ Раићь, као дете, почевшій се у Карловцы учити, добыє онда таковый Букварь одъ 8 листій на даръ. Реченый Максимъ предавао є Грамматику; а Катихісмъ ниє ее учіо.

5. Мойсей (у Београду бывшій) зажели у своіой соборной Цркви имати и Проповѣдника, и на то призове Малороссіанина Іеромонаха Сѵнесія Залуцкій. Далѣ постара се за црковно Славословіє. На то призове изъ свете горе Аѳонске Іеромонаха Анатоліа искуснога пѣвца (псалта); подигне у Београду школу грчку, гди су се обучавали младићи грчкой псалмодіи. Тако се грчко пѣніє међу Србима распространи, и србско престане. Но Катихісма іоштъ ниє было.

6. Мойсей є престроио одѣло за Свештенство, и дао му є пристойно отличіє. Пре тога брада и коса ниє сасецана, но растла є колико є могла; гаће и димліе нису заклонѣне быле, но видиле су се; обућа была є турска, т. є. папуче и калчине; на глави калпакъ. Онъ пакъ опредѣліо є за одѣло свештенническо особитый крой, и за монашескій чинъ црну, а за мірско свештенство плаветну бою. Но съ овимъ є то добыо, да га є глупость порицала и измѣнникомъ вѣре називала. При свемъ гомъ іоштъ є за душу слабо раћено.

7. После Мойсея избранъ буде Арадскій Епіскопъ Викентій Іоанновићъ, названый разрокій, за Архіепіскопа Београдскогъ. Овай

є не само дѣло наука одъ Мойсея започето придржао, него є и умножіо. Максимъ се истина повратіо у Руссію, али већь є међу Србима было способны учителя за Грамматику. Викентій позове садъ изъ Руссіе и друге учителѣ, кои бы младежь Србску и у латинскомъ єзыку обучавали. На то буде изъ Руссіе посланъ Мануилъ Козачинскій са четири своя друга, кои су сви были Малороссіани и мірски люди. И ови су предавали латинску Грамматику до саме Риторике. Мануилъ реченый быо є Професcоръ и купно Префектъ школа. Тако є мало по мало Србска юность доведена до Філософіе; и тако се Србскій народъ просвѣштавати и подизати почео. Но Катихісма іоштъ было ніе.

8. Умре Викентій, благодѣтель наука, и несрећна война Карла VI. Імператора съ Турцима године 1737 до 1739. изгуби Београдъ и Србскій Парнасъ разори. Учителни остану у Карловцы, уздишући за наградомъ, и гладни и жедни; єръ нису шта ни єсти имали. У то време Арсеній IV. Шакабентъ (Іоанновићь), Патріархъ, подражаваюћи имсняку своме Арсенію Чарноевићу, преће са сроднима своима и малымъ числомъ народа у Цесарію (Београдъ). *) Но Београдъ падне у руке Турске, и онъ пре-

(* Овай прелазакъ Арсенія IV. Патріарха несрећанъ є было за народъ Србскій, одно зато, што є Генералъ Пиколоминій пренебрегао Србима у помоћь доћи, те многій народъ одъ Турака изсеченъ и у робство одведенъ буде, а друго зато, што су Грчки Епіскопи добыли прилику Србле Епіскопе кодъ Турака као измѣнике и невѣрнике оцрнити, и тако себи столице Епіскопске у Србіи присвоити.

ће у Карловце Сремске, гди се намести у стару Резиденцію (гди и данъ данашнъій Архіепископъ пребыва). Тако дакле после смрти Викентія и по изгубленію Београда Србска Архіепіскопіа пренешена буде у Карловце, гди є и данасъ.

ГЛАВА 7.

О ПОСЛѢДОВАВШИХЪ ПРЕМѢНАХЪ НАУКЪ СЕРБСКИХЪ И БЕЗНАДЕЖДІИ КАТИХІСМА.

1. Престолъ Архіепіскопскій у Београду буде упразнѣнъ, и по несрећной войни Аустріе са Турцыма год. 1739. пренешенъ изъ Сербіе (Београда) у Сремъ, а одатле у Ексархіатъ Карловачкій. Арсеній IV. Шакабентъ, Патріархъ Пећскій, прешавшій у то време у Цесарію, буде потврђенъ одъ Императора за Архіепіскопа Карловачкогъ, и задржи титлъ Патріарха до смрти.

2. Арсеній IV. быо є милостивъ и штедаръ. Тога ради су се они Учителъи Россійски свакомъ добру за себе и школе и науке одъ нѣга надали. Но зависть и ненависть, Србскога рода всегубителнице, пусте свой єдъ, и наговоре Патріарха, да одпусти те учителѣ натрагъ у Руссію, и школе и науке дигне и упразни. Завистници и гонителъи ученія и учителя были су Придворни Патріаршески, и нарочито међу ньи-

ма Іоаннъ Архидяконъ. А зашто? Зато, што су они сами были невѣже, тако да су єдва мало читати и писати знали; па имъ се срамота чинила, да деца, коя се у школи уче, болѣ знаду одъ ньи: зато су волели савъ народъ у таму и невѣжество бацити, него тай мнимый стыдъ и срамоту трпити.

3. 4. Учительи то видећи, искали су одъ Патріарха заслужену награду; но преко реченога Іоанна Архидякона добыю овай одговоръ: „Идите къ ономе, кои васъ є довео и наймio, и одъ нѣга иштите плату вашу, а нама нисте за потребу.“ На ово се учительи смуте и збуне, теченіє се школско пресече, и деца престану учити се. Учительи исти кренувши се натрагъ доћу у Бечь, и ту предаду тужбу свою Посланику Россійскомъ, кою овай предложи Императору, и Императоръ наложи Патріарху, да ове Русске люде таки намири са интересомъ, и да имъ іошть путничкій трошакъ до Кіева плати. Тако и буде, и учителье се врате натрагъ, и храмъ Палладинъ одъ Мойсея и Викентія основанъ разорисе, и наука одъ ньи у Београду заведена погребе се у Карловцы; а оста само тривіална школа славенска и грамматическа. О Катихіcму при семъ томъ іошть ништа мышлѣно ніе.

5. Овай Патріархъ Арсеній IV. незна се по чіемъ совѣту, дао є исписати изъ кньиге: „Миръ съ Богомъ“ трактатиће осмолистный „о седамъ тайнахъ новаго завѣта“, кое є раздавао свештенству, съ налогомъ, да то на изусть науче. И то є быо некій видъ Катихіcма; но по смрти Арсенія и ово изчезне.

6. Арсеній умре 1747. год. (по другомъ источнику 7. Февр. 1748.). По уведеномъ обычаю, Привилегіама и царскомъ дозволеню скупи се народный Соборъ у Карловцы, гди є Коммесаръ Царскій био Генералъ отъ Енгелсхофенъ, а Конкоммессаръ Патачићь. У великомъ разногласію народа избранъ буде за Архіепіскспа и Митрополита Епіскопъ Арадскій Исаія Антоновићь, кои є само за кратко време био. Онъ оде у Бечь благодарити Цару, па тамо умре, и буде погребенъ у Будимской цркви. Онъ є био великій почитатель Богоматере, зато є завео читанѣ Акатиста нѣнога сваке Субботе у Соборной Цркви Карловачкой.

7. Два су Епіскопа была саревнователи за престолъ Архіепіскопскій: Исаій Антоновићь по старешинству, и Павелъ Ненадовићь по постничеству. Због овы се народъ раздели. Простота по посту судећи о правовѣрію, Павла є држала за благочестива, а Исаію за Шокца што месо еде. Кадъ є Исаія избранъ, онда они Павловци говорили су свуда: „Отсадъ, брате, омрси Среду, а запости Субботу, еръ є Митрополитъ уніятъ и шокацъ.“ Толико є онда при избору было огорченіе, да су Павловци (понайвыше цивилни) хотели Исаію избацити изъ народне сале крозъ прозоръ на полѣ, а Исаіевци (понайвыше милитарци) потегли за мачеве претећи кровопролитіемъ. Коммесари пакъ при свемъ томъ ћутали су у страху, и чекали како ће се свршити.

8. Кадъ є преодолѣла страна Исаійна, онда сви Депутирци почну совѣтовати се, како бы забранили месоѣстіе Архіепіскопу, и сачува-

ли законъ и вѣру одъ уніе: и тога ради опредѣле преко обычне ону страшну и чрезвычайну заклетву изъ Псалма 108. за нѣга. О Катихісму и наукама ниє мышлѣно.

9. Исаія за полъ године правленія свога ниє ни добра ни зла чиніо. Пре тога є Павелъ Ненадовиħь, Плашкій или Карлштадтскій Епіскопъ, преселіо се у Арадъ, и тако првый противъ правила светы Собора почео меняти Епархіе. Садъ се опетъ скупи Соборъ народный у Карловцы, и единодушно избранъ буде Павелъ Ненадовиħь за Архіепіскопа и Митрополита, съ тимъ условіемъ, да онъ дугове одъ Патріарха заоставше исплати. И пошто є то урадіо, отиде у Бечь благодариги Цару, и првый добые Титло Превосходителства (Excellenz), коє као наслѣдственно остави у Митрополіи Србской.

10. Павелъ Ненадовиħь таки почне воскрешавати школе Грамматике Славенске и Латинске до Риторике. На ижднвеніе и садржаніе учителя скупляо є сваке године одъ Клера и народа неку извѣстну сумму (одъ своє Епархіе подъ одвеħъ субтилнымъ видомъ). Одтуда постане Школскій Фундусъ, у коме є после нѣгове смрти остало 31.000 fl. Внѣшнѣ благолѣпіе црковно онъ є весма любіо, и тимъ є угаħао народу и слави своіой. Но нити є онъ кадъ што народу проповѣдао, нити є допуштао да другій проповѣда. Мѣсто проповѣди наложіо є да се сваке недељ и праздника чита слово изъ кньиге: „Обѣдъ духовный и вечера.“

11. О Катихісму ништа се ніє радило, осимъ што є изъ великогъ Россійскогъ Могилиногъ Катихісма оно расположеніе у почетку назначено дао извадити, и у малу кньижицу написати; коє є после Захаріа Орфелинъ на бакарнимъ таблама изрезао и напечатао у 8. — и дана іой титла великогъ оногъ Катихісма „Ὀρθόδοξος Ὁμολογία.“ Овой кньижици подобну написао є Орфелинъ „о поклоненіи Єго Превосходителства и прочихъ Архіереєвъ, яко да приходящіи предъ нихъ на члены ручныя припадаютъ главою до земльи касающеся; коє се зове „великій поклонъ или метанія.“ У овомъ се Павелъ Архіепископъ уподобляваo Павлу Самосатскому, кои є одъ людій овакова метанія изискиваo. Све ово, вели Раичь, други су чинили, а и самъ самъ чиніо, да избегнемъ гнѣвъ и поруганіе. Ове кньижице раздаване су за новце клеру и монашеству Епархіе Сремске, да читаю прилѣжно и на-изустъ изуче; єръ кои то ніе знао на изустъ, ніе могао быти Свештеникъ. То є читано и у школи славенской и латинской предъ Литургію недельомъ и праздникомъ. Толико є Павелъ быо суєтанъ и высокомѣранъ, да є и одъ неки Епіскопа, ньимъ посвећены, подписе примао „подножіе ваше“, коє самъ я самъ, вели Раичь, видіо и укореo онога, кои є писао. Такавъ є быо Катихісмъ за нѣгово време.

12. Кадъ я, говори Раичь, пріймимъ наставленіе и попеченіе у латинской школи, примѣтимъ недостатакъ тай, и усудимъ се съ метаніемъ приступити къ Єго Превосходителству, молећи, да бы ми съ благословомъ нѣговымъ

дозволѣно было сочинити Краткій Катихісмъ ради школске юности. Услышавъ (вели Раичь) онъ сія, и взоромъ и гласомъ грознымъ отвѣща мнѣ: „Нетребую, рече, твога Катихісма, доста є то, обучавай ты децу тропаремъ и кондакомъ. У томъ состоитъ вѣра и законъ.“ Кадъ самь я таково вѣре Србске и закона песчано основаніе одъ толикогъ Архіереа чуо, а я посрамлѣнъ съ удивленіемъ уѣутимъ, и престанемъ о томъ мыслити; него опетъ продужимъ обычно чтеніе оны киьижица. Господинъ овай ниє хотео трпити проповѣдано слово Божіе на паметь говорено, боєћи се какове Єреси, или да небы ко похвалу одъ людій осимъ нѣга получіо. Дакле изъ печатаны киьига се читало; зашто є онъ држао, да све што ниє печатано, єсть Єресь. Житія святыхъ и Прологе у већой є цени држао, него С. Біблію. Зато є оне, кои су читали Біблію, поругателно Бібліашима називао. Тако и за нѣгово време Катихісмъ света невиди.

13. Овай великій мужъ, по мнѣнію простоте, светый, седіо є на престолу Архіепископскомъ свагда здравъ бывшій до 90е године старости своє, сѣдинама украшенъ. После падне у водену болесть, за неколико месецій болова и умре на данъ успенія Богоматере у време ютренѣ. После две недељ тѣло нѣгово истлѣвше съ великимъ торжествомъ и иждивеніемъ (са 7000 fl) предано буде земльи у Соборной цркви предъ Олтаремъ.

14. Путникъ, Епіскопъ Бачкій по обычаю као найближій прійми Администрацію. Но

Вршачкій Епіскопъ Іоаннъ Георгіевићь, найвећій супостатъ Павловъ, првый написа кодъ Двора протестацію о Администрацiи, да то небыва по близости места, но по старѣшинству достоинства. По томе онъ и добыє дозволенѣ, и пресели се у Резиденцію Карловачку. Међу тимъ приспѣ и допуштенѣ за народный Соборъ ради избираня новога Архіепіскопа. За Коммессара царскогъ опредѣленъ буде Генералъ одъ кавалеріе Графъ Андрей отъ Хадекъ, кои є быо у старой Резиденціи примлѣнъ (1769).

15. Безъ кандидаціе избранъ буде Іоаннъ Георгіевићь за Архіепіскопа, кои є предварително кодъ Царскогъ Коммессара све за себе устроио и преправіо. (Што є на овомъ Собору за Викентія Видака, Епіскопа Темишварскога, и о крайнѣмъ нѣговомъ обезчешћенію раћено, описивати, овамо непринадлежи). Прво старанѣ Іоанна Архіепіскопа, да речи самога Раића наведемо, было є: Разорити и уничтожити все устроенное отъ почившаго Павла, да бы тѣмъ и память его изгладити во Архіепіскопіи. Тако во первыхъ школы латінскія упраздни, якоже сотвори и въ поселеніи Патріарха въ Карловцѣ, єгда изгна россійскія учители (ово є онай истый горепоменутый Іоаннъ Архідяконъ, коме є срамота была, да деца болѣ читати и писати знаду одъ нѣга), оставивъ точію Славенскую тривіалную школу. Школскій горѣ помянутый фундусъ поглоти. О должностехъ Архіпастырскихъ крайнѣ нерадяше, но точію чреву работаше тщателно. Добра достопамятнаго церкви и обществу несотвори сія лишняя земльи вага. Вся сія и симъ подобная лучше єсть забвенію

предати, неже ли на соблазнь и укоризну потомству описана оставити. Лучшаго чего отъ таковаго Господина неможно было ниже ожидати.

М. Светићъ.

ПОБУДА

МОИМ' МЛАДЫМ'

СЛУШАТЕЛЬИМА ПОЕТІКЕ,

ГОВОРЕНА

ПРИ ПОЧЕТКУ ИСТЕ НАУКЕ 1839. ГОД.

6ГЪ ОКТОВРІЯ

У КНЯЖЕСТВА СРБСКОГЪ

КРАГУЄВАЧКОМ' ГѴМНАСІУМУ.

О млади путници!
Ако Богъ да? — куд' сте тако пошли? —
Добро дошли! — Далѣ здраво прешли!
Но знате ли, где сте сада дошли? —

Гле, не знате,
Да ми отвѣтъ дате? —
Уши дайте,
На ми тайну знайте! —

Ове мале и спретне храмине, ова четир' унаоколо крута сазида изображаваю намъ мислено высоке и свете четири горе: Парнасъ, Еліконъ, Піеріонъ и Піндъ. Съ Парнаса сиплю зраке светлости одъ златна ѳрона, на коме'нс Мусово', Аполлонъ, са велезвучномъ и яснови томъ у рукама луромъ и съ лавоpичнымъ на темену одъ кѣрій му саплетенымъ венцемъ, седећ', божествено струне свирке свое покреће, изъ ньи' нечувене, умиляте звуке избія и с'дружава и съ обаятелным' гласовима свои' ћерка' Муса', кое скупа съ ньиме, све, што є добро и красно, све, што є полезно, пріятно и весело, громко попеваю, тако, да имъ се одъ попева сво око' насъ и выше насъ четворогорѣ разлеже и ори; єръ ньима само оно,

„Ὅττι καλὸν, φίλον ᾽εστὶ, τὸ δ᾽ οὐ καλὸν,
οὐ φίλον ᾽εστί!“ т. 6.

„Што є добро, мило есте, а што ниє добро, ниє мило!“ *)

Мы смо сад', мили мои млади путници, правце при подножю пожелѣны овы светы гора'. Гласъ чуе се съ высине ньине падаюћ': „Амо, амо смртни! бы'ћете бе'смртни!“ — О, да сладка, да любезна, да пренадеждна за све насъ гласа! Благо нама, сяйный Фебъ насъ люби! Слава наша, милую насъ Мусе!

---

*) Кажу, кад' се Кадмусъ женио, да су му сви Богови и све Богинѣ у сватовима быле, где су и Мусе съ Милойцама (Грациама) одпевале съ нечувеномъ дражестю єдну знамениту песму, кое є почетакъ горе ставлѣна врста.

Съ нама ево Бози зборе;
Пунъ ће среће быт' намъ дворе!
За насъ Бози, када маре,
Види'ћемо златне даре! —

Што вамъ є напоменуто, да су ове горе толико высоке, за то се вы ни наймањ не бойте, нит' се плашите. — Дрзайте, драги мои! — Они, кои намъ звонко привикаше: „Амо, амо смртни!“ єсу вѣчни седеоци овы велики' гора', єсу одъ саме самцате милости споєни и слюблѣни. Да! излазъ на ове свете высине они смртныма лакимъ творе; на ньи се не иде путемъ узанымъ, рапавымъ, неравнымъ, кривымъ, пунымъ прашине и зарастлымъ у дречу! Путъ є на ньи єдна права широка путаня, єдна миловидна стаза, кою су Загоркинѣ Неве, по заповести Муса', ситномъ зеленомъ мекушомъ засадиле, а разнымъ благовонымъ цвећемъ разкошно и обилато натруниле. — Стресите дакле доякошныій прахъ съ ваше обуће, съ ваше одеће, съ ваше главе и съ целогъ вашегъ тела! Стресите га слободно, и овде га при подножю овы дичны гора' оставите, па нек' се съ ньиме ветрови вияю и играю и у море га носе! — Одяко ће се, ако и упропнице, помоћу Надгоркиня' неуморно путовати! Свете Аполлонове ћерке блесну'ће съ ове блажене высине на васъ младе мов госте, ниспослаће Вамъ отуда нуждный свѣтъ ньинъ, да бистрым' очима, чистымъ умомъ, лаким' ногама, ведрымъ лицемъ, веселымъ срдцемъ и раздраганомъ душомъ къ преблаженым' ньинымъ дворовима, куд'но се самномъ позивате, срећно и неутрудно приспети можете. Да! одєкъ ньиовог' гласа већь му у ушима звони:

„Светли были твои гости!
„Крепке быле њине кости!
„Срећно къ нама достигли!
„Кад' су нама с' постригли! —

Видите ли, съ каквомъ васъ жаркомъ вольомъ Богинѣ, свете наше Патронкинѣ, желе и чекаю? —

Да радостна одъ Васъ клика,
Кад' видите њина лика! —

Али, чуйте, чуйте добро, млади путници! Мракъ са светлостю никад' дружбе не'ма. Вода съ огнѣмъ никад' се не люби! Светиня и небесна чистоћа неприступна е грешности и земальской каоности! На смртнима не'ма веће и сяйніе среће, ванъ, кад' ін сунце съ яркогъ лица Бе'смертника' непосредствено грее и топли! — О, слава буди Славителю! ево и насъ на путу, путу блаженом' къ Парнасцу и Ґліконкињама! Но да бы у велесветле Патрона Аполлова палате приступъ светла образа имати, и свештеным' му ћеркама Мусама чисто у очи погледати могли, нуждно вамъ е и потребно, да се што више њіовыма свойствама приближите, или се, што већма њима уподобите; єръ, Богъ ме, света е истина, да само

„Ὅμοιος πὰρ ὁμοίῳ ἰζάνειν," т. е.
„Раванъ кодъ равнога седити,"

може, и, да е свагда

„*Τέττιξ μὲν τέττιγι φίλος, μύρμηκι δὲ μύρμηξ.*“ т. е.

„Зрикавацъ зрикавцу другъ, а мравакъ мравку.“ — *)

Тако дакле, найпре и найпре обуцыте — не велимъ ваше тело — но Вашу душу и срдце у светлу и чисту ризу бе'злобности и непорочности! Истресите изъ нѣ (Недай Боже да га имате), убитачный прахъ злобе, невалялства, зависти, пакости и пряве олости; окрил'те се лаганым' крил'ма вредноће и прилѣжности, а свргните буѣаво и плесньиво перѣ леньости и трулежа! — Братска, међусобна и дружевна любовь и слога, нек' су вамъ на краю крила' два найяча и найпоузданія пера. Она, да она ће васъ заиста кадрыма и достойныма учинити, да се на предстоећима пожелѣным' высинама безъ поо муке нађете, и, да одъ Бе'смртника' бе'смртне златне дарове получите. Но наймиліи любимцы Муса' веруйте ми, можете быти, и оне ће Васъ найрадіе и съ найвећомъ вольомъ онда дочекати, загрлити и изъ независтногъ имъ пеара Васъ напоити, ако Вамъ се за капомъ узтресе перяница дѣвственості и цѣломудреності; еръ Богинѣ ове у великой су распри и мржньи съ безъ отца и матере изъ морске пене чудновато роѣеномъ Богиньомъ Венеромъ. Ако съ тымъ, што реко', предъ ньи неузидете, опетъ веруйте ми, савъ Вашъ трудъ тако ће быти плоданъ и постоянъ, као што е тврдо и постояно оно, што бы човекъ на води, или на развеявомъ песку прстомъ написао! —

*) Θеокрітъ у Идил. 9. стіх. 31.

Видимъ сад', драги мои путницы, да Вамъ на лицу стои силна жеља, сазнати: За што су само ове четири горе, тако дичне, тако прославлѣне и Музама и ньиномъ Отцу посвећене? — Чуемъ къ томе и потайно изъ Васъ пытанѣ: коя ће Вамъ полза, и кои ће то дарови за Васъ быти, кад' се на высине овы гора' испенѣте? — Оћу дакле той вашой праведной радозналости задоста учинити, па и то Вамъ редомъ обзнанити.

Число четири првый се путъ у постаню света тымъ ознаменило, што є Творацъ нашъ, каошто стари кажу, основъ овог' света, на четири ствари, т. є. на води, огню, воздуху и земльи положіо. Другій путъ четири знаменито є постало, кад' су Природницы и Годословцы єданъ облетъ землѣ око' сунца, или єдну годину на четири ова стуба, т. є. на пролећу, лету, єсени и зими, подбочили. Трећій путъ прославило се одвише число четири, кад' є нашъ Избавитель Христосъ сишо на землю и подиго свою божествену и спасителну науку на четири златне подпоре, на четири Евангелія! Четвртый пакъ путъ ево се число четири прославлява, кад' є Поєзія свой велесяйный градъ постанила на четири высоке горе, на четири главне нѣне части, т. є. на гори Парнасу, или части Лүріческой, т. є. пѣсненой и духодражной; на гори Елікону, или части Дідактіческой, т. є. поучителной; на гори Піеріону, или части Епіческой, т. є. приповедателной; и на гори Пінду, или части Драмматіческой т. є. представителной.

Отвор'те сад' недра ума, да Вамъ бацимъ

іошъ у ньи и одговоръ на потайно Ваше пытанѣ: коя ће Вамъ полза, и кои ће то дарови за васъ быти, кад' се на ове высоке и дивне горе испенѣте? —

Дакле, кад' будете на Парнасу, наћи 'ћете на томъ крепкомъ стубу Поезіе едну широку картину, на коіой стое правила, како ћете разне и важне, кое одъ наши' милы еднопламеника', а кое одъ велепоштованы иноплеменика', састављене песме и оде разумевати, а и сами собомъ и, кадгодъ Вамъ Музе у помоћи буду', измозгавати и узъ свирке іи, ради душевне и срдачне забаве, удешавати моћи! И што е найскупоценіе, наћи ћете ту златный разбой, на коме се Богу, нашем' благом' и милостивом' Створителю, хвале и славе награђую и ткаю! —

На другой блаженой гори Елікону, увиди'ћете красну д'ичицу съ живомъ приликомъ, како су се умови светски уплашили и плаше одъ основны изреченія':

„Ἐκ τῆς ἀμαθείας πολλὰ πάσχομεν κακά.“ т. е.

„Изъ незнаня млога патимо зла.“ — И

„Δεινόν γε ἡ ἄγνοια καὶ πολλῶν κακων ἀνθρώποις αἰτία.“ т. е.

„Бедна е глупость и млоги' зала' люд'ма причина.“ *)

*) Лукіанъ Самосаћанинъ, у свом' Слову: Како не валя и не треба лако опаданю веровати. Овога давнога Еллинскогъ Списателя два дивна сатиріческа діалога дивно намъ е сад' скоро посрбіо у своме: Новоме прилогу за душевну забаву машъ искусный и сладкій Србинъ Стенћ ь.

па се сложно оружа'ли и оружаю противъ ова два пакостна звера, глупости и незнаня, кои свакій часъ и данъ гледе, како ће людске умове и њину просвиту жертвомъ свои' челюстій видити; дизали су се, велимъ, и єднако дижу на њи, да ји оджене и упуде на пропасть Етне, Хекле и Везува, па да се крозъ њи стропоштаю и стрмоглаве, куда? — на дно пакла (пекла), да се у њему попеку и да више нигда света и светске дивоте не уочаваю.

На трећой гори Піеріону кад' се обретете, смотри'ћете єдну широку и дугачку крилачу (таблу), изъ коє 'ћете сазнати, како су наши, а и млоги други пре наши', стари своє заслужне дедове и отцеве, због њины витежства', коя су ови у обрани миле' своє домовине чинили, бе'смртным' венцыма славе и похвале увенчавали и увенчаваю; къ томе иза истог' частног' стуба, чу'ћете божественый гласъ и налогъ, да и Вы своє старе, своє поготовне дѣдове, своє миле отцеве, своє драге стричеве и свою прелюбезну родбину, коя се одъ толико дугог' времена борила, да славу и слободу данашню, на крвавом' полю Косову пре четири стотине и неколико десетиња' година' због несрећне неслоге изгубљену, поврати, и коя (родбина) ю намъ є ево данасъ, (фала Свемоћцу!) повратила, те є сад' помоћу Божіомъ, милостю великомоћны Царева' и међусобномъ братскомъ слогомъ подиже и разгранява; чу'ћесе, велимъ, иза истогъ крепкогъ стуба Поезіе божественый гласъ, да и вы на славу и честь таковы свои' дѣдова', отцева', и друге млоге премиле браће Срба' њине, што зноявніе и крвавіе, то све сяйніе и дичніе под-

виге и труде за милу и обшту майку Србію учинѣне и чинеће се, у неувеле венце славе и чувеня саплетате и у Панѳеонѣ ји нашъ поставляте, па нека имъ грми име и слава њина, какогодъ громови у облацыма узгрме, или

— — — —, неба докъ є годь плавога
Надъ лицемъ земнымъ. *)

Кадъ васъ напоследку донесе срећа на четврту гору, или стубъ Поезіе Пиндъ, видиѣете на нѣму непремѣне Указе, како се у свету правда и милость чува; т. є. како се невалялцы и отрови людски у подсмсю целом' свету на одређеном' гледалишту представляю, како се страдалци и невольлницы на крилы' жаоће носе и одъ яда' и неволѣ бране, и, како се найпосле люди у тишини срдца, душе и савести свое четама скупляю и по рекама веселости и сладости купаю! —

Видите л', драга моя млада скупо! видите, колике и какве даре за васъ Мусе спремаю? Єсу заиста богате и у изобилности! Та оне су саме, доклегодъ Мінерва, оштротомъ гвожђа изъ главе Юпітерове искресане излетила ніе, одъ искона, па све до данашнѣг' дана светъ за руку водиле, съ умова' маглу свлачиле и поштенѣ у срдце людско уливале и єднако ће водити, свлачити и уливати; єръ Богъ ме и данасъ, кад' годъ Мінерва намери, подиѣи где какавъ свой дворацъ, ту мора и драго каменѣ, ископано изъ Аполлоновы и Мусински' гора', трептити и очи засењивати. —

*) М. Светићъ у Оди имену „Милошъ.“

Желимъ дакле своимъ душомъ и срдцемъ, да Вамъ Богъ милостивый дарує крепость разума, да у вама братска любовь, слога и вредноћа царує, па да срећно, полезно и славно крозъ сяйне дворе Муса' проћете! — Знайте, знате, да

„Ἐκ Μουσῶν ἀγαθὸν κλέος ἔρχεται ἀνθρώποισι!“ т. є.

„Одъ Муса' лепа слава долази људма!“

(Θеокр. Идил. 16. — 58.)

В. Радишићъ.

3.

ПОНЕШТО О КОЋЕМУ.

Онога се народа срећа и слава на якомъ основу диже и развія, у комъ се свакій редъ людій по закону вере у отправляню свои дужностій влада и управля. Ко верує, да има Бога, кои све види и зна; ко свога ближнћга као себе самогъ люби и никомъ не чини, што ніе радъ, да му другій ко учини, и ко се нада, да ће му се єдномъ за вечито време, како буде заслужіо, добрымъ или злымъ платити — не може никако порочанъ и злочестъ човекъ быти. Како се у наша времена люди изображаваю, никако се не можемо надати, да ће скоро права філософіа, а по ньой истинита мудрость, обште на-

рода благо быти; зато валя да се сви люди, начелно и найвыше, по евангелской науцы, у побожности, у любови према ближнѣму и у надежди за вековечанъ животъ душе обучаваю и подижу. Простъ є човекъ безъ религіе, безъ закона вере, или скотъ ил' зверъ; а и свакій великашъ, ненузимаюћи ни цара ни краля, безъ нѣга є іоштъ много горій и црньій, него свакій закона неимаюћій простакъ. — Но ніе свакій побожанъ, Божѣ дете и людскій братъ, кои често и предъ светомъ — кланя и на оне виче, кои на месо коекадъ не мрзе. Само у добру делу доброта се душе и срдца показуе! Презиранѣ закона Божѣга, као што га у евангелской науци налазимо, доиста є првый и найвећій коракъ пропасти како свакогъ човека посамце, тако и свега народа у скупи.

Іоштъ ніе онде културе и хуманитета, правога човечногъ изображеня душе и срдца, гди се мысли и држи, да народне главе и старешине само права, а њини народи само дужности имаю. Свакій човекъ, и великій и малый, има, и треба да има, и права и дужности. Нико на свету не'ма право зактевати, што є неправо и зло; нити є ко дужанъ оно чинити, што є неправо и зло.

„И гле! Єданъ приступи и запыта: „„Учителю благій, какво ми добро валя чинити, да задобыемъ животъ вечитый?““ Іисусъ му одговори: „ако оћешъ живота, а ты се владай по заповед'ма!“ — „„„Кое су то заповеди?““

упыта га онай. А Іисусъ му одговори: „Не уби; не облюби туђегъ друга; не укради; не сведочи лажльиво; поштуй отца и матерь, и люби брата ближнѣга, као сама себе!“ — Матѳ. 19. 17. Може ли се што лепше и болѣ казати, па и учити и научити!?

„Изъ развалина' диже се новина.“ — Србско є царство лепъ створъ био. Оно є было величественъ храмъ, у комъ є савъ Србскій народъ слободно своимъ якомъ и благомъ Богу служіо, у пуной слави свое самосталне цркве; оно є было и дично отечество, у комъ є цео родъ Србскій у чистой своіой народности благослове грађанске слободе уживао, дичећи се и поносећи своимъ кралѣвима, а и царевима, своимъ великашима, и своіомъ отечественомъ самосталносћу, кою є онъ своимъ юначествомъ и своіомъ ватреномъ любови према поносу имена своѓъ и отачбине био задобыо, и после неговао, чувао и браніо. Неманѣ нису нигда маньи были, отъ млоги ондашньи осталы кралѣва; подъ ньима и съ ньима ніе ни Србскій народъ лошіи био отъ млоги други народа' онога времена и века. А мало є онда земаля было, у конма се народъ са своимъ кралѣмъ и са своимъ кнезовима и великашима на скупштинама онако мого разговарати и договарати, као Србскій народъ са своимъ онакимъ Старешинама! Но Србинъ нигда ніе знао трубити, да савъ светъ чуе, ко є, шта є и какавъ є нѣговъ родъ; и данасъ се онъ труди и знои, овде и онде, у мирно и у ратно доба, и лепо и славно, па све мучки, безъ уке и буке, безъ поноситогъ глашеня

и указиваня. — И то є найвише учинило, те Исторіа данасъ выше говори о коєкаквымъ малымъ кнежевинама, островима и градовима, него о Србскомъ кралѣвству и царству, когъ су, у свомъ цвету бывшегъ, пограничне точке быле: Фрушка гора, Дубровникъ или Рагуза, Солунъ или Салоникъ и Бугарко поморавлѣ! Свакій є народъ ковачъ своє среће, па и гласникъ своє славе; да є и Србско перо онако оштро было, као што му є мачъ оштаръ быо, веће бы се и светліе име Србскога народа данасъ по свету разносило! — Зла є срећа наменула была, а и зла є душа проклетога издайника ктела, да србскій царь решителну битку на Косову изгуби: ту се порушило гордо зданіе лепога Србскогъ царства: судбина є решила, да не буде выше ни царевине Србима, кадъ имъ є Немања' збогъ кривице Србскога грешника нестало! Лазара су и Лазареву землю упропастили грдни греси црнога Вукашина и іоштъ црнѣга Бранковиѣа. Отонда є Србска Деспотовина, у сумрачной слави само у развалинама Србске силе и отечественe дике іоштъ за неко врсме живећи, за прећашномъ величиномъ царства туговала и непрекиданъ бой съ несрећомъ и съ непріятелѣмъ била. Найпосле нестаде и те Деспотовине! Но правда и милость Божя не даде, да невинъ Србскій народъ збогъ порока два три зликовца и грешника сасвимъ пропадне: народъ є добаръ быо, па такавъ и остао, а

*) Колико є, на жалость, мало и незнатно оно, што смо мы о знаменитымъ делима Србскога юначества и отечестволюбя говорили и писали, коя су се у наша времена подъ славнымъ Войводомъ, Црнымъ Ђорђемъ, учинила!!

само покваренъ, развраћенъ и порочанъ народъ посве пропада. Развалине Србске негдашнѣ славе, кое су се у народу одржале, остале су знатне и лепе. Старый се Римлянинъ готово нимало не познае на данашнѣмъ Таліянцу, и развалине народности у данашньой Грчкой врло слабо показую, какавъ є старый Еллинъ био; а данашньій Србинъ правый є братъ и равноличанъ другъ Милутиновы, Урошевы и Душановы Срба. Съ развалинама се накитъ целости порушіо; али се у ньима ништа ніе изгубило; драгій є каменъ остао драгій каменъ, ако и єсте у калу несреће свою светлость или свой блескъ изгубіо. Богу фала! време є настало, гди се изъ Србски развалина' лепа Србска новина диже: „тећи ће вода, кудъ є текла“, што є Србска майка рекла! Вальда є суђено, да Србскій народъ іоштъ єданпутъ лепо и славно живи; но да бы онъ подругій путъ дуговечанъ и срећанъ био, валя му се: „Бога бояти и людій стидити“, т. є. ништа не чинити, што є предъ Богомъ греота и предъ светомъ срамота; треба му радити, да то зданіе свога грађанскогъ отечественогъ стања, кое є садъ дизати започео, родолюбиво у лепой слоги и тврдой вери, доврши; валя му свой законъ, свой єзыкъ и свое име сложно чувати и бранити, и треба му на уму и на срдцу имати, да є Србину најболѣ и најлепше Србиномъ быти, и знати, да безъ поноса народности и безъ законнога реда и безъ изображеня у наукама и вештинама нема нигди славе и ячине у народима!

О томъ се никако више не може двоумити, да нису науке онай благословъ неба, коимъ народи силни, славни и богати постаю. Нашто бы то іошть будалама доказивали? Ено Енглеза онде и Француза, ево Немаца овде и Руса, па нек' гледаю и траже на ньима, чимъ су се они онако дигли, увеличали и прославили! Праве славе и среће безъ слободе не'ма ни у каквой земльи; а праве слободе нигди не може быти, ни постояне ни дуговечне, гди не'ма изображеня у народу, гди не'ма науке и вештине. Да то ніе такó, Турско бы царство найсрећніе и найславніе было!!

„Што є моє, ніе твоє.“ Ништа правіе и паметніе! Али има прилика и случаєва, кадъ моє валя да є и твоє, и твоє и моє. Пріятелска потреба, нужда и неволя несрећника и беднога, а особито прилика, гди се ради о народномъ и отечественомъ добру и благу, пунымъ правомъ зактева, да су наша добра обштинска и узаймична. Сви за све, и свакій за своґъ брата треба своє добро да жертвуе. Иначе свакій путъ, што є моє, ніе твоє! Али зло, гди то само силни и яки могу казати и држати, а маньи и слабіи само о томе мыслити и туговати мораю; гди они, велики, суровымъ челомъ говоре и деломъ показую: „што є моє, то є само моє, а што є твоє, то є и моє и твоє!“ докле се онде миръ држати може! Наопако є, баремъ по некима, кадъ се слаби и маньи сложе, па у єдинству почну заямъ враћати, и доказивати, да и твоє може и мора и моє быти!

Примери у народу млого могу учинити; науке чине іоштъ выше, а закони найвыше. Но то трое заедно на свакій начинъ найпрече и найболѣ творе, да се народъ помогне и усрећи!

„Човекъ се не рађа зао; сва су деца безазлена; сви су младићи милокрвни и за братство и пріятельство склонѣни; родительи милую свою децу, и сви су люди побожни.“ Но недостатакъ добры закона, а іоштъ выше самовольно гнѣтанѣ са стране необузданы и беззаконы властника, людство квари, и чини, да оно подмукло, ладнокрвно, тврдоглаво, незадовольно, невесело и зло постати мора. Само паметно и добро свештенство, и мудро и милостиво владарство доброту и красоту човечества обдржава и увеличава.

„Неколико година валя,“ вели Волтеръ, „докле ко выше єзыка научи; али да бы ко свой матерный єзыкъ красноречиво и честито научіо, зато му треба савъ човечій векъ употребити!“ Мы єдни мыслимо, да можемо Србски писати, па іоштъ красно и валяно писати, и ако нисмо ни годину, ни месецъ дана, нашъ матерный єзыкъ учили! „Србинъ быти, па србски не умети писати, или и говорити, може ли то быти?!“ Може, те-яко, яко! — Дай да учимо нашъ милый матерный єзыкъ, да насъ не нађе стыдъ и срамота и отъ садашнѣга света, и отъ наши потомака!

Прва є светиня у народу нѣгова вера; она му є свето добро, за кою су нѣгови предци славно крвцу проливали, своє благо жертвовали, а не мало и страдали, и кое су му они, умирући и гинући, томъ препорукомъ, кадшто и заклетвомъ, оставили, да га, колико и свой животъ, држи, чува, негує и брани. У своіой вери народъ све и свако своє добро налази; кадъ се Србинъ „за веру и законъ“ дизао и біо, да се онъ мучіо и крваві и за своє отечество, и за свою слободу, и за своє обычає, и за свою породицу и децу, и за своє добро и за своє огньиште! Чуваймо дединскога закона, да бы и онъ насъ чувао! — Но вера є божественый законъ, коимъ се людска наравь путемъ добродѣтели и благочестивога живота къ блаженству, къ земской доброти и небеской радости руководи; али она ніе оно, што народность чини. У єдномъ народу могу и две и три вере, или разлике єдне вере, быти, и онай народъ поредъ свега тога остає онай истый єданъ и неразлучанъ. Крвь, и по ньой обычаи и склоности, и єзыкъ съ именомъ народъ чиње, а не вера. Благо ономъ народу, кои єдну веру, добру, миръ и любовь проповедаюћу веру, има; но слабо є данасъ кои народъ тако срећанъ. Зато видишъ ли, да ко твоє име носи, твоє обычає имаи твой єзыкъ говори, знай и држи, да є онъ твой братъ по народной крви и нарави, па ако бы онъ и друге вере было, а не твоє и твои предкова'. Законъ вере заповеда, да се сви люди на свету као ближня браћа пазе и любе; гди бы она дакле налагала, да браћа отъ єднога народа єданъ на другогъ мрзе?! Србинъ источне православне вере свуда є,

у свакой провінціи, гди живи, Србинъ: Србинъ изъ Сербіе, Србинъ изъ Срема, изъ Славоніе, Рватске, Далмаціе, Босне, Ерцеговине, Бачке, и т. д.; зашто да се и онай нѣговъ братъ, кои спасеніе свое душе у западной каѳоличкой вери налази, Србиномъ не зове и за правога Србина не држи? Заръ є нѣговъ єзыкъ другій, или є заръ друга у нѣговымъ жилама крвь? Не чини вера, да се двоимо; но пусто незнанѣи — невалялство людій!

Кажу: срећни люди имаю пріятеля! Но пріятельи срећны людій попайвише су вуци у овчіимъ кожама или претворне лисице. Правіе бы было, рећи: срећни имаю непріятеля, єръ имъ млоги завиде и злобе; какогодъ што и несрећни сваштa могу имати, и често имаю, осимъ єдны пріятеля. Тако є чуданъ светъ, све: што є слабо изображенъ, што путно и право не уме осећати и мыслити!

Прва є и найлепша добродѣтель човечность или доброта срдца. Залуду є све друго, кадъ те у каквомъ човеку не'ма. Іоштъ више! Зло є и наопако, кадъ човекъ, кои добра срца не'ма, другимъ силама владати може, особито вештинама и наукама. Ако кадъ ђаво узима образъ човечій, да зла по свету чини, то се онъ доиста найвише у виду учена човека, кои душомъ и срдцемъ ніе добаръ, у нѣму явля и показуе. Якъ, добаръ характеръ, то є божественo єстество човечіе нарави; богата уче-

ность, то є нѣнъ лепый накитъ. Но ова є цвеће, у комъ єдовита гуя сакривена лежи, кадъ се несрећомъ деси, да съ онымъ у єдномъ човеку ніє сдружена и скопчана. Проклетство є блескъ учености у бездушна и неваљала човека, и благо доброй и смерной простоти, коя є отъ таковога удаљена. Добре, али неизображене, старешине найвештіє и найлукавіє на зло наводе учени люди, кои срдцемъ нису добри и честити: они су прави Мефістофелеси. — Па опетъ безъ наука, безъ учености не'ма ни лепога доброгъ, ни узвышеногъ живота!

„Ко выше себе плює, на образъ му пада.“ Има Срба, кои свога матерногъ єзыка не уче, кои на Србско књижество презрителнымъ окомъ гледаю, кои не испытую и не изтражую заслуге и добродѣтели свога Србскогъ народа, кои се увлаче у ято туђинства, кои се стыде свога Србскогъ имена и закона, кои — тако выше себе плюю! Не было имъ ни образа, кадъ имъ онъ ніє онако чистъ, као што є у оны, кои выше себе не плюю! — Лако є своима добаръ свой быти; у томъ є сама наравь учитель и руководитель. А шта вештине, колико ли лукавства, претвараня и лаганя непотребує, докъ какавъ иевера и изданца свои' туђину, съ коимъ се радъ сдружити и с'єдинити, не покаже, да є ямачно сасвимъ нѣговъ, и да на своє, комъ отъ нарави принадлежи, доиста мрзи! О лудости, о неваљалства!

Мысли, па и упамти: „Любовь є пуна и меда и єда. — Тія вода брегъ рони. — Безъ здравля не'ма богатства. — Ко зло чини, нек' се добру не нада. — Ко изгуби срамъ людскій, изгуби и стра Божій. — Ко злима опрашта, добрима шкоди. — Залуду є зачина, кадъ ніе начина. — Віно и мудрога побудали. — Ко жали клинацъ, изгуби подкову. — Већа глава, више главоболѣ. — Богъ не труби, зашто човека губи. — Ко высоко лети, ниско пада. — Ко брзо суди, брзо се и кає. — Видима є беда, у старца жена млада. — Зао умъ, готовъ судъ. — Киша пада капльицама, па напада локвицама. — Како посеєшъ, онако ћешъ пожнѣти. — Отето проклето. — Ябука, коя доцканъ сазре, дуго стои. — Ко млого піе, по глави се біе. — Ко се чува, и Богъ га чува. — Како право, онако здраво. — Болѣ є умети, него имати. — Док' имашъ, донде и чувай. — Залуду има, кои не ужива. — Што ко чини, све самъ себи. — Наука є єдна мука, а одука две. — Ништа ніе яче отъ времена. — Ни честитоме теци, ни зломе остави. — Єдно зло све се изъ другога сную. — Време ни закимъ не чека. — Воде и злобе никадъ неће пестати. — Бой се Бога, твори право, па се не бой никога!“

Д. І. Стеићъ.

4.

НЕРО.

(По Немачколе.)

Єданъ отацъ сеђаше єдномъ са своимъ сыновима, и о томе имъ говораше, како се човечіе срдце меня, како оно, у младости добро, найпосле зло постає, па имъ о томе приповеди єданъ примеръ изъ Исторіе Рима.

По смрти Клаудія, посади се младый Неро, ученикъ Сенекове мудрости, на царскій престолъ. Великаши Римскога царства были су се скупили, да му се поклоне; подло вєћъ понижены Сенатъ поздрави свога новогъ бога робскомъ готовосћу, и ласкательи приступе, да око нћга смутльиво и безстыдно ревную за нћговомъ милосћу. У сяйной сали сеђаше онъ на єдномъ златномъ, дивно окићеномъ и украшеномъ престолу; до нћга нћгова мати, презредна Агріпіна, и нћгово се лице блисташе отъ обилне радости у новомъ и необычномъ величеству.

Ласкательи, падши на колена предъ нћговымъ престоломъ, стану му говорити: „Господару, мы те поздравлямо, као нашега бога на земльи; нашъ животъ, и све, што имамо, твоа є; ты заповедай, а твои ће се робови кланяти на сваку твою желю и волю!“

На то се царъ диже съ свога єрона и рекне: „Не тако, браћо моя; я самъ човекъ, па и надамномъ богови суде!“ — И онъ се

ніе радовао о томе, што су му се они ласкательи нашли; него се іоштъ и озбилѣнымъ лицемъ окрене къ своіой майци, и рече іой: „мати, ты ме отъ овы брани!“

И майка на то полюби дивнога сына у образъ, а Сенека, нѣговъ учитель, кои є у єдномъ углу мотріо, како се нѣговъ питомацъ у найрешителніємъ часу свога живота показываше, пусти изъ свои очію сладку сузу радости. И пошто су се сви поклонили были, ступи и онъ напредъ, и поѣе крутымъ и мужкимъ коракомъ, као и свагда, къ царевомъ престолу. Неро сиѣе съ нѣга доле и заборави высочество опогъ часа и своѓъ достоянства, па загрли учителя и єцаюћи вапіе: „Отче, отче, шта ми валя чинити, да и я срећно царуємъ, као што є Августусъ царовао?!“

А Сенека му на то отговори збильно: „Люби мудрость и клони се ласкателя'!

Неро му обећа великомъ заклетвомъ, то чинити, и претисне іоштъ веѣма свога учителя на своє груди, и постави га до себе узъ престолъ, да му буде подпора нѣгове младости. А Сенекино се срдце надимаше отъ радости, што Неро, првый меѣ' людма, оћаше быти и найболыій меѣу ньима! —

То є быо онай истый Неро — настави отацъ свою приповедку — кои є после свега оногъ мудрость презирао и ласкателѣ слушао, и после неколико кратки година', окалянъ крвлю своє майке, своє жене, свога роѣе-

нога брата, свога онако драгогъ учителя, іоштъ у цвету младости разслабљеный старацъ, као найуђій отметакъ людства, самъ себи смрть задао!

Д. І. Стеићъ.

5.

ПРИМЂРЪ ИЗЪ ГРЧКЕ ИСТОРІЄ СТАРЕ.

Мудрый Ликургъ дао є Шпарти добре и спасителне законе, коима су чиста наравь и добри обичаи крѣпка подпора были. И Шпарта є пуна наравне снаге и жива духа побѣдама свѣтлила, и вѣнцемъ среће и славе украшена блистала. Мало по мало почне доброта нарави падати и изчезавати, обичаи кварити се и губити; съ ньима и снага и духъ ослаби и клоне, па и закони, кои су пре чудеса производили, остану садъ безъ свакога дѣйства. Она славна Шпарта, побѣдама свѣтливша, постане свуда побѣђена, у внутрености понижена, и осрамоћена, тако да се као позориште дуготраюће самртне муке и борбе сматрати могла. И онде, гди є пре утѣциште слободе было, гди су крѣпостне уредбе државну власть у непрестаномъ равновѣсію удесно придржавале, овлада на последку безпредѣлно самовольство и тиранство Клеоменово.

Већь су садъ погажени и умртвлѣни закони лежали, човечество оборено и понижено у ярму тежке муке стеняло є, све што є свето и пречестно, было є поругано и обезчешћено; заслуга, поштенѣ и добро име убієно и утучено. Клеоменъ све є већь своимъ необузданымъ свирѣпствомъ преиспуњавао. Но да бы савршену побѣду одржао, и самовольство и тиранство свое утврдіо и обезбѣдіо, последнѣ подпоре достоинства човеческа у Шпарти прогна и уклони, Ефоре све поубія, Сенатъ дигне и уништожи, све болѣ и знаменитіе люде протера и у заточеніе оправи, те тако све струке државне власти у свое руке смота и скупи. Садъ є већъ звѣрска Клеоменова душа (ако се душомъ назвати може) побѣдоносно торжествовала найвышшій степенъ суровства свога, и явно ругала се достоинству и светости човечества. Али управъ што є мысліо да ѣе самовольство и тиранство нѣгово утврдити, оно буде као средство самомъ нѣговомъ рукомъ за свою вѣчиту пропасть преправлѣно. Народъ Шпартанскій, наравима покваренъ, духомъ и внутреньомъ снагомъ ослабѣвшій и клонувшій, имаюћи пре нѣку сѣнку подпоре у Ефорима, Сенату, и знаменитіима людма, кои су ударце Клеоменове подносили, ниє толико самъ ни мысліо на крайню опасность, у коіой се налази, садъ лишенъ свакога заклона и обране, пробуди се изъ дубокога сна свога, и ужасне се угледавши према себи ово чудовиште рода человескогъ, коє се противу човечества устремило, и скупивши разсеяне силе своє, коє съ вольомъ никада неоскудѣваю, обори Клеомена са трескомъ, нѣга протера, и съ ньимъ тиранство и самовольство сакруши и сатре, те та-

ко истини и правди и достоинству човечества своя права присвои и обнови, и опетъ изъ таме у свѣтлость ступи. Тако є: Где разумъ недосеже и правда невлада, онде мунѣ и громови, и мачеви суде.

М. Светићъ.

6.

НАУКЕ ИЗЪ АЗБУКЕ.

А.

1. АВЕТИНЯ.

Аветинѣ су за непросвештене главе, премда невидима, зато опетъ найвећа страшила на свету. Ако бы ко реко, да є где какву аветиню видио, и, што є іоштъ смешниє, съ ньомъ говорио, валяло бы му безъ сваке полїтїке у очи казати, да лаже; єръ где бы онъ аветинѣ видио, кад' оне само по главама єдногъ реда людій шећу, и никуд' далѣ изъ ньи' не иду! —

2. АЖДАЯ.

Аждая є, каошто приповедаю, єдна зверь, коя и животна и люде, кад' ій годъ дочепа, немилице прождире. По мнѣнію Пѵѳагоровомъ, да се човечиє душе, кад' изъ тела своєгъ изиђу,

у разна животна увлаче и у њима пребываю, и я бы се за аждайску душу усудіо рећи, да се и она, кад' изъ тела своѓъ излети, по разным' зверовима, а и по истымъ людма сеѕ. Почему, ако ко нигди аждаѕ ниѕ видио, оно ін у човечеству по читаво ято ласно видити може! —

3. Альина.

Альине, каже великій Васіліѕ, два су посла: Єданъ ѕ, да покрива людску наготу, а другій, да закланя човека, или одъ зимне циче, или одъ летнѣ препеке. А данасъ се альина провредила и има іоштъ два посла: єданъ, да насъ прави мудрыма, а другій, да насъ найвећма препоручуѕ! —

4. Айка.

Айка ѕ, ако ко незна, скупа людій, кои разпућую съ поля' шкодльиве зверове, да имъ марву не тару. Како намъ се где млоги куряцы прочую, то ти се сместа на њи айкомъ дижемо! Човекъ ѕ жива икона овоѓъ великоѓъ света; Па какоѓодъ што у овомъ великомъ свету свакояка и питома и дивля звериня има; исто тако и у малом' свету човеку и благи' и люты' зверова' страстій има. Одъ айке дакле, кою на люте у човеку зверове водити треба, слабо кодъ кога спомена има! — Има и у сред' градова' и варошій люты' вукова' подъ овчиномъ кожомъ, кои светъ подмукло гиняве и деру; и противъ овы нема намъ пречег' лека одъ айке! —

В. Радишићъ.

II.

ПРЕВОДИ У ПРОЗИ.

1.

ДВА СОКРАТОВА РАЗГОВОРА.

(Слободно посрбљена съ Еллинскогъ изъ Ксенофоновы Знаменитостій.)

а.

СОКРАТЪ САВЕТОМЪ ПОМАЖЕ ПРИЯТЕЛЯ СВОГА АРІСТАРХА, КОИ МУ СЕ ТУЖИ, ДА МУ Є ТЕЖКО И НЕ'МА ОДКУД' ЖИВИТИ. КНЬИГ. II. ГЛ. VII.

Сократъ є къ томе (говори Ксенофонъ) настоявао, да своим' приятельнма бриге и тегобе, кое су имъ се изъ незнаня рађале, самъ паметномъ беседомъ лечи, а оне, што су имъ изъ оскудости и сиромаштва произлазиле и мучиле ih, учио є онъ да ih сами люди, у колико се годъ може, узаймичномъ помоћу єданъ другоме

съ врата скидаю. Ево ћу и о томе казати нешто, што самъ одъ нѣга запамтно. Єдномъ види онъ свога приятеля Арістарха, где се нешто забринуо и снуждио, па поведе съ њиме овакій разговоръ:

Сокр. Чини ми се, Арістарше, да ти є нешто неповољно и врло тежко; треба пакъ човекъ понешто одъ свога бремена на своє људе да осланя *); єръ ямачно и мы бы тебе, кад' бы намъ што одъ твоє теготе предао, олакшали. Аріст. Бога ми самъ ти, Сократе, у великой неволи; єръ како намъ се ово по држави узмути и побуни **), те намъ млоги изъ Аоинє побегоше у острово Пирей, скупиле су се сад' око' мене, оставлѣне одъ свои мужева' и отаца', толике саморане сестре, сыновице и нећаке, да ми є садъ съ њима на дому четирнайстъ самы слободны и благородны душа'. А нити сад' одъ землѣ што добыямо; єръ намъ њомъ непријательи већь владаю и заповедаю, нити пакъ што укућевине (кирие) одъ кућа' узимамо; єръ намъ є у граду сасма малено људство постало. Одело и остале обуке већь овде нико не продає, нити є могуће узаймити одкуда новца, но, чини ми се, прећe бы га човекъ тражећи по улица нашо, него га где одъ узайма достао. Теж-

---

*) Ово Апостолъ препоручує говорећи: Дрѹгъ дрѹга таготы носи́те, и та́ко и́спо́лните зако́нъ Хр̃то́въ. Къ Гал. 6. 2.

**) Ово се догодило за владаня Тридесеторице *τῶν Τριάκοντα*), коє такође Ксенофонъ у своіой Исторіи Еллина', књиги другой описує.

ко ми є дакле, Сократе, гледати родбину, да тако страда и злопати, а овамо ми є сасвымъ немогуће, у тако зло време и наопаке околности, толике ію ранити и издржавати.

Саслушавши то Сократъ овако му далѣ настави разговоръ: Сокр. А да како є то, драгій пріятелю, да Керамонъ толике ньи на рани има, па опетъ, не само што може себи и ньима, што є за животъ нуждно, набављати и давати, но и толико сувише има, да се и богатымъ човекомъ назива? Ты пакъ, где прилично число ньи' обдржавашъ, брже си се уплашио и вайкашъ се, да са свима ньима безъ нуждне телесне подпоре у немаћу не пропаднешъ? Аріст. Уплашио самь се, Богъ ме, те како! Єръ Керамонъ нашъ рани слуге и роблѣ, а я слободне душе препитавамъ. Сокр. А шта велишъ, да ли су те око' тебе слободне душе ишто болѣ, или оне, што кодъ Керамона служе и робую? Аріст. Я бы тако реко, да су ове око' мене као слободне млого болѣ. Сокр. Дакле ніє ли то срамота, да Керамонъ съ горомъ и маловажниомъ челяћу тече и богати се, а ты, око' кога се силу болѣ и честитіе душе наоде, да си тако у невольи и натеги? Аріст. Али, Богъ ме, онъ рукоделце крми, а я у племенитости одрастле и воспитане душе ранимъ. Сокр. А еда л' су оно какви ходожници и рукоделци, кои ма што полезно знаю? Аріст. Валь'да єсу. Сокр. Дакле є ли брашно одъ какве требе? Аріст. Те іошъ одъ какве! Сокр. А лебъ? Аріст. Такоће и онъ. Сокр. А шта бы реко, єсу ли одъ какве ползе мужке и женске одеће, као доламе (*χιτωνίσκοι*), ћурчета (*χλαμύδες*)

и ванрамке (ἐξωμίδες) *)? Аріст. Да како, и оне су одъ велике користи. Сокр. Дакле та твоя родбина, коюо око' себе гледашъ, ништа одъ таковы стварій правити ніе ука? Аріст. А, она є свему томе врло вешта.

Сокр. Дакле ты и незнашъ, да нашъ млинаръ Нафсікудъ цигло одъ єдне ствари, одъ меляве брашна, не само што себе и своє слуге заранює, но іошъ и млоге свинѣ и говеда прикрмлює, па опетъ толико му одъ пѣгове имовине и богатства протиче, да ньиме млого пута' и држави на услуги быва? Лебаръ пакъ Кривъ одъ саме єдне лебарине и сву свою кућу заранює и опетъ обилато живи? Дима опетъ Коллутей, знашъ, да само съ шава ћурчета' живи? Менокъ пакъ съ циглогъ граћеня огртача'? А одъ Мегареяца' найвише се ньи' шивенѣмъ ванрамака' крпе и издржаваю? Аріст. Єсть, Богъ ме, Сократе, то є цела истина; но ови рукоделци купую себи за слуге ядне неотесане люде и могу ім немилице натеривати на свакій радъ, кои имъ годъ нуждань и полезанъ буде, а я то одъ мое племените родбине никако не могу чинити.

Сокр. Па мыслишъ ли ты, да ни за то, што су племенити и сродни твои, ништа друго не треба да раде, но само да єду и да спаваю? И видишъ ли, Бога ти, кад' тако племените люде за срећне судишъ, кои и одъ осталы благо-

---

*) Родъ мужке одеће, съ єднымъ само рукавомъ, коіомъ се тако огртало, да єдно раме и сва рука ванъ нѣ стои и гола се види.

родны и воспитаны людій болѣ пролазе, они, кои тако, каошто имъ ты прописуєшъ, живе, или они, кои све, што имъ є за ужитакъ нуждно, знаю, па око' тога се и труде и то послую? Или вальда ты чисто осећашъ, како є леньость и немарность врло людма на руци, кад' оће да науче оно, што имъ валя знати, или да што запамте, што су већь научили, или, да буду теломъ здрави и снажни, или да привреде и сачуваю оно, што имъ є за свакидашньій ужитакъ потребно, а радъ и вредноћу држишъ, да ни одъ какве користи на свету нису. — Па, вере ти, кад' су те' твоє сроднице научиле оно, што си ми отоичъ исповедио, да знаю, кажи ми за што су оне то училе? Еда л' за то, што є то нит' за ньинъ животъ пробитачно, нит' ће оне икад' таково што предузети радити? или на противъ тога за то, што ће се оне око' тога свойски трудити и бавити, да се отуда и помогну? Єръ, кад' бы люди мудрии и наметнии были? Тад' ли, кад' бы сасвимъ безпосленн седили, или, кад' бы око' чега радили и брнули се? А и кад' бы се праведнии звали, онда, кад' бы юначки пословали, или, кад' бы залудни седили, и, никуд' се не мичући, о нуждноме своме ужитку не промышляли? — Па и сад', каошто я мыслимъ, нити ты твоє сроднице имашъ радо, нит' оне тебе; ты ньи за то, што држишъ, да су ти оне велике штеточине, а оне тебе за то, што те виде, да на ньи, то мыслећи, яко негодуєшъ. Па изъ тога, драгій мой, раћа се то недобро и беда, што међу вама у напредакъ мржня све већма може растити, а прећашня ваша међусобна любовь и слога єднако се маньити. Но, ако узнастоишъ, да ти твоє суродице раденице постану, веруй ми,

да ћешъ онда и ты ньи врло любити и пазити, кад' ји видишъ, да ти не малу ползу приносе, а и оне тебе, као душу свою, миловати и поштовати, кад' осете, да се ты на ньи ни найманѣ не срдишъ, но іошъ радуешъ се што ти ји є срећа даровала. Къ томе и прошлы ваши' међусобны доброчинства' слаће ћете се сећати, те ћете благодарность и припознанство єдно другоме увећати, и због тога свагда се любезние и сродние гледати. —

Кад' бы пакъ оне, извршуюћи твою волю, што неваляло и срамотно урадиле, онда бы имъ болѣ было, место тога смрть одредити. А сад' я мыслимъ, да се ньима никако постиде ние бояти, кад' су оне, по свой прилици и твоим' реч'ма, свему ономе вичне, што є найлепше и за жене найдоличние. И свак' живый оно, што точно зна, найлакше, найбрже, найкрасние извршуе. Не оклевай дакле, милый брате, нимало, но што брже саветуй имъ то, што ће и теби и ньима одъ користи быти; а врло самь уверенъ, да ће те оне у томе радо и радо послушати. Арист. Тако ми Богъ помого Сократе, та твоя беседа врло ми се права и истинита чини. Та пре се за живу мою главу нисамь смео усудити, одъ кога што узаймити, знаюћи и тврдо мыслећи, да, кад' бы оно, што бы одъ узайма завезао, потрошио, никадъ небы у станю быо чести ради мое вратити; а сад' тако ми долази, да ћу радо и весело поднети, да одъ кога што узаймимъ, само да ми се послу прилика даде.

Не проће млого, ал' се Аристарху узаймомъ гомилице повца лепъ начинъ отвори, те купи сродницама вуне за радъ. За тимъ оне тако су

прианяле за посао, да су надъ ньимъ и ручавале, а само су предъ мрклу ноћь съ нѣга устаяле и вечеравале. Место да су као пре, намргођене, быле су сад' оне лицемъ веселе; и место да се єдна съ другомъ и съ Арістархомъ попреко гледаю, лепо су се измеђ' себе и съ ньиме пазиле. Оне су нѣга, као свога старателя и добротвора любиле, а онъ ньи, као родине и полезне му, врло миловао. Найпосле дође онъ єдномъ къ Сократу и радостанъ стане му све, што се и како се догодило, приповедати, казавши му и то, како му већ нѣгове сроднице забавляю и кору га, што само іошъ онъ єданъ седи у кући безпосленъ. На то му Сократъ одговори: а за што имъ, Бога ти, не кажешъ причу о овчарскоме псу? — Кажу, кад' су негда бе'словесна животна говорити умела, да є овца своме чувару рекла: „Да чуданъ ти си и непра„веданъ, мой господару! Нама твоим' корист„ным' овчицама, кое ти и вуну и ягнядь и сыръ „даємо, ништа друго за рану не полажешъ, осимъ „оногъ, што одъ землѣ добыямо; а псу, кои ти „ништа таково неприноси, даєшъ ты грдне ко„мадешке одъ истога свога леба.“ А, кад' пасъ то дочує, онъ овци рекне: „О овцо! Я самь „опай, кои васъ управо чува и бди, нити да васъ „люди краду, нити да васъ вуци разносе; єръ „вы, да вамъ я чуваръ нисамь, ни пасти мирно „небы могле, бошћи се, да одкуд'годъ не стра„дате и не погинете.“ На то дакле, веле, да су овце онда драговольно допустиле, да пасъ одъ ньи' у већой чести кодъ овчара свагда стои. И ты тако твоим' сродницама кажи, да су оне, као овце, а ты си имъ, место пса, ньинъ чуваръ и старатель, покрай кога оне, ни одъ кога ни-

какве досаде и беде не трпећи, у миру око' рада се баве и сладко и повольно живе.

б.

СОКРАТЪ УЧИ, КАКАВЪ ТРЕБА ДА Є СТАРЕШИНА. КНЬИГ. III. ГЛ. II.

Нашавши се єдномъ Сократъ съ некимъ, кои є избранъ бьо, да у Аѳинской области войводуе, стане му овако беседити: Кажи ми, брате, за кои узрокъ мислишъ ты, да є Омиръ назвао Агамемнона пастиромъ народа'*) ? Еда л' за то, што, каошто се єдном' пастиру трудити валя, да су му све овце на миру и на брою, и да свою нуждну рану свагда имаю: тако се исто и сваком' войводи бринути треба, да му нѣгови войници живи и здрави буду и да свою препиту увекъ добыяю? И, кад' они под' ньимъ воюю, є л' имъ онда само та єдна намера, да се приранюю, или се за то у боєвима зноє, да што више непријателя' надвладаю, па и богатии и срећнии люди постану?

За што ли є истый нашъ Поета похвалио тако Агамемнона, рекавши о нѣму:

Ἀμφότερον, βασιλεός τ' ἀγαθὸς, κρατερός τ' ἀιχητής; т. є.

Обоє (онъ є), и краль добаръ, и копљаникъ снажанъ? **)

---

*) Іліад. б', 243.
**) Іліад. в', 179.

єда л' за то, што бы онъ копљяникъ снажанъ топрвъ быо, не само онда, кад' бы се самъ онъ добро и вешто съ непријатељима борити знао, но и кад' бы и осталой целой войсци причиномъ юначке борбе постао? и, што бы се краљемъ добрымъ назвао, не само, кад' бы се о своіой души и срећи живо старао, но и кад' бы и окыма, над' коима кралюе, причиномъ среће и напредка трудио се постати?

Краль се, Богъ ме, брате, одъ народа избира, не да се онъ само о себи стара, но да покрай нѣга и избравшій га народъ у миру и богатству живи. Такође и кад' люди воюю, само за то то чине, да и ньинъ животъ буде што больій и честитии; и, кад' за войну себи воће ишту, за то іи само єдно траже, да іи они къ болѣмъ и честитиемъ животу воде.

Треба дакле и єданъ войвода, єднако да се брине, како ће таково што оныма, кои су га себи за войводу узели, проузроковати; єръ одъ те ствари, нит' є друго што лепше и красніе тако лако наћи, нит' напротивъ тога ишто горе и црнѣ. И тако сматраюћи Сократъ, коя бы права врлость єдногъ доброгъ войсковоће была, све му є друге одбацио, а само му ту за найпоглавитию оставио, да срећныма чини оне, коима влада и управля.

В. Радишићъ.

2,

ИЗГУБЛЂНЫИ РАЙ.

(Изъ Милтона.)

ПРВА ПЂСМА.

Пой, небесна Музо! преступленіе првога човека и нѣгово несрећно вкушеніе одъ плода запрећеногъ дрвета, због чега є рай изгублѣнъ и зло и смрть у свету восторжествовали, до пришествія Сына Божіега, кои намъ є на помоћь дошао, и опетъ намъ срећно оно и блаженно жилище присвоіо. Услыши молитву мою Богиньо! са свете высине Хорива и Синая, гди си найпре пастира наставила, кои є првый избраному народу показао, како су небо и земля у почетку изъ Хаоса проникнули; одатле, или ако су ти гора Сіонъ и потокъ Силоамскій, кои тако близу покрай светилища Бога вышнѣгъ протиче, миліи, то одатле дозывамъ те, услиши гласъ мой! Пошльи дрзновеному, кои на крилима выше Аоній-ске горе узлетити и таковый догађай спѣвати жели, кои іошъ смртный ни у прози ни у стиховима изобразити покусіо се ніе.

А нарочно ты, Душе светый! кои чисто и непорочно срце свима храмовима одъ дрвля и каменя предпочитуєшъ, настави ме, єръ теби є све познато. Одъ почетка Ты си ту быо, и подобно легућой се голубицы, оживотвораваюћой плодъ нѣжне любови своє са разширенимъ крилима почивао си надъ неизмѣримомъ пропастю,

кою си плодоносномъ учиніо. Мрачность у мени просвѣти, низкость возвиси и укрѣпи ме, да могу высочеству предпріятія мога подобателно вѣчный промысао доказати, и уредбе Божіе предъ човечествомъ оправдати.

Најпре кажи ми, єръ теби є и небо и дубока пропасть адова одкрывена, кажи ми шта побуди прве праотце наше, у средъ њіова таковогъ блаженства, преступити заповѣдь Творца свога, кои є сва блага и безпредѣлну милость свою на њи изліо; єдну само заповѣдь нарушити, кадъ су у осталомъ Господари све землѣ и свега на њіой были? ко ій склони и паговори на тай срамный бунтъ? Пакленый Змій; Сатана, когъ є злоба, распалѣна зависћу и осветомъ, матерь човечества лукавствомъ преварила, кадъ га є нѣгова гордость са легіонима бунтовны анђела съ небеса низринула. Безстидный, пламтећи нестрпѣніємъ подобне себи славомъ надвысити, дрзнуо є успоредити се у могућству са вѣчнымъ, устремив' се на нѣга са нечестивымъ полковима своимъ. Надувенъ славомъ посеяо є вражду у небесима, и запаліо огань беззаконе войне, противу престола свесилногъ Монарха. Суетно предпріятіе!

Свемогућа десница Господня бацыла га є стрмоглавъ, опалѣна небесномъ живомъ молніомъ и покрывена ужаснымъ ранама, са еоирне высине у неизмѣриму пропасть, гди у адамантове окове сапетъ у неугасимомъ огню снѣдава се. Тамо и треба да обытава онай, кои се противу Свевысочайшега узбунтовати дрзнуо.

Деветъ пута онолико, колико смртни данъ и ноћь назывлю, лежао є са нечестивымъ єдиномысле-

ницыма своима овай врагъ и валяо се по волнама огнѣвитога мора, занешенъ, премда безсмртанъ. Но нѣга є далеко ужаснія іошъ каштига чекала: єръ страданѣ нѣгово садъ іошъ веѣма умложава опомена, ньимъ самымъ изгубльнога блаженства и помысао на безконечне муке. Онъ баца около себе своє мрачне, дивлѣ и отровне очи, кое дубоку тугу и слабость са неукротимомъ гордошћу и закаменѣномъ ненавишћу помешану издаю. Съ єдним погледомъ, кои є жительима неба свойственъ, прозире онъ сву мрачну и неизмѣриму пустиню, ужасну тавницу ову, подобно безграничной пећи у пламену снѣдаваюћемъ буктећу; но одъ пламена овога нема свѣтлости, но неко слабо осветляваюће севанѣ, кое само позорѣ несреће очима показуе; юдоль плача и мѣсто туге, гди миръ и тишина никадъ обытавати неможе, одакле надежда, свуда допируња, далеко бѣжи; но мука безъ конца, океанъ прождирућега огня, распалѣнъ вѣчито пламтећимъ сумпоромъ, кои єднако ври и кипи, а никадъ не згорѣва, већъ непрестано обитателѣ гняви. Ето какво є мѣсто вѣчно правосудіе за бунтовне духове назначило! Тамо у преисподньой тами ньима є тавница ископана, трипутъ далѣ одъ престола Божиега и небеснога свѣта удалѣна, него што є средоточіе землѣ одъ конца полуса удалѣно. О! како є различно жилище ово одъ онога, съ кога су они поспадали! Ту одма познае онъ, содругове несреће свое, пливаюћега по бурнимъ таласима свирѣпствуюћега пламена. Онъ усматра найближега до себе ваљаюћегъ се духа, готово равногъ себи у сили и злоби, кои є дуго потомъ у Палестини подъ именомъ Веелзевула познатъ био. Видећи нѣ-

га непримиримый врагъ небеса, за возмущеніе свое сатаномъ названый, окренувши се нѣму овымъ гордимъ рѣчима прекинуо є люто ћутанѣ свое:

Ако си ты Херувімъ онай, о како си се измѣніо! како садъ нимало не паличишъ на онога, кои у блаженой страни свѣта, обасутъ сяйнимъ лучама, мілліоне блистателны анѣела помрачаваше! Ако си ты онай, кога су согласне мысли, взаймный союзъ, надежда у дрзость къ преславному дѣйствію побудили, и кога садъ злополучіе у равной погибели самномъ соединява: то садъ видишъ, съ какве смо высине у какву пропасть низвргнути! Толико є свемогућъ онай, кои туче громомъ и молніомъ! Али ко є досадъ и познавао силу тога ужаснога оружія? Но опетъ ништа зато, не сматраюћи на ову несрећу и не пазећи на то, што насъ іошъ горе страшный побѣдитель нашъ у ярости своіой поразити може, я се ни мало не раскаявамъ нити премѣнюємъ намѣренія мога, ако и єсамъ садъ измѣнѣнъ у внѣшнѣму блеску, и садъ єднако подгоявамъ я у себи огорченый духъ, и непримириму ненависть, роћену у мени због презренія мои заслуга, због чега є и брань са вѣчнымъ произишла, грозна брань, на кою су безчислени полкови подиглисе, желећи защитити права моя. Ратоборцы ови презрѣвши скиптръ нѣговъ и покоривши се власти моіой, устремили су се на полкове нѣгове, и у сумнителномъ сраженію на равнымъ польима небеса, потресли су престолъ нѣговъ! Но ако є мѣсто сраженія и изгубљено, опетъ зато ніе башъ све изгубљено; остала є непреодолима злоба, неутолима жећь освете, не-

преклонна воля: еднимъ словомъ неустрашима храбрость и памѣреніе никадъ не подлеѣн ни покорити се. А ніе ли то све єдно, колико и непобѣђену быти? То є слава моя, кою ни могућство нити гнѣвъ нѣговъ могу ми отети. Я да прегнемъ вратъ, я да поклонимъ колѣна! Я да отдамъ честь оному, кога є трепетало царство одъ страшне руке ове! Никада. Та то бы сто пута безчестніе одъ самогъ паденія было. По чему се по опредѣленію судбе еѳирно и божествено существо наше никадъ разрушити неможе, и почему є опытъ толико знаменитогъ подвига са новымъ свѣтомъ озаріо разумъ нашъ, укрѣпивши еройческо мужество наше: то садъ можемо са већомъ надеждомъ рѣшитисе, продужити непримирителну войну са лукавомъ хитросћу или силомъ, противу жестокога Самовластителя, кои се садъ поноси са суетномъ побѣдомъ и опіенъ радосћу, самъ на небу царствує са безпредѣлномъ властію.

Тако є говоріо у средъ мука отринутый анѣео. На лицу нѣговомъ видило се дивлѣ дрзновеніе, но срце трзало му є крайнѣ отчаяніе. Надувеный созаклетникъ нѣговъ одговори му:

О Княже, вожду престолны царева, кои су подъ твоимъ предводителствомъ наоружане серафиме у полѣ брани извели и у страшнымъ приключеніяма неустрашимо вѣчногъ цара небеса опасностима изложили и прокушали, да ли нѣгова сила, или случай, или слепа судба управля. Я видимъ и превећъ чувствуемъ ужасно произшествіе нашегъ предпріятія, и ясно видимъ сву жестину немилостиве судбе, коя лишивши насъ

небеснога Царства, и низринувши све храбре воине наше затворила ій є у дубокой и печалной пропасти овой, гди су они до толикогъ степена унижени, до кога само божественна существа унижена быти могу. Безъ сумнѣ, ако є сва слава наша и изчезла, ако є вѣчита несрећа све срећне дане наше и прогутала, іошъ остаѳ намъ непоколебимый духъ и непреодолима сила. Но ако буде побѣдитель овай, кога самь већ по могућству Свесилнымъ почитовати принуђенъ — єръ свакогъ другогъ противника мы бы побѣдили — ако буде онъ снагу и мужество наше само зато у цѣлости у нама оставіо, да бы мы само бреме зала нашій болѣ сносити и свагданя жертва осветолюбиве ярости нѣгове быти могли; или да бы му, по праву зароблѣны войника, теже работе извршивали, ако натовари на насъ претешке трудове у пламтећимъ нѣдрима пакленога огня, ил' насъ отреди разносити заповѣди нѣгове, по мрачной и ужасной пустиньи адове неизмѣриме пропасти: то коя намъ є асна одъ непреодолиме силе наше и нетлѣнога существа, вѣчнымъ мукама растрзаваногъ?

Херувіме, достойно съ неба збаченый! одговоріо му є съ негодованіемъ сатана. Слабость є совршено и крайнѣ злополучіѳ за свако существо, коме є одсуђено робовати или страдати. Но знай, да мы выше нигда добра чинити нећемо: но найвеће задовольство наше быће, свагда зло и пакость самовольному повелителю чинити. Потражи ли прозрителность нѣгова изъ нашега злочинства добро произвести, то дужностъ ће наша свагда быти, противостояти нѣговому намѣренію и све силе наше употребити, да бы

свагда изъ самога добра само зло производили; и трудови наши, ако се неварамъ, колико намъ пута за рукомъ изађу, толико ће и непріятеля нашега огорчавати, сметаюћи га у свима предпріятіяма нѣговимъ. Но погледай! већъ су позвана натрагъ къ небеснимъ вратима воинства Самовластителя нашегъ, сумпоровитый градъ, у тучи на насъ падаюћи, утишао є огнѣвите своє волне, у конма смо слетивши съ высине небесне огрезли; громъ, на итрымъ крилима силны небесны молніи за нама летивши, може быти све стреле истрошіо є и престао рикати и одекивати по тами неизмѣриме бездне ове. Неиспуштаймо дакле прилику ову, кою намъ дае презреніе, или задовольна злоба властителя нашега. Видишъ ону раскалѣну равницу, ону дивлю пустиню, мѣсто очаяніи гди єдва блѣда и страшна свѣтлость модрожутогъ овогъ пламена достиже? Тамо айдемо; нећемол' се мало сакрити одъ удара овы жегућій волна, ако могнемо тамо спокойствія наћи. Тамо опетъ саберимо разсѣяне полкове наше и посовѣтуймосе, како ћемо гордому властителю нашему найудобніе шкодити, да бы тимъ колико толико штету нашу поправили и преодолѣли ужасну бѣду ову; каквой се помоћи надати можемо, и ако башъ ништа друго, то нашто намъ се рѣшити валя у овомъ отчаянію.

Тако є сатана говоріо найближему єдиномисленику своме, са подигнутомъ главомъ изъ огнѣны таласа, и са сѣваюћимъ унаокругъ очима, а проче тѣло нѣгово, пружено и пливаюће по пучини огнѣвитой, занимало є млого миля обширности површиномъ своіомъ. Такова є бѣзмѣрна

величина была оны прегрдны у баснословію Гиганта и Титана, сынова землѣ, кои су войну подигли на Юпитера, Бріяреа, или Тифона, кои су са ужаснымъ логоромъ своимъ закрчили пространу и дубоку пећину близу старогъ Тарса, или Левіятана, найвећега одъ свію животиня, кою є Богъ у утроби пучине морске створіо. Често по сказиваню мореплавателя, корманошъ на малой лађи, кога поћь на Норвежкомъ мору застане, видећи спаваюћегъ нћга на запћнћнимъ волнама морскимъ, помысли одъ нћга да є какавъ островъ, бацы ленгеръ у нћгова люснята ребра и сакріе се за ньимъ одъ ветра, докъ ноћь на мору влада и пожелћно ютро неосване. Тако є и Началникъ бунтовника, пруженъ по огнћвитой пучини и обтерећенъ оковима, неизмћримый просторъ испблинскимъ удовима своима покривао. Никада онъ съ ложа тога устати нити главе дићи небы могао, да му ніе непостижима судба небесногъ управителя допустила произвести люта нћгова намћренія, да бы онъ са усугубљнимъ злочинствомъ и погибель свою увеличіо, и у мћсто зла, кое є бћснило нћгово произвести тежило, вићевши неизцрпаємый источникъ благости, любови и милосердія къ човеку, ньимъ обманутому, пораженъ троякимъ громомъ стида, ярости и освете быо.

Садъ се онъ исправля, подиже прегрдну тћлесину свою изъ пропасти: огнћне волне съ обе стране натрагъ повраћене, у два врха раздћлившесе ужасну бездну отвораю. Разширивши онъ крыла своя лети по мрачному воздуху притискуюћи га безмћрномъ тћлесномъ своіомъ, и спушта се на суву землю, ако се то земльомъ

назвати може, кое є непрестанно тврдымъ огнѣмъ горѣло, као што є пучина са текућимъ врила и кипила. Таково позорѣ представля очима гомила развалина, кою сила подземны вѣтрова одъ горе Пелоре одвали и далеко разбаци; или раздрти бокови грмеће Етне, кадъ се віоръ у срцу нѣномъ запали, што снѣдаваюћій огань съ кипећимъ яростнымъ сумпоромъ блюю, и са силнимъ изврженіемъ разпалѣни, растрзани и покрывени димомъ и смрадомъ, страоту и ужасъ около себе разпростиру: таково є мѣсто одмора, на кое є одпадшій анѣео ногу спустіо. За ньимъ узастопце слѣдує Велзевуль; оба горде се што су избѣгли изъ Стигическій вода, не по соизволенію вышнѣ власти, но по дѣйствію наново придобивене себственне силе ньове.

Єли ово предѣлъ, ово ли є клима, викнуо є одпадшій духъ, ово ли є мѣсто, кое мы за небо промѣнюємо? Ову ужасну мрака пустиню, за лучезрачну свѣтлость? Нека буде тако, кадъ владѣтель садъ царствуюћій тако оће, располажући по своіой вольи правосудіемъ. И треба да су она существа одъ нѣга толико удалѣна, коя су по естеству нѣму равна, но надъ коима се онъ само єднымъ самовластіемъ возвисіо. Проштавайте срећна поля, у коима вѣчито веселѣ обытава! Здравствуй ужасна тамо! здравствуй царство адово! И ты преисподня пећино! прими у безграничне пропасти твое новога твога Цара, кои ти у себи духъ доноси, кога ни мѣсто ни време премѣнити могу; духъ, кои пребыва у собственымъ нѣдрима своимъ, и кои є кадаръ у самому себи и одъ пакла небо, и одъ неба пакао произвести. Шта ми є до тога гди

самь, кадъ се никадъ премѣнити не могу? и шта могу быти, кадъ не првый до сопротивника мога, кога є само громъ возвисіо надамномъ? Овдѣ ћемо баръ слободни быти: одавде насъ доисто прогнати неће, єръ ово мѣсто за насъ є и приготовлѣно; овдѣ можемо мирно и безопасно царствовати, а у моіой памети лепо є царствовати макаръ и у паклу: болѣ намъ є у паклу царствовати, неголи на небесима робовати. Но єли лепо да мы заборавимо наше вѣрне другове; несрећне помоћнике наше у изумленію да погружене оставимо? Зашто ій непризовемо, да и они раздѣле судбу ове горке обители; или да са соединѣнымъ силама по другій путъ прокушамо, оћемо ли іошть штогодъ на небесима освоити моћи, или шта іошть у паклу изгубити можемо?

Тако є говоріо Сатана, и Велзевуль му одговори: О вожду блистателны полкова, кое є само Свемогућега оружіе побѣдити могло! воини твои, кои се муче на пламенномъ мору, гди смо и мы не давно равну судбу съ ньима сносили, іошъ пребываю у изумленію и ужасу: чему се нетреба чудити, помысливши одкуда су спали. Но како чую гласъ твой, кои є често у средъ страшны биткій и найвећи бѣда грміо, — тай гласъ, кои є у найвећемъ отчаянію надежду ньіову укрѣпляваo, и у нападеніяма безопасность возвѣщавао, добыће тай часъ нове силе и нову бодрость.

Єдва што є овай окончао рѣчь свою, алъ Князъ Демонскій ко брегу пропасти упутисе. Тешкій щитъ одъ еворногъ челика направлѣнъ, широкъ, округао и крѣпакъ, высіо є на леђима нѣговымъ и широкимъ пространствомъ своимъ по-

крывао му є рамена, уподобляваюћи се ноћному свѣтилу, кое є Тосканскій Філософъ са зрителномъ трубомъ са высине Фесоля, или у польима Балндарскимъ вечеромъ разсматрао, да бы на лицу нѣговомъ флекама покривеномъ, нове землѣ, рѣке и горе одкріо. Спрама нѣгова копля, съ коимъ се у мѣсто подпоре по жегућой пустиньи подъ огнѣнымъ сводомъ, и у задавлюћемъ га воздуху служіо, кое наравно опетъ манѣ є было одъ онога, съ конмъ се на небеси устремлявао; спрама овога копля, найвећа ела, на горама Норвежкимъ за катарку на великій корабль одсѣчена, была бы као мала палица. Укрѣпивъ се мужествомъ своимъ у средъ горкіи мука, приступіо є ко краю пламтећега мора, ту се на ноге одупире и дозивлѣ легіоне свое, анѣелске призраке, ове млогочисленне бунтовнике, кои су безчувственни, єданъ на другога побацани, тако густо лежали, као лишће у єсень на потоку Валломброскомъ, заклонѣно поникшомъ главомъ высоки Етрурінски дрва, или као трска изломлѣна и искршена на брегу црвенога мора, кадъ є Оріонъ наоружанъ бурнымъ вѣтровима замутіо воду, прогутавшу Бузириса и египетске конянике, кои су вѣроломно страннике Гесемске гонили, кадъ су ови спокойно избѣгши на суво, на изломлѣне ньове колеснице и на трупине по таласима ваљаюћесе гледали. Таково є безчисленно множество овы духова, презренны, погибши и дивећи се страшномъ измѣненію своме, покрывало површину пучине. Онъ є викао ньи; и грмећій гласъ нѣговъ одекивао є по свима краєвима пропасти адове.

Князеви, воєначалници, витези, украшеніе небеса, некадашнѣгъ обиталища вашегъ, изъ

кога сте садъ прогнани! Заръ се могу безсмртни духови унинію предати? заръ сте то мѣсто изабрали за укрѣпленіе сила ваши, кое су у воєнимъ сраженіяма истрошене; или ту се одмарате заръ као у равницама небеснымъ? валяда сте заклели се у таковомъ срамотномъ унижєнію обожавати Побѣдителя вашега, кои се подсмеява гледаюћи, како му се Херувими и Серафими валяю по пламену између разбацаногъ оружія и подераны баряка, кога недремаюћи воини, пошто спазе чемерно положеніе ваше, устремиће се на насъ са высине небесне, и размрскавши главу нашу громомъ и молніомъ, приковаће насъ къ самому дну пропасти ове? Пробудите се, устаните или вѣчно погините.

Одма су га они чули, и застиђени у єдномъ восплѣскали су крылима; башъ као стражари, кои кадъ поспу, па кадъ ій началникъ или старѣшина ньіовъ у сну застане, што дремежомъ надвладани мало смуте се, докъ се опораве и себи дођу. Одма они усматраю своє судбе горкій ужасъ, чувствую сву лютину нѣну, но повинуюћи се вольи предводителя, дижу се надъ волне у безбройномъ мложеству. Као кадъ є сынъ Авраамовъ у плачевна времена Египта, силнымъ жезломъ своимъ кругъ на песку изобразіо, што є црный облакъ скакаваца, восточнымъ вѣтромъ у воздуху донешенъ, на царство безбожнога Фараона спустіо се и све равнице Нилове тавномъ ноћу покріо: тако се и садъ страшна тама нечестивы духова распрострла, кои су крозъ средину прождирућега пламена, исподъ свода адова летили. Грозный войвода ньіовъ подиже копѣ, кои знакъ видећи они, на лакимъ крылима

своимъ спуштаю се на землю, горећу сумпоровитымъ огнѣмъ и запремаю сву површину нѣну у таковомъ множеству, коє никадъ народобогатый сѣверъ изъ ладны нѣдара свои на брегове Райне и Дунава избаціо ніє, кадъ су свирѣпи орди нѣгови устремили се на полудневну страну, подобно водама, одъ Гибралтара па чакъ до пескова Ливійски разлили се. Незакоснѣнно воєначалници изъ полкова исходе и своме великоме предводителю долазе; ови величественни Князеви, одарени достоинствомъ, надвишаваюћимъ видъ човеческій, кои су нѣкада на небу на престолима сѣдили, премда садъ ни имена ньіова у небесной исторіи нема: бунтъ є изгладіо ньи вѣчито изъ кньиге животне. Они онда іошъ примили нису были нова имена, коя ће после измећу адамовы сынова носити, кадъ попуштеніємъ Вышњега за искушеніє човека на землю доћу, гди су хитросћу и лукавствомъ већу часть нѣны жителя дотле развратили, да оставе Бога, своґъ Творца, и невидиму славу нѣгову у образъ скота претворе, кога су великолѣпно златомъ и драгимъ каменѣмъ украшавали, и демону у мѣсто Бога кланяти се почели. Онда су заслеплѣни язичници различна имена различнимъ идолима давали.

Кажи ми, о Музо! имена тій Демона, кои су међу ньима найзнатніи были, у коме су чину кои са огнѣнога ложа на силный гласъ свога повелителя устали, кои су началницы приближили се къ нѣму, на сувый брегъ, докъ се међу тымъ безчисленна гомила духова издалека безредовно утѣшнявала? Найзнатніи измећу ньи были су они, кои су, изишавши изъ пропасти адове тра-

жити користи на земльи, дрзнули основати обиталище своѳ до обиталища Вышнѣга, подигли олтаре покрай олтара нѣгова, и као богови одъ млоги народа обожавани, покусили су се и самога Єхову, кои громомъ одъ престола туче и на Херувимима возносисе, нѣга су дрзнули са высине Сіонске ѳбацити. Шта велимъ я? О ужасна мрзости! Та ньіови кипови често су у самомъ светилишту Вѣчнога поставляни: свѣти обряди и торжественна празнованя, на славу нѣгову уреѣена, оскверњавала су се са беззаконнымъ почитаніемъ ньіовымъ, и дубока тама помрачавала ѳ умове ньіове.

Первый дошао му ѳ Молохъ, ужасный Царъ, окупаный у сузама родителя и у крви поклане деце, кою су бацали у ватру на жертву гадному идолу нѣговомъ, докъ су меѣутимъ грмеће трубе и бубнѣви заглушавали жалосну вриску ньіову. Аммонитъ кланяо се ужасномъ кумиру овомъ у Равваѳи и на влажнымъ равницама нѣговымъ, у Аргову и Вассану па до источника текуѣега до предѣла Арнонійски. На іошъ ни са тымъ ніѳ задоволянъ быо, што ѳ близу до светы мѣста, веѣъ премудрога Цара Соломона лукавствомъ преваріо ѳ тако, што му ѳ овай покрай самога Храма Божіѳгъ скверно капище сазидати дао. Света гора, на коіой му ѳ темель поставлѣнъ, учинила се горомъ поруганія, и прекрасна Еннонска равница была ѳ нѣму посвеѣена, онда ѳ и именомъ Тофета црие Геене названъ.

Потомъ предстао ѳ Хамосъ, скверный ужасъ сынова Моавскій. Овога су обожавали одъ Ароире, пакъ до Нави и до полудневне пустинѣ Аваримске; у царству Евсевонскомъ, Оронаимскомъ

и Сеонскомъ, у богатимъ и цветаюћимъ равницама Севамана и одъ Елеала пакъ до єзера Асфалтійскога. Онъ се другчіе Фогоръ називао, кадъ му є Израиль одшедши одъ брегова Нилóвы, у Саттиму гадну жертву принео, коя є толике напасти на главу народа тога навукла. Онъ є продужіо безчестно почитаніе кумира свога чакъ до горе соблазна, крозъ лугове крвожедногa Молоха, гди є славолюбіе скупа са суровошћу дотле царствовало, докъ є дошао мудрый Іосія, па и єдно и друго у пропасть пакленну низвергао.

Са овимъ дошли су духови познати подъ общимъ именомъ Ваала и Астароеа, одъ пограничны брегова старога Ефрата, па до источника, кои Египетъ одъ Сиріе раздѣлюе. Ово су были мужеви, а прочи жене: єръ духови могу по произволенію єднога, или обоега пола скупа, примити видъ на себе: таково є танко, просто и гибко ньіово существо! Неимаюћи ни удова посредствомъ жглавака соединѣны', пити ломки костію, кое тѣло држе, они могу у свакомъ виду, маломъ или великомъ, свѣтломъ или мрачномъ, сва хитра намѣренія производити и удовлетворавати чувству, како любови тако и ненависти. Ови лажльиви богови често су тріумфирали надъ живимъ силама Израиля; често є овай народъ, презрѣвши олтаре Бога истиннога, кланяо се скотовима и главе ньіове подъ тешкимъ робствомъ унижене, падале су подъ мачемъ најпрезрителніи непріятеля.

Усредъ безчисленне гомиле ове дошао є Астаротъ са блистаюћимъ се на челу полумѣсецомъ, онай, кога су Финикіяни назвали Астароомъ, царицомъ небесномъ. Кћери Сидонске но-

ћу при мѣсечини приносиле су молитве и пѣвале химне, сяйномъ нѣномъ Идолу, и на Сіону ньой за честь гласови су одекивали, ту є великій и малый царъ капище подиђи дао, и кланяо се гнусномъ идолу нѣномъ. Одма за ньомъ дошао є Ѳамузъ, кога су єжегодно понавляну ранну свакога лѣта оплакивали хорови Сирійскіи на Ливанской гори, гди су читавъ єданъ данъ приспѣвале пѣсме, докъ є међу тимъ Адонисъ ливао изъ источника свога пурпуроцвѣтну воду, кою су оне почитовале да є помѣшана са крвлю несрећнога Ѳаммуза. Отровъ овога заблужденія заразіо є и Сіонске кћери. Безсрамну страсть ньіову Іезекиль є на сну видіо у светомъ преддверію, на сну, кои му є показао беззаконно Идолослуженіе невѣрнога колѣна Юдина. Потомъ дошао є онай духъ, кои є горке пролѣвао сузе, кадъ є зароблѣный ковчегъ разбіо гнусный кумиръ нѣговъ, у кога є руке и ноге у средъ храма нѣгова одбіо, гди є на прагу здрузгаосе и посраміо своє обожателѣ. Име му є Дагонъ, морско чудовище, имаюће горню половину тѣла човечю, а долню риблю; онъ є имао великолѣпно капище у Азоту воздвигнуто, нѣму се са великимъ страомъ сва Палестина кланяла, Геѳа, Аскалонъ и предѣли Акарона и Газе. За ньимъ показао се Реммонъ, кои є своє обиталище у прекрасномъ Дамаску и на плодоноснимъ бреговима Аване и Фарвара, бистры источника имао. И овай быо є дрзновенъ противу дома Господнѣгъ. Онъ изгуби єднога поклоника свога, чудеснымъ начиномъ изцѣлившегъ се одъ проказе, а добыє другогъ собственомъ побѣдителю своме, безумномъ Цару Ахазу, кога наврати те разруши олтаръ Свевышнѣга, па постави на мѣсту нѣговомъ Олтаръ,

по обичаю Сирійскомъ, на комъ є мрзке жертве онимъ боговима спальивао, кое є самъ заробіо.

По томъ приближила се гомила ужасны чудовища, коя су одавно славна подъ именима, Озириса, Изиде, Ора и дружине ньіове. Они су дотле Египетъ заслепили, што су избезумлѣни жрецы ньіови скитаюћесе и сакривене богове своє, не у образу човека, већъ у образу найгадніи скотова тражили. Прилѣпчива болештина лудости ове и самога Израиля заразила є, кадъ су на Хориву, одъ изнешенога злата теле излити дали, и кадъ є безумный царъ овай мрзкій удвоіо грѣхъ у Веѳилю и Дану, хотѣвши волу подобіе Єхове дати, кои є єдну ноћь, кадъ є онъ изъ Египта изишао, све првородне Єгупетске съ ньіовымъ блеюћимъ боговима єднымъ ударомъ побіо.

Наконацъ Велиялъ дошао є; ни єданъ одъ свію духова съ неба сбачены, ніе толико сладострастію и бѣснилу предатъ быо, нити є кои одъ ньи грѣхъ толико и безаконіе любіо, колико овай гадный Демонъ. Истина нѣму нису олтаре и капища подизали, али коме се жертве и молитве чешће приносе, кадъ нечестиви жреци оставляю Творца свога, и као сынови Илієви, храмъ Бога живога соблазномъ и насиліемъ испуняваю? Онъ царствуе у великолѣпнимъ Дворовима и Палатама, и у развратнымъ градовима, гди вика безумнога веселя, беззаконіе и злоба и саме высоке торнѣве превишуе. Кадъ ноћь сводъ небесный мракомъ покріе, онда сынови Веліалови опіени виномъ и бѣсниломъ, излазе и скитаюсе; то сведоче сокацы содомскіи, и она ноћь, у коіой є честна жена у Гаваю на прагъ госто-

пріємны врата изведена и предата была, да бы се іошъ горега покора избеѣи могло.

Ово су были бунтовницы найзнатніи у чину и у власти. Проче премда знатне бранти, ни времена довольно немамо; богове Іонійске, овогъ народа, одъ Іавана произшедшега, кои су сами признавали да су млаѣи одъ неба и землѣ, ньіовы славимы предкова; Титана, комъ є право старешинство млаѣій братъ нѣговъ Сатурнъ придобіо, кога є такоѣеръ сынъ нѣговъ Іупитеръ са Реіомъ роѣеный, са престола сбаціо и насиліемъ царство себи присвоіо. Ови с'почетка у Крети и на острову Иди познати су были, потомъ изишли су на снѣговиту высину Олимпа, имаюѣи сву высоту неба у средньой высини воздуха. Тако исто и меѣу высокимъ делфійскимъ горама, у шумама Додонскимъ у предѣлима Дориде имали су олтаре своє. Други су побѣгли опетъ са старымъ Сатурномъ преко залива Адріятическога и Хесперійски поля, до крайньи острова целтискога мора. Ньима слѣдовале су гомиле безчисленны (духова) други, видеѣи да имъ предводитель ніе посве отчаянію предатъ, и чувствуюѣи да нису ни у самой бездни башъ до края изгубльни, блистала є нѣка луча надежде у ньіовимъ тавнимъ и печалнимъ очима. Лице сатанино при овоме угледу промѣнило се у цвѣту, па узевшій на себе надувеный видъ, гордимъ рѣчима, притворность саму изявлююѣимъ, прогнао є стра и пробудіо у ньима бодрость ослабившу. Потомъ заповѣда да се развіе силный барякъ нѣговъ, подъ воєнимъ звукомъ громовите трубе и бубнѣва. Азаилъ, высокога возраста Херувимъ, достоянъ є чести те, као права, само нѣму припадлежеѣега, кои на сяйной коплячи развія царскій барякъ,

вiюћи се по воздуху, подобно блистателному Метеору, развiяюћи по вольи вѣтра оружiе и трофее Серафима,* прекрасно по нѣму изображене златомъ и драгимъ каменѣмъ. Међу тымъ непрестанно разлежусе воєнни гласови звонећега метала, на кое су одговарали сви полкови страшнимъ крикомъ, проницаваюћимъ у дубину адову, и ужасаваюћимъ царство хаоса и старе ноћи. У тай истый часъ, десетъ иляда развиєны баряка покриваю мрачный оризонтъ пурпурнымъ цветомъ; ньiова подигнута копля превысоку планину представляу, и безчислени щитови и шлемови стѣшнѣни и сгуснути, у неизмѣримой дубини небесной поредакъ представляу. Садъ ступаю умѣренымъ коракомъ у совершеной редовности за мелодическимъ гласомъ дорически флаута и свирала. Звукъ музике ове и у витезима стары времена возбуждавао є храбрость и мужество ко ополченiю; благородну неустрашимость у мѣсто слѣпога бѣснила, и непоколебимо постоянство, кое се стидило безчестнога бѣгства, и саму смрть презирало, уливао є у душу ньiову. Величественни гласови ови такођеръ силу имаю услаждавати горко чувство, прогонећи сваку сумню и страоту, печаль и унинiє изъ смртны и безсмртны срца. Тако су ишли ови нечестиви духови у тихомъ ћутаню, испунѣни храбросћу и єдинодушiемъ, за тихомъ армоніомъ инструмента, коя є олакшавала претешко шествованѣ ньiово по раскалѣномъ дну адовомъ. Садъ пришедши къ вожду своме стоє у ужасномъ дугомъ реду, снабдѣвени са блистателнымъ оружѣмъ, чекаюћи повелѣнiя нѣгова, подобно Ероима осѣдившимъ подъ воєнымъ баряцима, и свагда готовимъ у ратъ ступити.

Сатана устремлява бистре очи своє на ове страшне редове, протрчава и разгледа сво воинство, разсматра редовность и положеніе, видъ и сталность свію по особъ войника, потомъ све ій лепо изчислява. Садъ се срце нѣгово гордо надима и са новымъ надеждама оживлява, при угледу толикога воинства. Кадъ бы се могле све воєнне силе света овогъ на єдно мѣсто скупити, ништа друго небы быле спрама прегрдне силе ньіове, него гомила мравій са ждраловима воюючи; башъ и онда, кадъ бы се соєдинили съ ньима Флегрскін Исполини, Ерои, кои су се у Ѳиви и Илліону подъ защитомъ богова сражавали, ритери Арморійскін и Британскіи, сына Уферова, по причаню баснословія, обколивши, са свима онимъ Христіянима и Невѣрницыма, кои су се прославили у Апремонту и Монталбану, у Дамаску, Марроку и Трапезонту; па іошъ и они кое є Бизертъ са брегова Африкански послао, кадъ є Карлъ Великій кодъ Фонтарабіе побіенъ быо. Толико су овіи небесни ратницы у могућству и сили сва земальска воинства надвышавали и превосходили, а опетъ сви су на свога прегрднога предводителя гледали, кои є све ньи читавомъ гордомъ главомъ, подобно торню каквомъ надвышавао. Лице нѣгово іошъ сохраняваше знаке блистателнога происхожденія нѣгова, оно є у нѣму побѣђенога Архангела, само у єдиной слави потавнѣлога, представляло. Како годъ што се сунце на мрачный Хоризонтъ безъ луча подиже, кадъ га луна затами, и тавну свѣтлость на половину земальскогъ шара баца, смућенимъ царствама несрећу угрожаваюћи: тако и Архангелъ овай премда помрачене, но опетъ све друге духове у блеску превозвишавао є. Громъ

є нагрдіо лице нѣгово дубокимъ ранама; на увенулимъ образима нѣговымъ видла се тута, но гордо чело показивало є у нѣму неустрашимо мужество, и неукротиму ярость за осветомъ жеднећу. Но при свему тому свирѣпе очи нѣгове издаю у нѣму трзанѣ совѣсти и печаль, кадъ є на своє соумышленике, или болѣ да рекнемъ, кадъ є на привржениke къ нѣговимъ злочинствама погледао; на ово безбройно мложество духова, не давно наслаждававше се превысокимъ блаженствомъ, а садъ осуђено на вѣчиту казнь, одлучено небеснога свѣта за издаю, и сохранившіе нѣму сву привржености, несматраюћи на лишеніе толике славе своє. Тако кадъ громове и высоке горовите кедрове небесный деси огань, премда лишћа и овршака лишени, но іошъ величественно стоє. Онъ знакъ дає да оће говорити: тай часъ воинство удвая редове, сближаваю се крилима и обколяваю полукружіемъ Предводителя свога и воєводе нѣгове. Сви до єдноga у дубокомъ ћутаню пребываю. Трипутъ отвара уста онъ, и трипутъ, на досаду гордости нѣговой сузе га загуше; такове сузе, коє само анђели точити могу. На конацъ ове речи уздисаима пресецане, говори:

О безбройни легіони безсмртны духова! О воинства, съ коима се само Свемогућій сразити може! Па и съ Ньимъ наше сраженіе ніе безъ славе было, премда є конацъ ужасанъ, коє се само несрећи оружія нашега приписати може. Но кои высокій умъ, кои бы будућность тамомъ покривену прозрети могао, да ће толико мложество соєдинѣны сила, коє су тако стаяле, као ове, побіено быти? Но не сматраюћи на пре-

трпљену штету ову, ко бы мислити могао, да не могу неустрашими Ерои ови, устремивсе къ мѣсту происхожденія свога, са собственымъ силама своима опетъ себи права своя придобити и небомъ, у пустиню после изгнанія ньіова претворенымъ, завладати? Што се разрѣшенія наше надежде тиче, я позивамъ се на личну сведочбу свега воинства, да ова несрећа нити є произишла одъ мои совѣта, нити одъ малодушнога страха мога у опасностима. До часа тога видло се, да є простолъ Небесногъ Монарха єднымъ согласіемъ нѣговы подданика, старымъ обычаемъ и наученомъ покорношћу обдржаванъ. Царуюћи мирно, онъ є нама само одкривао красоту и излишіе всевысочайшега владичества свога, а сакривао силе своє; одтуда се и родила слобода у нама на оно покуситисе, што є судбу нашу овако преврнуло. Но садъ совршено знаюћи како нѣгову, тако и нашу моћь и силу, не можемо ни зажећи огань нове войне, нити се таковога бояти, ако бы се зажегао. Садъ ће найболѣ и найпаметніе быти, да се латимо другога средства, то єсть, да прибѣгнемо лукавству и хитрости, кадъ са употребљномъ силомъ ништа успѣли нисмо. Нека позна и Онъ са своє стране, да онай половину само противника своегъ побѣждава, коєму са самомъ силомъ одолѣва. Време ће нове светове произвести, као што се на небу достовѣрно гласа, да є Онъ намѣренъ скоро такове створити, и на єдномъ одъ ньи населити родъ, кои ће са небеснымъ сыновима нѣговымъ нѣжнѣйше знаке любови нѣгове дѣлити. Може быти тай міръ учиниће се нашомъ добыти, или по крайной мѣри убѣжищемъ — ако не башъ онъ, то друго буди коє мѣсто,

єръ нів могуће, што бы се єовирна существа дуго обдржавала у оковима, или у мраку ове крайнѣ пропасти пребывала. Но у тому нужно є найопазніє разсмотреніє и советованѣ. Нема надежде къ помиренію: єръ ко бы и помысліо, а іошъ манѣ зажеліо покорити се? Тако дакле война,! непремѣнно война! было явно или тайно нуждна є.!

Онъ є тако рекао, и сви силни Херувими, за знакъ соизволенія у тренућу ока пламените мачеве своє изъ корица извлаче. Внезапна свѣтлость освѣтлює све пропасти адове; щити звече одъ честы удара оружія ньіовога, у гласъ подвикую: война! война! Са бѣсниломъ произносе хулу, и къ самымъ небесима ужасно поруганіє своє подижу.

Не далеко одатле возвышавала се єдна гора, коя є изъ ужаснога врха свога блювала олуину ватре и дима; на боковима іой є блистала жута кора, несумнителный знакъ, да є у срцу имала скупый металъ, кои сумпоръ раћа. Тамо безчисленна гомила духова на брзимъ крилима лети. Тако уредни копательи, са мотикама, будаковима и лопатама снабдѣвени, предъ главномъ армадомъ иду шанацъ обвести и ендекъ обкопати. Маммонъ ій є предводіо, Маммонъ, найподліи одъ свію падши анћела. Очи нѣгове као и мысли и на небу свагда су доле приковане быле. Неизреченна чудеса Божія, коя су га одъ свію страна окружавала, нису душу нѣгову толико привлачила и возбуждавала, колико сподъ златный по коєму су ноге нѣгове газиле. Онъ є првый и научіо люде раздирати утробу землѣ, и беззa-

коннымъ рукама изъ срца нѣжне матере ове похищавати сокровище, тако мудро сакривено. Адскіи духови ови незакоснѣно ископали су прегрдну ямурину у боку горе ове, одъ куда ваде комаде злата. Нека се нико не чуди што злата и у паклу има: И треба овай скупоцѣнный металъ у аду мѣсто свое да има. Горди почитатељи руку човечески; вы, кои са толикимъ удивленіемъ о Вавилону и о дѣлима царева Египетски говорите, погледайте само, како посао отвржены духова, у єдномъ часу извршенъ, превосходи те све монументе, чудеса, силе и дѣятелности, кое є безчисленный народъ єдва и за читавы сто година ко концу привести могао. Источници текућега огня, проведеня изъ великога єзера, протичу исподъ разны фуруна, близу до ископаны руда начинѣны. Други духови у растопителне сосуде бацаю неизражене комаде металла, раздѣлююћи по особъ свакій родъ нѣговъ и са невероватнымъ искуствомъ очищаваюћи кипеће злато. Блистаюће се вещество крозъ тайно сообщеніе у различне форме тече, кое другіи демони састављаю; као што воздухъ стремисе у све трубе органа одъ силе стѣшнѣнія. Внезапно при звуку слатки гласова и пріятны музикалны инструмента у виду паре возвишавасе изъ землѣ страшно зданіе, подобно величественному храму, окруженo дорическимъ столповима и ограђено златномъ стѣномъ. Подъ симсомъ блистасе фризъ, украшенъ свакога рода великолѣпнымъ, изрезанымъ образима; а кровъ му є одъ самога кованогъ злата. Ни Вавилонъ, ни Мемфисъ у време найвеће славе свое, кадъ су се Египетъ и Сирія у раскошу и богатству утицали, толикога великолѣпія, нити су у царскимъ палатама своимъ,

нити у храмовима Вилла и Сераписа имали. Прегрдна палата ова већъ є утврђена; садъ се отвораю мѣдна врата, и оку показую неизмѣримо пространство мраморнога патоса. Подъ сводовима висе, магическомъ силомъ начињни млоги редови сіяюћи се свећа и поліелеа, кои горећи нафтомъ, и асфалтомъ, осветлюю палату таковомъ светлосћу, коя се по небеспой тверди разлива.

Духови гомилама утичу се тамо и поражаваюсе удивленіемъ. Єдни похвалюю зданіе, други Архитектона: нѣгово є искуство и на небу познато было. Онъ є уздизао великолѣпне престоле многимъ скиптродржавнимъ анћелима, коима є Свевышньій Монархъ управленіе еоирны сынова предао. Име нѣгово и кодъ древны Грка познато є было и почитовали су га. У Азовской земльи люди су га Мулцыберомъ звали. По казиваню ньіовомъ разяреный Юпитеръ сбаціо га є са высине небесне крозъ кристалне стѣне, одъ куда є читавъ летньій данъ одъ ютра па до мрака летіо, и при самомъ захожденію сунца, са Зенита на Лемносъ островъ у Егейскомъ мору пао: подобно ноћному метеору, одъ кога се мысли да є звѣзда изъ своє сфере прогната: тако казуе ньіово баснословіе. Овай духъ и сви нѣгови соумышленици пали су іошъ преће. Шта су му онда помогле нѣгове высоке куле, кое є на небесима подигао? Сва нѣгова вештина ніе га спасти могла. Сбаченъ є са свима высокоумнима художницима у пропасть адову.

Међутимъ по заповести свога Предводителя, крилати викачи са величественнымъ церемоніяма, и при звуку трубе крозъ сво воинство

сазываю засѣданіе торжественногъ Совѣта у Пандемоніи, кои ће се у богатой палати сатане и нѣговы велможа држати. Найзнатніи међу прочима ту дозываюсе. Они незакоснѣно долазе, праћени млогочисленымъ духовима, кои све ходнике и широка преддверія са своимъ утѣшнянанѣмъ запремаю. Превелика сила у безграничномъ пространству, подобна ратномъ полю, гди храбри Витезови змаєвите конѣ своє, ко ополченію разигравајући, приближаваюсе къ престолу Султана, и найизбранніе некрштенике, или на смртный удвой, или на преломленіе копля изазиваю. Ова сала напунява се милліонима нечисты духова: єдни утѣшняваю се на споду стоєћи, други лете по връ овы' исподъ свода. Шумъ трептећи крыла надалеко разлеже се: као пчеле у любке дане пролећа, кадъ сунце у знакъ телета ступи, што изгоне изъ люка млогочисленый младый рой, па кадъ брућа насѣкома по цвѣтићима и блистателной роси лете, или скупившисе у нову кошньицу, мирисавомъ травомъ помазану, дуго о дѣлима нове республике своє домышљяваю се и договараю: тако су се тискале и утѣшнявале гомиле воздушны легіона. Но гле чуда! сатана знакъ даде, и у тренућу ока существа ова, коя су возрастомъ гиганте, одъ землѣ роћене надвишавала, претворише се у найманѣ Пигмеоне; тако се зове народъ некій малы людій, кои су за горама Индійскимъ обитавали, а и волшебна повѣсть о нѣкима Феима проповѣда, кои су таковіи были и на краєвима шуме, или на брегу источника играли, докъ є међутимъ мѣсецъ са высокога престола свога у воздуху висећега, окренувши земльи блѣду и тиху колесницу свою, веселѣ ньіово гледао. Хитро и-

гранѣ пьіово и музика обаявала є очи и уво у ноћи пастира, нѣгово срце куцало є у єдно време и веселѣмъ и страомъ. Тако су ови безтѣлесни духови свой прегрдне величине стасъ у мало скупили, и премда безчисленни, у дугачкимъ редовима, у средини паклене палате, сѣдили су. Но далѣ одатле у правой величини своіой сѣдили су великіи Серафими и Херувими, у оддѣленымъ и тайнымъ собама, на златнимъ престолима подпуно иляду полубогова. После краткога ћутаня и прочитанія заповѣсти, почео се великій совѣтъ.

Іоанъ Павлов. Протопр. Шабач.

3.

ОСВЕТА НЕЗНА МЕРЕ НИ ГРАНИЦЕ.

(*Изъ часова одмора* (Feierſtunden).

Никада незаборављй дужность човечности и справедльивости према другима. Остављй твога ближнѣга на миру, да бы се то и съ тобомъ чинило, и ако те є судбина надъ другима поставила, то пази на себе и на свой поступакъ; никада не чини ништа самопроизвольно, никада неправо или свирепо, єрбо само по томе путу добіясе покорность и любавь. Найманьій може твоє спокойство зававекъ нарушити.; и какогодъ што су найвыша дрва непогодама и олуи-

нама найвећма изложена, исто тако судбина оны, кои надъ млогима владати имаю, ніе свагда најпріятнія. Ако су ньіови подчинѣницы люди безъ характера и безъ изображеня, успитани у тами суеверія и незнаня, свагда предусретани као средства къ туђемъ намереню, и угнѣтавани тискомъ самопроизвольства, — ако су робови, онда се ніе уздати на привржености и верность ньіову. Коликогодъ претвараюћисе служителя тога рода притежавашъ, исто толико вребаюћи те непріятеля вртисе око' тебе, и ништа те — само кадъ се прилика деси — неће избавити изъ страшны руку оны, кои су мало пре и одъ самога дисаня твога стрепили. Но ако си ты недостойно съ твоимъ ближньимъ поступао, ако си срећу и честь другій людій газіо и човечности ругаосе; — онда свако вече можешъ ты врата твоѥ собе стотиномъ брава затварати, машалама густу помрчину ноћи разганяти, очи предъ претећима аветињама страа заклапати, и твоѥ дркћуће руке бранећисе пружати противу грознога изгледа, кои ѥ крвавимъ процепомъ твоѥ срце уклѣштіо, ахъ, Немезиса пролази крозъ стеновите зидове, крозъ браве и крозъ локоте, добія поуздано, у светлоћи и у помрчини живота свою жертву, освећуѥ страшно и свирепо, што ѥ на штету ближнѣга учињено!

Ову науку поредъ иляда, на кои крвавый путъ Исторія предохранителанъ прстъ пружа, даѥ намъ Донъ Ривѣро, ѥданъ богатъ и силанъ Шпањолацъ на острову Маіорки. Стотине црняка робова, коѥ ѥ онъ као безразумну стоку покуповао и тако држао, именоваше онъ своимъ имаоствомъ, нѣгови усеви и засади цве-

тау и напредовау подъ благословеномъ климомъ, све се є саєдинило было, да Ривѣрову коцку срећномъ учини. Онъ имаѣаше младу жену, за кою є нѣгово срце куцало, и два прекрасна детета, одъ кои є животъ нѣговъ зависіо. Но безразложни дарови среће често млого више кваре, него што поправляю. Ривѣро очевидно постаяше оштріи и свирѣпіи противу сиромашака робова, кои су своимъ зноємъ набавляли онай благословъ, у коме се онъ топіо. Самопроизвольно злоставленѣ и страшне казни за найманѣ погрешке, быле су кодъ нѣга ушле у свакидашньій поредакъ; и несправедльнвость, нечувствуюће срце — наглость владала є кодъ нѣга надъ оныма, коій є коцка нѣговой несмысленой гордости изложена была.

Између осталы притежавао є онъ єдпога црнога, поимену Батиста, кои є при свой своіой жестини и зломыслію, употребителанъ служитель и притежатель нѣговога повереня быо. Овай учини єдномъ єдну малу погрешку. Донъ Ривѣро, башъ у найрђавіємъ разположеню, дозове надзирателя робова, и заповеди, те служителя на нѣгове очи избію тако, да є одъ нѣга крвь потокомъ текла, и да ће умрети побоялосе. Ладнокрвно сматрао є Ривѣро ту нечовечну казнь; ни урлекъ казнь трпећега, ни молба надзирателя не косну се срца нѣговога. Батиста, скоро преминуо буде съ места однешенъ, но нѣгова младость побѣди, и онъ оздрави после дугога и опаснога болованя.

Да є Ривѣро за успитанѣмъ своій робова настоявао, да є у ньіове душе кротку и примирителну науку вероисповеди уселявати дао,

Батиста бы, у кога се є срцу найсвирѣпія освета кувала, найлепшима основоположаима Христіянства, — „да и саме своє непріятелѣ люби“ — украсіо быо. Али одрасто безъ вере и успитанъ безъ любави, носіо є онъ у своме срцу само зломысліе и пакость. Но при свемъ томе, на удивленѣ свію, започне онъ наново рабски, покорно и мирно свою службу, и повремену, своіомъ точности и любави къ поредку, свога строгога Господара унія тако, да нѣгово повереніе наново добіе. А ово освете жельноме брзо баци на путъ прилику къ страшноме задоволенію своій зломыслены страстій.

Ривѣро са своіомъ фамиліомъ живляше у єдной пространой куѣи у єдноме селу, поредъ кога му є была куѣа, у коіой су му робови обытавали, но недалеко оданде имао є на высокима стенама у средъ мора лежеѣъ дворацъ єданъ, къ коме се є само по єдной ѣупріи, коя се є дизала, доѣи могло. Истый по свой прилицы быо є сазиданъ за обезбеѣенѣ нѣгове фамиліе, при узбуни робова, коя бы се догодити могла, єрбо онай, кои права човечества нарушава, свагда образе опасности и страа предъ очима има. — Кадъ єдномъ Ривѣро у ловъ иѣи тедне, отиде нѣгова млада жена са своіомъ децомъ у онай дворацъ, да се дражестнимъ изгледомъ на тіе морске преливе и цветаюће брегове увеселява. Ради послуге была є она узела Батиста, и єдну верну робиню, но ову є Батиста, подъ изветомъ неке заповести нѣне заповеднице, знао на трагъ у село послати. Онъ одпрати робиню до оне ѣупріе, кою за ньоме подигне, да чрезъ то свакоме споля улазакъ затвори. Кадъ то у-

чини, скочи онъ подсмеятелно на бедеме дворца, и съ зажаренима очима и беснећимъ кривленћмъ повиче за робиньомъ: — „Поити, не были нашла Господара! кажи му да е дошло време освети. Нека дође то чудовиште и нека види, како Батиста свирћпость награђуе!“ —

Садъ за осветомъ чезнући нагрне у собу, у коіой е Ривћрова супруга, не надаюћисе пропасти своіой, безбрижно међу своіомъ децомъ седила. Као разярен тигаръ на свою добыть, тако онъ нападне на несрећницу, тресне е о землю, свеже іой руке конопцыма, и одвуче е за собомъ къ Ћупріи. Нћно разлежућесе за помоћь виканћ и якъ деце скупи народъ на најближій брегъ мора предъ узвученомъ Ћупріомъ. Ривћро, кога уплашена робиня наће, поити одма тамо бледъ и стрепећи. Какавъ жалостанъ изгледъ, башъ тада црно чудовиште извуче свой мачъ изъ прсію нћгове невинне, умируће супруге.

Садъ погледи црнякъ на јучућу, колебаюћусе млозину, коя бы радо на помоћь притекла была, но због затворенога приступа ніе могла; онъ опази Ривћра, кои илядомъ мука испробаданъ, часъ страшилима туге, часъ таласима ярости обузетъ бываше; очи му пламћау као ватра, изъ нћговы црны уста бела пена куляше. — „Е Ровћро“ — повиче онъ разлежућимъ се тономъ, — „имашъ ли садъ волю твога Батиста опетъ дати корбачати? Погледај, несрећниче, како се робъ освећуе. Она е мртва, и твоя деца ће за ньоме!“ —

Тада родительскій стра обузме окаменћнога Ривћра и свега га стресе, са самртно бле-

димъ лицемъ клоне онъ на колена. — „Батиста!“ — повиче онъ — „заклинѣмъ ти се свима светцыма, да ћу заборавити и опростити све, што се є досадъ жалостно учинило; опрости и ты, што самь я противу тебе сагрешіо; пріими иляду заклетвій одъ твога несрећнога Господара — све моє добро узми, све Батиста, само поштеди ту сироту децу.“ —

„„Добро““ — повиче црнякъ са стене — „„моя желя освете за свирѣпость, съ коіомъ си ме скоро на смрть избіо, закгева іоштъ єдну жертву. Само твоіомъ крви може се моя разладити. Одсецы себи десно уво, и я самь задовољенъ. Ако узоклевашъ, то ће твоя деца слетити низа стене у таласаюћесе гробове мора.““ —

Ривѣро моляше за сожаленѣ, и съ ньиме сви присутствуюћи. Но црнякъ счепа старіе дете, увати га за ноге и држаше га готовъ да га низъ бедемъ баци. — „Пусти га, пусти“ — повиче несрећный отацъ дркћући, — „ево погледай, моя крвь тече!“ — Садъ одсече онъ себи єданъ део ува. Чимъ онъ тай мучный секъ учини, стане црнякъ радостно и подсмејателно подвикивати, и простоти свога Господара ругатисе. У томе додасе беснуюћемъ Ривѣру пушка, коя є башъ онда донешена была, у ярости управи є онъ на страшило, тада то чудовиште счепа обадва вриштећа детета, стисне ій у своє наручѣ, и — при изгласа яуку присутствуюће мложине — стрмекне заєдно съ неви-

нимъ грабежомъ, о стене дворца изгрувавшисе, у челюсти мора.

При овоме неисказано страшноме изгледу клоне Ривѣро, илядомъ мука разума лишенъ, као мртавъ на землю. После дугога времена доће опетъ къ себи, али му є неизказана туга разумомъ обладала была, често є у беснило долазіо, и свагда лудо говоріо; нѣгова невинна супруга, нѣгова любезна деца, страшный Батиста, позоріе предъ брегомъ мора, непрестанно су се врзли предъ нѣговимъ побрканимъ духомъ. Іошъ читавы петъ година страдао є онъ и трпіо у томе станю на земльи, докле га на последку искушавана вечитый промысо смрћу одъ нѣговы страданя ніе ослободіо, и съ напредъ отишлима любимцыма опетъ саставіо.

Поводъ къ преповеданю овога срцецепаюћега догађая єсть жеља, да то неостане безъ слѣдствія ни у чему другоме, осимъ слѣдствія безвольнога потреса одъ гнуснога дѣла каковога злочинца, и да онай, кога бы или иманѣ нѣговы родителя, или путъ, кои бы онъ по добывеноме изображеню предузео, или срећа у таково станѣ поставила, да надъ срећомъ и несрећомъ, надъ радостима и жалостима неколицыне своій ближньи влада, себи за основоположай живленя избере нѣжанъ, любави пунъ поступакъ према подчинѣноме или манѣ изображеноме ближнѣмъ своме; да такавъ никада повређенѣмъ закона, справедльивости, нѣжніи чувствованя, не бы поводъ дао къ преступленьима, коій се слѣдства прорачунити немогу; єрбо свагда валя найлепша цѣль благородны людій да буде то, да не само свое собственне

страсти угниве, него и оне, кои се око ньи налазе, добротомъ и благости да чуваю, да се истыма и ньіовима слѣдствама не попуштаю, и оне, кои су подъ ньіово надзиранѣ и заштиту препоручени, на добро да упућую.

Л. Зубанъ.

4.

Я М М А.

ИНДІЙСКА ПРИПОВѢДЧИЦА.

(Изъ общеполезногъ додатка Будимски Новина одъ 1838 године).

Ко Индію и найманѣ познае, ма было то само текъ по чувеню: тай ће се лако опоменути красоте ранога ютра у овоме предѣлу. Све, што животомъ дыше, као да е потайномъ нѣкомъ силомъ, у ово доба дана, къ дѣятелности одушевлѣно. Како зора заплави, видишъ тамо идућегъ на купанѣ и молитву Индіянца; онамо пакъ видишъ клечећегъ Махомеданца, гди се по закону своме къ Мекки окреную, или Парза, гди съ скрштенымъ на прсе рукама богомольне песме свое съ равны приморія у море говори, и то сви та-

ко чине, докъ ій први зрацы сунца не обсяю; жене свакога закона и вѣре поране ранымъ ютромъ са ардовима на изворе и бунаре; успинюсе онамо узъ дрва палмова оци, кои манну траже и купе, до оне чакъ высине, гди се човеку мозакъ заврти, и плываю по воздуху на найвиткіимъ гранама међу небомъ и земльомъ и, куда годъ око бацышъ, видиħешъ друге и друге срдцу пріятне и восхитителне сцене. Но овде ми ніе намѣра све оне предмете обстоятелно и редомъ описивати, кои се човеку предъ очи ставляю: него бы быо радъ, да вниманіе читателя на єданъ само предметъ обратимъ, кои ми є поводъ къ слѣдуюħой овой приповѣдчицы дао. —

Изиħемъ єдно ютро пріятеля мога на шетньи нѣговой пратити, и упутимосе случайно къ гроблю Парза. Народъ овай не саранює никада своє мртваце, него ій у танко нѣко платно обвіе и у сандукъ метне, па сандукъ овай непокрывенъ на узвышеномъ нѣкомъ мѣсту свободномъ воздуху, слѣдователно и мртво тѣло птицама изложи. Доцніе, када сирѣчь нѣколико времена проħе, покупе сродницы кости мртваца у земляный єданъ сосудъ, добро на то мотреħи, да кою кость покупити не забораве, па ій са обычнымъ торжествованіяма спале. Варварскій овай начинъ поступаня са мртвацыма, быо є у найстарія времена кодъ стары Персіяна у обычаю: но меħутимъ вальда намъ неħе быти чудно, што су Парзи, овай тако доста изображеный и питомый народъ, обычай тай задржали, кад' помыслимо, да и кодъ други народа има у прилики овой нѣки злоупотребленія, за коя заиста не бы намъ они могли лако одговорити, за-

што чине, када бы ій упытали. Кадасмо се мы редкоме овоме гроблю были приближили, увидимо нѣкій спроводъ одъ четрдесетъ одъ прилике людій и жена. У средини спровода овога лежао є на низкимъ нѣкимъ носилама мртвацъ, о коме смо доцніе разумѣли и подпуно се увѣрили, да є то млада нѣка дѣвойчица была. По видимомъ чинило намъ се, да су сви пратіоцы были нѣни близки сродницы: но мѣсто обычне при оваковымъ приликама пристойне туге и жалости, учини намъ се, да они као у потаи, скрывено и хитно погребъ овай извршую. Време є, пре обычая ньиногъ, было за овай погребъ одвеѣъ рано опредѣлѣно; запевка ніе была велегласна; жене се нетукоше по обычаю ньиномъ у прси; дуго ньино одѣло было є пепеломъ посуто; ньина расплетена коса летила є по ютренѣмъ воздуху, а оне су, непрестано шаптаюћи, псовале и проклиняле. Када су на мѣсто, гди ће мртво тѣло оставити, были приспѣли, не подигну они лагано мртваца овога, као што обычно съ другима чине, са носила: него га презрително и гнушаюћисе са носила на землю туре тако, да є яко околина заєчала, када є ово мртво тѣло о землю лупило и на ню се стропоштало.

Цѣлый овай поступакъ побуди, наравно, яко у нами любопытство; и поводомъ овымъ упытамъ єдногъ мени познатога — одъ кога самъ честѣе млоге тайне овога вѣроисповѣданія новцемъ измамльивао — шта є, и какавъ обычай то? На пытанѣ мое добыємъ слѣдующе одъ нѣга ствари ове толкованіе, кое мыслимъ, да се у длаку са обычаима Парза подудара, и кое за истинито држати, довольно узрока имамъ. —

Знаменитый нѣкій трговацъ драгоцѣны стварій имао є єдну єдиницу кѣерь, именомъ Ямму. Лепота и честность овога природе дѣтета сравньивала се найчистіємъ діяманту, и као што се Голкондско *) драго каменѣ међу лажльивымъ бисеромъ лако разазнае: тако є она лепотомъ и честностію своіомъ найкрасніе и найчестніе дѣвойке свога племена надвишавала. Родительи нѣни, кокма є она дика и поносъ была, наките іой црну косу млогимъ драгоцѣнымъ низовима бисера; найдрагоцѣннііи рубини высили су іой у минѣушама изъ ушію, и красни зафири о носу; а међутимъ се скупоцѣный женскій накитъ о врату блистао, на прсима пакъ и на раменима светліосе діамантъ, и светлость є свою на любко ово створенѣ разливао. Злато є и сребро узвышавало нѣно богато на ньой одѣло.

Умилно ово божіе створенъ достигне свою четрнайсту годину, сирѣчь ону, у коіой женскій полъ до найвышшегъ степена красоте и зрелости своє (у Индіи) доспѣва; па зато и ступа тамо дѣвойка около ове године свое старости у бракъ: но Ямминъ заручникъ задржисе, две године дана дуго, због своій важны послова у Сурату; и време бракосочетанія ньиногъ одлагалосе изъ узрока овога одъ дана на данъ у бриждльивомъ очекиваню и изгледаню на нѣговъ повратакъ. —

---

*) Голконда є варошь у планинама у Восточной Индіи, у кою се сви найизбраніи діяманти продае ради доносе, кои се у майданима Колускимъ, Монгхелгхерійскимъ и Гондикоттскимъ копаю.

Жене Парзиске предусрѣтаюсе, вообще рећи, съ найвећомъ учтивостію и почитаніемъ; оне са мужевима своимъ дѣле явне и кућевне послове; иду по полю са непокрывенымъ лицемъ, ништа ій друго у личной свободи не ограничава, него само єдино нѣжно њино чувство. Закони у смотренію брака клонесе сви тамо, да кућевно щастіе напредуе, и да се узвышава. Примѣра о явной супружеской невѣрности кодъ њи и нейма; єръ и само подозрѣніе, да є супруга са пута вѣрности свернула, казни се строго смртію. — Парзъ може само по єдну жену имати; а, ако умре ова, дужна є фамилія нѣна зету своме удовицу за другу жену туажити; єръ ни єданъ несмѣ выше дѣвойку себи за жену узимати. Но опетъ при свему томе не мора онъ у бракъ другій ступати, ако се умершой супруги своіой зарекао, да ће іой вѣранъ до смрти свое остати. Овако исто, и после смрти мужа, дужна є фамилія нѣгова снаи своіой удовца по вольи нѣной за супруга тражити.

Што се воспитанія тиче, уживаю жене овде велику у томе слободу: оне уче и знаю читати, писати, рачунити, у арфу ударати, а у обхожденію су одвећъ быстроуме и дружебне. Оваква є была и наша любведостойна Ямма, и ніе већъ далеко одъ найсяйніи за себе и родителѣ своє изгледа стаяла, када є случай нѣкій доведе, те се са Капетаномъ С. упозна, кои ю є одъ велике нѣке и пропастію живота грозеће опасности спасао и избавіо.

Приликомъ нѣкомъ пратила є она у покрывеноме и великолѣпно украшеноме чамцу майку

свою у башчу, коя є на острову, зовомомъ Колаба лежала, и коя є оцу нѣномъ принадлежала. Већъ выше далеко не буду опе одъ цѣли свое пловитве: но наеданпутъ дуне якій вѣтаръ одъ Бомбая. Таласи се подигну велики, и титрали су се са слабымъ овымъ чамчићемъ на води, као съ лоптомъ каковомъ. Бадава су се возари трудили и усилявали, да на обалу изиђу. Сироте жене врискале су одъ стра'а и трепета, и викале су за помоћь: но вриска є ньина у лупи таласа изчезавала, а међутимъ быле су опе и млого далеко одъ обале, те зато имъ одонуда помоћь никаква ни притрчати ніе могла. У опасномъ овоме ока тренућу ободе Капетанъ С. своегъ хата; угледи муку и борбу людій съ таласима, чуе вриску и запѣвку жена, па се дуго неразмышляваше: нег' ободе и натера хата свога у море; доплыва, колико є брже могао, кь чамцу; бацы съ крайньимъ усиляванѣмъ и майку и кћерь хату своме на леђа, и срећно се опетъ са ньима заедно врати натрагъ на обалу. Часъ єданъ доцніе прогутаю таласи и чамацъ и возаре нѣгове, и стопе ій на дно мора.

У овай паръ скупило се было неброєно мложество безпослены зрителя на обалу и свакій, кои є єзыкъ само помолити могао, благодаріо є Капетану на великодушномъ овоме дѣлу. Међутимъ сматрала є Ямма великодушногъ свога избавителя съ найвећимъ, но опетъ тихимъ удивленіемъ; а тако се исто быо и онъ у ню загледао. Она є подобна была, премда є одъ стра'а и пребледила, рођеной изъ морске пене Венери тако, да є онъ самъ у себи признати морао, да донда ніе никада умилніегъ и любведостойніегъ

у овой струки Божіегъ створеня видіо. — Желіо бы нѣму баръ за любовь, желіо бы велимъ, за любовь срећнога свршетка ове приповѣдке, да се познанство нѣгово овде докончало: но дужность ми Историка налаже, да случай овай по пріимлѣномъ извѣстію онако не описуемъ, као да бы онъ само изродъ живе фантазіе было; него да га онако приповѣдимъ, као што се є онъ заиста и догодіо.

Капетанъ С. ніе могао Ямму заборавити и употреби сва у сили своіой стоећа средства, да любовь нѣну задобые. Наће дакле путъ, и започне се посредствомъ нѣкога Факира *) повѣрително са ньомъ преко писма разговарати. Найчистія є онъ срца и душе почувствованія према ньой имао, и толико є благородно о ньой мысліо, да му ніе ни на умъ пало, предметъ почитанія и обоженія срца свога како обезчестити; зато понуди є, да іой руку и срце као будућой своіой супруги пружи и да. Волшебства пуне и обаятелне, но при томъ и искренне и благородне мысли и рѣчи нѣгове послуша Ямма; заборави на нраве и на обычае свога племена, па му да прилику, да є опетъ види и да се съ ньимъ састане. Онъ ю є поодіо честће, преобученъ у одѣло Индійскогъ астролога (звѣздочтеца), и она се склони и приволи, оца и майку свою оставити и съ ньиме, кога є срдце нѣно обожавало,

*) Факири су или Сенассеи родъ нѣкій свештенства у Восточной Индіи. Они полажу завѣтъ убожества, и живе одъ своій вѣросисповѣдника. Има међу ньима и богаты новцемъ и земляма.

у свѣтъ зажмурити и отиѣи. Но по несрећи њиной планъ овай буде одкрывенъ, и они буду изненада одъ три добро оружана Парза нападнути тако, да є С. морао у неравной борби Ямму свою гонительима оставити, кои є таки ускиплѣной одъ бѣснила и несрећной фамиліи нѣной одведу и предаду.

Читатель ће лако себи моћи представити стра' и неволю Капетана С. — Онъ одтрчи безъ душе къ родительима Ямминымъ; заклињаосе, и небо є къ земльи преклињо, да є она чиста и невинна; моліо є свакояко; дивљо као бѣсомучанъ и понуђаваосе фамилія нѣной свако удовлетвореніе дати, коє само човекъ честанъ учинити може. Но ови га са презреніемъ одбію. Онъ ніє могао себи ни вообразити слѣдствія, коя ће због поступка нѣговогъ произићи; онъ ніє могао ни помыслити, да ће се онако жалостне сцене због тога изродити, као што ћу ти ій сада, читателю, морати сообщити. И перо ми само малаксава, кадъ помыслимъ шта ми валя изрећи. Описаћу дакле само накратко, и текъ у нѣшто одъ исторіе ове додирнути, докъ ми перо сасвимъ клонуло ніе. Поглавице племена овогъ буду на брзу руку сазвани и скупесе, и, почемъ су сведоцы заклетву о казываню своме положили, изведу Ямму, као невѣсту накићену предъ ову скупштину. После свршены обычны нѣки церемонія ступи майка и баба предъ ню, коя є подобно красной каковой статуи, као укопана у землю, стояла. Єдна є одъ њи две носила у руцы чашу са отровомъ, а друга бриткій мачъ, и са постоянымъ гласомъ, поднесши іой и єдно и друго, рекну: „Бирай одъ овога двога, коє ти се болѣ

допада!“ — „Съ Богомъ майко!“ тихимъ гласомъ прослови кћи ова Парзиска, „съ Богомъ отацъ! съ Богомъ свѣте!“ и узме чашу са отровомъ. „Судбина ме позыва“ рекне и испіе чашу. Околостоећи пазили су на ню и мотрили донде, докъ се подпуно увѣрили нису, да іой є мрачна смрть очи већъ затворила; па онда є мртву положе на носила и однесу къ горепоменутоме мѣсту, куда обычно мртваце свое износе.

Када є о изненадной и напрасной смрти Ямминой Капетанъ С. разумѣо и точно се извѣстіо, помысли, да є она на найужасніи начинъ (како што є у прав' и было) погинула; па викне на слугу свога „дай коня, дай коня!“ и када му овай коня доведе, бацысе онъ таковоме лако на гребенъ, и одлети на нѣму къ мору. Слуга му погледи у очи, усмотри у њима живо представљену му нѣку злу намѣру, и стресесе савъ одъ туге и неизвѣстности, па потрчи за њимъ безъ душе. Іошъ є чуо онъ топотанѣ копита коньски и гласъ Господара свога, гди све яче и яче коня гони; и на єданъ ма', када се вѣрный слуга къ приморію био приближіо, као да се таласи синѣга мора растворише, па опетъ се у исто ока тренуће склонише; опази онъ на површини пенившегъ се океана само малу нѣку црну точкицу, а Господара свога и хата никадъ выше неугледа.

Владисавъ. Стоядиновићъ.

5.

ДУХЪ ДРЖАВНЕ НАУКЕ КОДЪ НАЙСТАРІИ НАРОДА.

(Изъ Вайцла.)

Найстаріе Повѣстнице показую намъ, да су древни народи на стидъ и срамоту човечества зависили одъ єдне волѣ неограничены владѣтеля', коя є редко закономъ обуздавана, и само кадкадъ надметанѣмъ и борбомъ Божіи служителя' и ратобораца, или личнима уроѣенима добрима свойствама владаоца умеравана. Гди бы угнѣтаванѣ већь сваку меру прелазило, и неподносимо постаяло, гди бы слабость владаоца или честолюбіе знаменитіи поглавица къ побуни побуѣивало, да бы какво такво олакшанѣ себи прибавили, онде є буна се дизала и обарала тиране, али обычно само на то, да нѣгово место опетъ другоме тирану преда. Беззаконность, коя є свима на тренутакъ єданъ обладала, заменьивала є беззаконность єдинога беззаконника. За Деспотизмомъ слѣдовало є безвластіе (Анархіа), кое є само опетъ као пролазъ на Деспотизамъ служило. Народи меняли су свое владѣтелѣ, но владѣніе остаяло є све оно исто, и народъ є служіо за орудіе, али никада ніе као намѣреніе и конацъ бывао овы насилны догаѣая, коима су престоли потресани или обарани. То смо мы видили у Вавилону и Ассиріи, то смо видили у Египту. Тако є было и у Сиріи, коя на многе државице

разпрштена свагда є єдно и исто позоріе повторавала. И сама Фениціа, кол є цветала трговиномъ, коя само у слободи обычно напредуе, ніе се изузимала изъ овогъ правила жалостне єдноообразности. Сидонъ и Тиръ покоравали су се кралѣвима, кои су власть свою простирали истина кадкадъ съ умѣреностю, али безъ сваки законны граница.

У срећним' оним' предѣлима топле поднебесности, гди благодатно сунце производе богатодаровите природе изъ плодоносне землѣ подиже и до зрѣлости доводи, налази човекъ редке потребе живота свога у изобилію. Южный човекъ потребуе манѣ него обытатель оскуднога сѣвера за своє препитаніе; обыталиште и одеѣа, и све што потребуе само му се дає. Сѣверацъ мора то са трудомъ и мукомъ изъ неблагодарне землѣ да извлачи, и оно, што собствена нѣгова земля непроизводи, мора изъ дальны земаля у промену себи да прибавля. Нужда раѣа изобретательность, нагони човека на употребленіе силе своє, и учи га умѣрености. Изобиліе навикава на леньость и раскошность. У сѣверу ніе скоро вредно люде подярмити, што имъ нема човекъ шта узети; и ако имъ се много узме, онда є и самъ животъ ньиовъ у средствама свога садржаня подрывенъ и нарушенъ. Тако ніе на богатомъ Югу. Нѣки могу преко мѣре много, а многи мало имати, и оно мало довольно є за животъ. Докле є годъ човекъ чедо єстества, коє га окружава, быва на сѣверу прилѣжанъ, умѣренъ, штедльивъ и слободанъ, на югу ће леньивъ, сладострастанъ, равнодушанъ према заслузи и прибитку, и робъ быти. Ако ли

се влада природе изображеніемъ ограничи, или сасвимъ замени, онда се наведена появленія могу на противъ обратити, и сѣверъ колевка самовольства, а югъ слободе постати. Човекъ духа испунѣный извлачи се исподъ физическе зависимости, и идеа или мысао постае яча одъ тѣлесне потребе. Ако є народъ єданъ у своме развіяню до те точке дошао, онда се снага поднебесног вліянія све већма и већма губи, кое тако одсудно на неизображеног човека дѣйствує. Зато пакъ нипошто очаяти нетреба, да се и на самомъ востоку, овой колевци и растилу Султанске владе и харемске управе, кадгодъ слобода и нравственность видити неће. Ако само успѣванѣмъ изображенія идеа или чиста мысао мѣсто власти заузме, онда се ова сприобшти мнѣнію и вѣрованю, и мнѣніе и вѣрованѣ быва яче одъ државе и цркве, као што су те предаліемъ и гнилимъ покораванѣмъ изображене и обдржаване.

О државной науци неможе кодъ овы народа скоро ни спомена быти. Држава ніе ништа друго была него породъ природе, кои є поднебеснымъ вліяніяма, силомъ обстоятелства, и страстима и слабостима людскима тако изображенъ, као што намъ одломци недостаточне Повѣстнице показую. Вообште ове проглашене Државе нити су познавале права художества ни науке. Оно, што мы одъ ньи имамо и знамо, само су наказни образи, и неустроєна изображенія, огромности, кое своима гомилама или противоприроднимъ саставлянѣмъ у очи удараю, и коима бы човекъ радо неко тайнепуно значенѣ дао, неразумителне іероглифе и писанѣ у ваяню, кое неку дубоку мудрость хоће у себи да прикрываю,

но за кою є за насъ по несрећи ключь се изгубіо. Будући да ово све мало казує, али много за нагађанѣ оставля, зато дає безпосленой любопытности и дѣятелной сили воображенія широко полѣ, коє свакій са своимъ собственымъ изобрѣтеніяма наплодити може. Ніє сумнѣ, да сурова художества раскошности нису непозната была. Такођеръ обытатељи оны кралѣвина имали су знања и вештине, коє су имъ послови и мѣстоположеніє землѣ као необходимо нуждне учиниле, Механику, Геометрію или землѣмѣріє, и водозиданѣ у Египту, у Фениціи граћенѣ лађа, рачуненѣ и што є къ воћеню трговине принадлежало, художество разне робе правити и боядисати, и понешто, што къ лакшемъ живота начину принадлежи, суєту задоволява и у трговини добытка доноси. Каже се, да Грци прво семе свога доцніега изображенія доселѣницима изъ Египта и Азіе благодарити имаю. То сведочи Исторія, а дало бы се и безъ исте сведочбе исто поняти и мыслити. Грци могу прећашньима кралѣвинама у тима странама много благодарити имати, навластито прве основе и механическа средства свога изображенія; али ово изображеніє, као што се оно развило, и као што є къ савршенству доспѣло, Грци само себи благодарити имаю, и ово є дѣло ньиово. Дошљаци изъ Египта и Сиріе нису могли никако Еллинима оно донети, што они у своме отечеству имали нису, нити су грчки путници то одонуда донети могли. Мы смо у новія времена видили, да су европейски изселѣници у Америку оно однели и тамо основали, што у отечеству своимъ нису добыли. Управъ зато што у своимъ отечеству нису налазили оно, што су желили, отишли су они у дру-

гій светъ. Ту су они основъ положили за велик о зданіе политичне слободе и вѣрозаконне сносимости, кое ће кадгодъ свима народима за угледъ служити. Одъ Деспотизма и несносимости у Европи слободне су се државе у Америки породиле. Може быти да су се Египтяни и Финикіани, кои су на грчке обале добѣгли, у истомъ станю налазили. Безъ сваке сумнѣ да художество и наука, законодателство и мудрость државна, коима се Грецiя прославила, нису тамо донешена. У свему ономе, што є востокъ произвео, нема ни знака ни трага одъ оне тихе величине, превыспренне простоте, прекрасне успарне пламенности душевне, и одъ оне основне озбильности духа у Грецiи и Риму. Све тисуће година, кое су надъ просторнымъ и прекраснима царствама на востоку и югу протекле, нису у ньима ни єднога Омира, Фидію, Ликурга и Леониду нашле.

Тако исто ни законодателство Египетско Мойсею ніе за примѣръ служило. Башъ да є онъ штогодъ у обраштаваню са Свештеницыма ове землѣ и изъ ньіовогъ наставленія добыо, опетъ ньнова мудрость при великомъ ономъ дѣлу, кое є онъ подигао, ніе му за образацъ служила. И ако є онъ овыма ползовао се, то є само тога ради чиніо, да оне недостатке и погрѣшке, коима є устроєніе и законодателство Египетско обузето было, избѣгне.

МОЙСЕЙ (1550 ПРЕ ХРИСТА.)

Найстаріе дѣло у струци државне науке, кое се до наши времена додржало, єсть одъ Мой-

сея, коє є подъ именомъ нѣгови петъ кньига познато. Оне безъ сваке сумнѣ принадлеже найдрагоцѣнніим' споменницима законодателства и Историє, коє намъ є древность предала. Мы овде нећемо испытивати, да ли наведене кньиге заиста одъ онога чрезвычайнога мужа произлазе, коме се приписую, и да ли є єданъ само, или што є вѣроятніе, да ли су више ньи сочинители изъ разны времена были. Мы узимамо дѣло, онако као што є до насъ дошло, и у своме роду єдно цѣло сачинява. У време оно простога стања садружества и вештина државна, коіомъ се оно управляло, была є тако исто проста као и оно само. Законодатель ползує се свима средствама, да потребама државе одговори, и у науци нѣговой неналази се ни дѣленя ни ограничавана. Као што є житель све скоро послове водіо, да за свою породицу производе природе и радиности, кои су за кућу потребни были, прибави, тако є и законодатель у расположеніе и устроєніе државе своє све оно приміо, што є по нѣговомъ разуму срећу и дуговечность ове обезбѣдити могло. При малочисленымъ потребама и близу лежећим средствама, коима се ове задовольити могу, о дѣленю послова, коє є доцніе тако важно постало, неможе нимало, или поне редко спомена быти. Законодатель увлачи у онай іошъ тесный кругъ своє уредбености све оно, штогодь нѣговомъ намѣренію као врстно средство служи, воспитаніе, начинъ живлѣня, наравь, обычає, вѣроисповѣданіе, притяжаніе, и собственность, дѣленѣ власти државне, грађанске, кривичне и полицайне законе. Што є нама у новія времена найважніе постало, начинъ (форма) правленія, тимъ се онъ толико незанима, ко-

лико съ воспитаніемъ, притяжаніемъ земаля, уредбомъ кућевномъ, животомъ родбине, препитаніемъ и радиностію; све сами предмети, кое државна власть, при успѣсима содружества, све већма одъ себе удалява.

Мойсей є основоположенія своє вештине државне не само назначіо и потомству писмено оставіо, него є по ньима и државу єдну устроио, коя цѣну и важность ньину у самомъ дѣлу показує. Ово є удивлѣнія достойно дѣло, кадъ оне тегобе посмотримо, кое є онъ надвладати имао. Заиста се мы дивити морамо опомъ дубокомъ познанству човеческе природе и нѣгова народа, дивити се морамо, кадъ видимо колико є онъ природу човеческу высоко почитовао, колико є нѣну снагу, потребе и слабости, праведно уважавао, дивити се морамо мудрости оной, коіомъ є познао, шта му є садашньость подносила и дозволявала, и заєдно коіомъ є све оно у рачунъ узимао, што є будуштность донети могла. Између ова два найвећа законодавца древности, и може быти и свію времена и вѣкова, **Мойсея** и **Ликурга**, кои тако яко єданъ на другогъ наличе, єдва бы човекъ пресудити смео, кои є свой задатакъ найсавршеніе разрѣшіо, и кои є оно найреће благоразуміе са найсталніомъ снагомъ карактера союзіо. При већемъ испытиваню и удостояваню обстоятелства и отношенія, у коима су они дѣйствовали, могли бы се међу тимъ за **Мойсея** изяснити.

Мойсей се старао, да народъ свой одъ свакога союза или ближегъ сношенія са странномъ земльомъ сачува, и зато му є опредѣліо **землѣдѣліе**, као найпоглавитіе и скоро єдино зани-

манiє и изворъ прибитка свога, ако є и было положенiє нѣгово за трговину врло згодно. Онъ є између свiю кућевны старешина, изузевши само Левите, землю на равне части поделiо, тако да ниєдна родбина ниє остала безъ землѣ. Ову землю равно као и обыталиште, ков є тамо принадлежало, притяжатель ниє могао продати, и ако бы га и нужда притерала, да уживаоство одъ нѣ у залогу да, опетъ бы собственность на опредѣлѣно време, првомъ притяжателю или нѣговима наслѣдницима припало. У свакой петдесетой годины, коя се торжествена година називала, разрѣшавала се учинѣна продая и залога, и прећашнѣ притяжанiє опетъ у своє прво станѣ повраћало се. Година тако названа Суботна — овако се звала свака седма година, у коiой се ни њиве ни виногради радили нису, и сви производи земальски свима су у скупи принадлежали — подпомагала є тай истый конацъ, ако є законодатель съ тимъ и друга намѣренiя получити старао се. Само су сынови наслѣдiє добыяли, и прворођеный сынъ добыяо є двапутъ толико колико друга нѣгова браћа. Ако су се оженили за живота очина, онда су остаяли кодъ нѣга, и сачинявали су новъ прирастакъ нѣгове родбине. Кћери су само онда наслѣдити могле, кадъ отацъ небы мужке деце имао. Народъ є было на 12 племена разделѣнъ, одъ кои свако є имало свога поглавара, и особито є обштинство за себе сачинявало. Свако племе отправляло є своя дѣла само, и са другимъ племенима скопчано є было текъ са устроєнiемъ союзнимъ, са обштымъ породомъ и вѣроисповѣданiемъ, и обштомъ користю. Самосталность поєдины племена морала є врло велика быти, кадъ су они на свою руку сами за

себе и ратове водили и уговоре чинили. Како су они са своимъ поглавицама найвышой власти подчинѣни были, тако су међу ньима опетъ, само у тешнѣмъ союзу и већой зависимости, стояле родбинске старешине или први одъ колѣна'. Найвыше правленіе дѣла народны припадало є Скупштини народной, высокомъ Совѣту, кои се и Сенатомъ називао, раніе припадало є Судіи а доцніе Кралѣвима. Скупштина народна состояла се изъ изсланника разны племена', коима су се причислявали и родбинске старешине и поглавице, управителы обштински, ниже Судіе и предстоятельи, кои су као чиновници граћанства, кодъ Израилтяна, гди се притяжаніе земаля на вѣроятности племенны таблица оснивало, нешто значили. Одъ нижи Судія опредѣленъ є на сваки 10 породица по єданъ, па на сваки 100 породица по єданъ, и на 1000 по єданъ, тако, да су парнице и распре по своіой вредности и важности у три степена предъ ове судіе доношене. По свой прилици само су найвыше Судіе у народной Скупштини или државномъ Сбору присутствовале. Никакавъ прописъ ніе намъ познатъ, коимъ бы се изборъ овы опредѣльивао. Єднога Краля Мойсей своме народу ніе хотео дати, него за таковога морали су Іехову признати, кои є ньиовъ Богъ, ньиовъ законодатель, источникъ сваке власти, и Господаръ земаля, у коега су име землю притяжавали и обработавали, быо. Међу тимъ онъ є люде и свой народъ толико познавао, да себе ніе толико преценіо, да бы и одъ будуштности господаръ быти хотео. Онъ краля ніе поставіо, шта выше старао се предупредити, да се и неуведе, но опетъ оставіо є народу слободу, да ако бы доцніе пожеліо, та-

ковога себи избере. Изборъ самъ оставлѣнъ є народу съ тимъ єдинимъ ограниченѣмъ, да страннъ неможе быти. Сва земля, као што смо горе навели, была є на родбинске поглавице одъ разны племена єднако поделѣна, и то не по своимъ пространству, но по своіой вредности. Само племе Левитско было є изъ ове деобе исключено, и зато є оно добыло десетакъ. Мужки членови овога племена, одъ кои є глава быо врховный првосвештеникъ, сачинявали су разсадиште свештеника, правдослова, законознателя, ученика, чиновника и лѣкара. Ово устроєніе было є одъ велика значеня, не само за вѣрозаконъ, за художество и науку, него и за политично устройство државе, и извршеніе државне власти. Левити имали су велико вліяніе на ову власть, и сачинявали су яко противовѣсіе, гди бы владѣніе преотиманѣмъ и насиліемъ далеко се прострло, и угнѣтавати почело. Ови имаюћи снагу супротъ овога преотиманя нису се могли союзити съ ньимъ, што никакове користи одтуда имали нису; зашто они ни своє иманѣ ни власть, у призрѣнію светски корыстій, съ тимъ распространити нису могли. При свимъ недостатцима свога заведенія произлазила є одтуда та корысть, што є оно сочинявало союзну, изравнителну, умѣраваюћу посредну силу између државне власти и народа, а навластито између разны племена. — —

М. Светићъ.

6.

СПОМЕНИКЪ

СРБСКЕ СЛОБОДЕ.

— — „Четвртый данъ дођемъ“, вели славный Г Ламартинъ у свомъ путованю у Орієнтъ, „у Нишко полѣ, къ последньой турской вароши, готово на границы Сербіе. Я самъ єдно по' сата напредъ отъ мога карвана яшіо; сунце є яко жегло. Отъ прилике єдну милю отъ вароши — Ниша — угледамъ єдну велику белу кулу, коя, блистаюћи се као Парскій мермеръ, на сред' равни стои. Путъ ме є управо къ ньой водіо; како до нѣ дођемъ, одма отяшимъ, и дамъ могъ коня турскомъ детету, коє узъ мене иђаше, да га држи, па се спустимъ у ладу куле, да кои часакъ отпочинемъ. Текъ што седнемъ, ал' тамо, бацивъ око на зданіе, коє свою сенку на мене простираше, видимъ, да су нѣгове зидине, отъ самы правилны редова мртвы людски глава, а не отъ мрамора или белогъ камена, као што ми се учинило было, сложене и дигнуте. Те мртвачке, свега меса лишене, коє отъ кише, коє отъ сунца убелѣне, и су нешто мало песка и креча саставлѣне главе, чиняу тріумфалный сводъ, подъ коимъ самъ онда у ладовини лего быо; може ій отъ прилике петнайстъ до двадесетъ тысуѣа быти; на некима се іоштъ власи држе, коє се на ветру, као оно дуга маовина на стеню, вію. Горскій ветаръ дуваше живо и оштро, и, пролазећи крозъ безчислене шупльине глава, чиняше, те се изъ ньи жалостиво и тужно

звижданѣ извіяше: я нисамь никогъ кодъ себе имао, ко бы тай спомениkъ варварства протолковати мого. Дете, кое оба коня за узде држаше, играше се мећутимъ съ малымъ отломцима костію, кое су се на подножю куле већъ у пра' претвориле быле; я самь отъ умора, врућине и сна тако клонуо быо, да самь у ма заспао, наслонивши главу на овай зидъ отъ отсечены людски глава. Кадъ се пробудимъ, нађемъ се у момъ карвану и у средъ млоги турски коняника, кои су ми изъ Ниша были подолазили, да насъ у градъ угледно прате, и они су ми казали, да су оно главе отъ петнайстъ иляда Срба, кое є Паша у последньой буни у Сербіи погубіо и изсекао. Ова є поляна было гроблѣ овы племенитодушны Інсургента, и овай Спомениkъ ньины костурница! Окомъ и срдцемъ поздравимъ я садъ остатке овы юнака и витезова, кои' су отсечене главе граничнымъ означаємъ независимости ньинога Отечества постале. Сербія, на кою намъ скоро ступити ваљше, садъ є слободна; и оно є песма слободе и побѣде была, коя се ветромъ изъ планине у кули отъ Србски, за свое отечество падши, глава гласовито разлежаше. Скоро ће и Нишъ ньинъ быти; но онда они нека ову знамениту кулу у целости чуваю! Єръ ће она ньину децу учити, шта независимость народа вреди, показываюћи имъ, каковомъ су є ценомъ ньини отцеви платили и изкупили!“

Др. І. Стеиѣъ.

7.

ИЗЛИВЪ ПРОСВЕЋЕНОГА УМА И ДОБРОГА СРЦА.

ЧОВЕКЪ И ЖИВОТЪ.

Кадъ є природа човека створила, обдаривши га некимъ нагонима: своєлюбіємъ, за обдржанѣ самога себе, благонаклоносћу, за обдржанѣ други людій, любвомъ, коя се у свакомъ роду наоди, и пречуднимъ даромъ, коимъ є устаню више мыслій имати и слагати, него све скупа животинѣ; — онда му є овимъ речима нѣгову судбину обявила: ты си твой део приміо, и одъ садъ се помажи, како знашъ!

Волтеръ.

Човекъ, когъ є природа за мудрость и добродѣтель створила, само после дугогъ посртаня и после млоги погрешака обично є докучити може. Безъ изображеня, безъ полицираня, безъ добротворногъ стараня паметнога оца, мудрога учителя, разумнога правительства, остає онъ обично дивлый родъ, или глупъ, ил' зао, или обоє.

Ізелинъ.

Ахъ! Природа є наредила, да намъ сва добра овога света єднако буду поделѣна, а мы смо само зла међу собомъ поделили. Свуда є човеку мало землѣ, а на ньой се толико страшни пустиня наоди. Само є човекъ подложанъ тешкой глади, а и сами црви пливаю у богатсву ране. Скоро свуда є онъ робъ свога ближнѣга, а и найслабіе животинѣ сачувале су свою слободу одъ найячи животиня. Природа, коя га є за любовь створила, ніе му никаква оружя дала, а онъ є себи свакояка пронашао и сковао, да на свою браћу удара. Она свакомъ своимъ детету дає мирнога седишта и свакояке части, а уласци наши села и градова изъ далека се показую, само вешалама и точковима. Исторія природе представля намъ само доброчинства, Исторія човека само намъ беснило и грабежъ показуе. Нѣгови су юнацы они, кои су се као найстрашніи люди показали. Свуда онъ презире руку, коя нѣгово руо тка, и коя за нѣга по утроби землѣ ріе. Свуда поштуе онъ онога, кои га вара, и чествуе оногъ, кои га угнѣтава. Свагда съ онимъ, што има, незадоволянъ, онъ є само оно створенѣ, кое за онимъ, што є прошло, жали, и одъ оногъ, што долази, стра' има. Само нѣму є природа дала, да може мыслити да има єднога Бога, и иляду грозни и безчовечни закона изъ ове є природне и утѣшителне мысли произишло. Каква є то власть, коя силу природе тако яко могаше осуетити? Каква є то обсена онай чудноватый умъ заслепила, кои є толике вештине — осимъ єдне, по коіой бы човекъ срећанъ могао быти — измысліо и произвео? О вы, законодавцы, не фал'те выше ваше законе! Или є човекъ створенъ, да на овомъ свету беданъ и му-

чанъ буде, или васъ ова земля, свуда нѣговомъ крвлю и нѣговимъ сузама напоєна, тужи, да вы сви законе природе нисте ни познавали ни примали!

(Бернардинъ де Ст. Пѣрръ.)

Свакій човекъ гріє у своме срцу желѣ кралѣва. Онъ бы 'тео, да може свашта противъ другогъ, а другій да не може ништа противъ нѣга учинити.

Сенека.

Човекъ є вообште пре слабъ него зао; пре зао него добаръ; пре добаръ него просвѣенъ; пре суетанъ него неумешанъ; свагда онъ на лако мудрує, а редко є мударъ; своє мысли на цени држи, али зато опетъ мысли, као што другій оће; блуди одъ єдне глупости до друге, и непрестано тумара одъ єдне преваре и лудости до друге; са самимъ собомъ све єднако є у распри: оће и неће; за онимъ уєданпутъ и тежи, одъ чега се и бои; уютру є юнакъ, у вече женскій страшльивацъ; данасъ овако, сутра онако, и после неколико година ніе выше онай, кои є пре быо; за срећомъ непрестано иде, и опетъ зато свакій часъ друго што предузима; толико се не труди, да є управ' срећанъ, колико да се само чини, да є срећанъ; по будалаштинама други людій выше се влада, него по осећаню свога срца; у потаи често га кожкаквый немиръ гризе,

кои своіомъ гордосћу сакрива, али опетъ зато свакій часъ своимъ владанћмъ и дћломъ одкрива; тужи се на краткость живота, а све єднако тражи начинъ, да га пократи и да му бреме заборави; одъ природе меканъ и страшльивъ, притомъ опетъ за каквый малый добитакъ свога лакомства, своє освете или неситости, навалице трчи у наручћ смрти; поноси се великодушћмъ, а грознін є него макаръ каква дивля зверь: убія свога ближнћга безъ сваке злобе, безъ свакогъ личногъ вреда, и у истребљењю своє браће найвећу свою славу тражи; све се за сама себе стара, мало се за другогъ брине, и опетъ є радъ, свакогъ подъ свою волю и власть покорити; изсмеява у младости своє детиньство, у зреломъ веку свою младость, у немоћной старости године своє снаге и ячине; са ситницама свагда се озбильски забавля, и притомъ лакоумно и безбрижно свршує важне своє послове; редко є са настоећимъ задоволянъ, губи се у будућность, и не може при свемъ томъ целой вечности свои надежда ни неколико малы часова, кои су нћгови, жертвовати. —

Вайсъ.

Човекъ є круна свію створеня; онъ є анћо као дете, добротворно узвышено суштество као зрео мужъ, мудро пророштво као старацъ, пріятна, у тћлу представљена, красота као девойка, муке и бриге умалююћій геніусъ као жена, божество у любови и благонаклоности као мати. Али све то само онда, кадъ є, као што може быти и као што валя да є; но на оно, што є

човекъ свуда и што мора быти, овай образъ о нѣму ништа друго ніе, него само єдна грозна Сатира.

Ертелъ.

Боренѣ є судбина човечія, на престолу и у колеби; овде съ несрећомъ онде са срећомъ, а свуда съ нашимъ роѣенимъ срцемъ.

Душъ.

По природноме поредку два су главна узрока, по коима се човекъ у своме животу управля: єданъ су страсти а другій умъ. Зато се вели, да є човекъ умна животиня; али се већа часть людій послужує умомъ, само своє страсти да намири. Што страсти зактеваю, то се умъ стара, да постигне. — Што єе срца и страсти тиче, свуда є и свагда узрокъ, по комъ се човекъ у своме владаню управляо, онай истый быо и оста'ѣе до века онай истый. Зато се у човечеству све єднаки догаѣая наоди. „Светъ неиде у напредакъ, вели Меръ, но само се обрѣе у наоколо.“

Трибле.

Различность разума човечіега, коимъ онъ самъ съ особитимъ првенствомъ надъ свима осталимъ живимъ створењама стои, тако є велика, да се у нѣму све различности нагона, коє живо-

тинѣ имаю, могу наћи. Зато нема животинѣ у гори и у води, доброћуде, кою у двоножномъ образу човека небы могли познати. Ту се наоди: човекъ-вукъ, човекъ-рисъ, човекъ-лисица, човекъ-кртица, човекъ-свиня, човекъ-ованъ, и овай є найобичнии. Далѣ, човекъ-бикъ, кои ће утећи, да га како тврдо држишъ; човекъ-штука, кои сваштa прождире; човекъ-гуя, кои се на сто начина превія; човекъ-медведъ, кои ми се доста допада; човекъ-орао, кои у висину неба лети; човекъ-гавранъ, човекъ-кобацъ и т. д. Ништа ніє ређе, одъ човека, кои бы у свакой струци правый човекъ быо. Нема єднога међу нама, кои небы што одъ какве животинѣ на себи имао.

Дидеро.

Човекъ ніє ни анђо ни животиня, и несрећа оће, да онай, кои є радъ анђела представляти, обично до животинѣ пада.

Паскалъ.

Люди су єданъ за другогъ овде на свету: зато іи поучавай, или іи трпи!

Марк' Аурелъ.

Човекъ плачући ступа на позориште живота; онъ долази на светъ сасвимъ го, и тако исто одлази натрагъ. Ништа онъ са собомъ не

носи, одъ оноликогъ нѣговогъ труда, одъ оноликы нѣгови услуга, ковъ є оноликимъ своимъ злоћудимъ старешинама чиніо. Првый варалица, кои га себи прима, светъ є; онъ му млого обриче, а ништа му не даѕ, осимъ онога само, што одъ други узима, и што ће скоро и одъ нѣга узети. Време, старый онай зликовацъ, кои му сваку радость изъ далека указуе, и скоро свако уживанѣ труе, украћуе, и прекида, найпосле га у гробъ баца, гди го и заборавлѣнъ остати мора. Рекао бы, да свашта на свету само у томъ свою радость наоди, да се човеку руга и освећуе; светъ га вара, животъ му є неизвестанъ, срећа се съ ньимъ титра, здравлѣ га оставля, зло му нагло долази, добра му често нестаѕ, године га еду и троше, уживанѣ му є выше само празна мысао, време лети одъ нѣга, животъ му се свршуе, смрть га носи, гробъ га прождире, земля га покрива, трулежъ га троши, и заборавъ га уништожава. Ко є юче човекъ быо, данасъ є пра, а сутра неће быти ништа.

Грацианъ.

Дужность є о човечиой природи добро и лепо мыслити: али ко о людма, коису предъ ньимъ и око нѣга, свагда само добро мысли, онай лако може будаломъ свога доброга мнѣнія постати.

Виландъ.

Жалостна є истина, (но кою на свакій начинъ валя знати), да у свакой држави на свету

највећа часть людій мало поштованя заслужує; єръ су у њи погрешке многе, добродѣтели редке, глупости велике и незнаня страшна; своелюбѣ главна є њина страсть, и подла користь само за себе самогъ великій є нагонъ свію њини послова и дѣла. Єси ли радъ у напредакъ знати, како ће се они у различнимъ догађаима њинога живота владати, не пытай, шта имъ дужности њине налажу, но тражи, шта може њине суєтне желѣ испунити и њину лакому жеђь за благомъ угасити. По томъ ресултату о њима суди, па ћешъ се редко преварити.

Вайсъ.

Ко бы све люде као ђаволе себи представіо, и по томе съ њима само грозно и страшно поступао; онай бы међу њима као дивлый непріятель човечества безумно бесніо. А ко бы држао, да су сви люди анђели, и да имъ по томе у свему валя узду пустити; онай бы бунцао само као каквый тупоумный пустињикъ. Али ко вєрує, да сви ни су ни зли ни добри; па зато ко њина добра дѣла мало више њине цене награђує, а зла мало блажіе, него што заслужую, казни; ко њине обычне слабости праштa, и свагда любовь и милость према свимъ людма у своемъ срцу гріе, и показує, онай поступа, као што се свакомъ паметномъ и разумномъ човеку лепо пристои.

Фридрихъ II.

Люди стоє између анђела и животиње, они нису одъ природе злоћуда, но єдно одъ другогъ покварена, одъ части развраћена, найвыше слаба, одъ свои страстій и одъ друге своє браће, коя съ овима уму владати, зависима створеня. Онако ін дакле сматрати валя, као што єсу, и нигда не треба одъ ньи врло млого искати и очекивати. И найболыій човекъ зависи одъ свога тѣла, одъ своґа темперамента, одъ свои склоностій и жеља, коє су му миле; па зато се не треба надати, да ће онъ млого одъ ньи за нашу любовь жертвовати.

Струве.

Др. І. Стеиѣъ.

8.

РАЗЛИЧНА СМАТРАНЯ

О РАЗНЫМЪ

ЕСТЕТІЧЕСКИМЪ ПРЕДМЕТИМА.

(Изъ Шиллера)

Сва свойства стварій, коима оне естетіческе быти могу, даю се у четыри классе разделити, коя како по своіой обіективной (предметной) различности, тако и по различномъ субіектив-

номъ (подметномъ) возношенію на наше страдателно и дѣятелно могущество не само по якости но и по важности различно допаданѣ прозрокую, и коя такође за цѣль лепы художества нису одъ єднаке потребе, сирѣчъ пріятно, добро, висприенно и лепо. Измеђь овы є само висприенно и лепо художеству свойствено. Пріятно ніє га достойно, а добро ніє нѣгова цѣль, єръ цѣль є художества увеселявати, а добро, было оно теоретічески или практічески, неможе и несме чувственности као средство служити.

Пріятно увеселява само чувства и разликує се одъ доброгъ у томъ, што се ово самомъ разуму допада. Оно се своіомъ матеріомъ допада, єръ само вещество (Stoff) може чувства побудити, а све, што є форма, само разуму се може допасти.

Лепо се истина средствомъ чувства допада, чимъ се одъ доброгъ разликує, но разуму се своіомъ формомъ допада, чимъ се одъ пріятногъ разликує. Добро, можемо рећи, допада се само разума сходномъ формомъ, лепо разума подобномъ формомъ, а пріятно никаковомъ формомъ. Добро се мысли, лепо се сматра, пріятно се само чувствує. Око се допада у понятію, друго у уочаваню, а треће у матеріялномъ (вещественномъ) чувствованю.

Разлика измеђь доброгъ и пріятногъ найвыше пада у очи. Добро разпространява наше дознаванѣ (Erkenntniß), будући предмета своегъ понятіе дає и предпоставля; узрокъ нашегъ допаданя налази се у предмету, премда є само до-

паданѣ станѣ, у комъ се налазимо. Пріятно напротивъ не производи никаково дознаванѣ предмета своѓъ, нити се на каковомъ оснива. Оно є само збоѓъ тога пріятно, што се чувствує, и нѣгово понятіе сасвимъ изчезава, чимъ афектибилитетъ чувства мыслено изузмемо (hinwegdenken), ил'га само променимо. Човеку, кои зиму осеѣа, пріятанъ є топлый воздухъ; но тай ѣе истый човекъ у летньой запари лаадъ тражити. Но у оба случая, признат'ѣемо, правилно є разсуждавао. Обіективно є одъ насъ сасвимъ независимо, и што намъ се данасъ истино, цѣлосходно и разумно чини, быт'ѣе нам' таково (предпоставляюѣи, да смо данасъ право разсуждавали) и после двадесетъ година. Наше разсуждаванѣ о пріятномъ меня се, као што се наше станѣ спрамъ нѣговоѓъ предмета меня. Оно дакле ніе никаково свойство предмета, веѣь постає топрвъ изъ отношенія каквоѓъ предмета на наша чувства — єръ разположеніе чувства нуждно є условіе нѣгово.

Добро є напротивъ добро, пре іошт̀ъ него се представи и чувствує. Свойство, коимъ се допада, постои совршено само за себе, безъ да нашъ субіектъ потребує, премда допаданѣ нѣгово на пріємности (Empfänglichkeit) нашеѓъ существа (Weſen) почива. Пріятно є, може єе дакле казати, само збоѓъ тога, што се чувствує; добро напротивъ чувствує се, што є добро.

Разлика лепоѓъ одъ пріятноѓъ, како є иначе велика, пада манѣ у очи. Лепо є пріятном' у тому равно, што се увекъ чувствама *) пред-

*) Овде є дателный а не творителный падежъ.

ставляти мора, и што се само у появленію (Erſcheinung) допада. Далѣ у том' му є равно, што никакво дознаванѣ своѓъ предмета не производи нит' предпоставля. Но опетъ се яко разликує одъ пріятноѓъ, будуѣи се оно формомъ появленія, а не матеріялнымъ чувствомъ допада. Оно се истина разумномъ субіекту допада само, у колико є истый купно и чувственный; но и чувственномъ допада се само у колико є истый купно и разумный. Оно се не допада само особи (Individuum) но роду (Gattung), и премда само своимъ возношеніемъ на чувственноразумна существа свое существованѣ (Exiſtenz) добія, то є опетъ одъ свію емпірически опредѣленія чувственности независимо, и остає оно исто, и кадъ се приватно разположеніе (Privatbeſchaffenheit) субіекта меня. Лепо дакле има управъ оно съ добрымъ обще, у чему одъ пріятноѓъ одступа, и управъ онде се одъ доброѓъ удалява гди се пріятномъ приближує.

Подъ добрымъ разумева се оно, гди разумъ неку сходность са своимъ теоретіческимъ или практіческимъ законима налази. Но може онай истый предметъ съ теоретіческимъ разумомъ совршено соглашавати се, а опетъ практіческомъ у найвышемъ степену противуслованъ быти. Мы можемо цѣль каковоѓъ предпріятія не одобрити, а опетъ се цѣлосходности у таковомъ дивити. Мы можемо уживаня презирати, коя похотльиваџъ за цѣль свога живота полаже, а опетъ вештини у избору средства и сослѣдство (Konſequenz) нѣговы основоположенія похвальивати. Добро є, што намъ се само своіомъ формомъ допада, и совршено є и безъ усло-

вія добро, ако є нѣгова форма купно и нѣгово содржаніе. И добро є предметъ чувствованя но не непосредственогъ, као пріятно, и не смешаногъ, као лепо Оно не-раћа пожеланіе, као прво, нит' наклоность као друго. Чисто представленіе доброгъ може само уваженіе улити.

По опредѣленію разлике измеђь пріятногъ, доброгъ и лепогъ, ясно се види, да предметъ какавъ гнусанъ, несовршенъ, шта више и нравственно одбацителанъ (verwerflich,) а опетъ пріятанъ быти, опетъ чувствама допасти се може; да предметъ какавъ чувства побунити а опетъ добаръ быти, опетъ разуму допасти се може; да предметъ какавъ по своме внутренѣме существу нравственно чувство побунити, а опетъ у сматраню допасти се, опетъ лепъ быти може. Узрокъ є тай, што є при свимъ овымъ разнымъ представленіяма друго могућство духа и на другій начинъ интересирато.

Но овымъ классіфікація естетическій наименованія іоштъ ніе довршена; еръ има онакови предмета, кои су купно гнусни, чувствама противни и страшни, разумъ незадоволяваюћи и у нравственноме уваженію равнодушни, а опетъ се допадаю, и у тако великомъ степену допадаю, да мы радо увеселенія чувства и разума жертвуємо, за придобити уживанѣ такозы.

Ништ' ніе дражестніе у природи одъ лепе вечернѣ румени. Богата разновидность (Mannigfaltigkeit) и благо начертаніе образа, безгранично меняюћа се светлоть, лакій флоръ, кои дальне предмете облачи, све взаймно содѣйствує к' уве-

селенію наши чувства. Тихій шумъ водопада, узкликъ славуя, пріятна свирка нек' к' тому дође, за умножити наше увеселеніе. Мы смо стопљени у сладкомъ осећаню мира, и докъ се наша чувства согласіемъ боя, образа и тонова на найпріятніи начинъ побуђую, увеселява се духъ ла'кимъ и живостнымъ идеама, а ср'це рѣкомъ чувства.

Но єданпутъ се подигне буря, коя сво небо и савъ предѣлъ помрачи, коя све проче тонове надвыси или ій безгласне учини, и сва намъ она увеселенія на єданпутъ о'тргне. Црни облацы навуку 'орізонтъ, онесвес'ћаваюћи грома ударцы падаю, муня за муньомъ слѣдує и нашъ се видъ као и нашъ слухъ на найпротивніи начинъ побуди. Муня сѣва, само за ясніе показати нам' стра'оту ноћи; мы видимо, како громъ удара, шта выше и страшити се станемо, да неће и насъ погодити. Ничимъ манѣ, верова'ћемо, да смо при промени пре добили него изгубили, изузимаюћи оне особе, конма стра' сву слободу разсужденія преотме. Страшно ово позориште, кое наша чувства узбія, с' єдне стране сиомъ насъ привлачи, и бавимо се кодъ нѣга с' некимъ чувствомъ, кое истина праву сласть назвати не можемо, но често сласти предпоставлямо. Но позориште с ово природе пре пагубно него добро (баръ ни найманѣ не'мамо нужде на полезность какве непогоде мыслити, да бы нам' се ово природе появленіе допало), пре є гнусно него лепо, єръ мрачность као плѣнъ свію представленія, коя светлость раћа, не може се никад' допасти, и внезапно громомъ узколебаный — као и внезапно муньомъ осветлѣный

— воздухъ, противелове нуждном' условію сваке лепоте, коя ништа прекидно (Abruptes), ништа насилно не сноси. Далѣ є ово природе појављеніе самымъ чувствама пре теготно него пріятно, будуѣи се нерви вида и слуха внезапномъ променомъ мрака и светлости, риканѣмъ грома и тишине страшно напрежу и после опетъ тако насилно малакшу. И преко свію овы узрока негодованя, непогода є за оногъ, кои є се не страши, привлекателно појављеніе.

Ђорђе Малетићь.

III.

ПРОИЗВОДИ ОРИГИНАЛНИ У СТИХОВИ.

1

СЕРБ-СТАРЕЖЬ.

(*Басъ*)

Тко прадѣде, тко и дѣде наше,
Тко л' очеве, а тко ли стрычеве,
Сѣде баке, и млађахне секе,
Ситну децу како и ягнядцу,
Тко л' све труде, и сва Сербска добра,
Све-аждерски досле прождираше,
Тражећ' затрт' рода и сѣнъ бодра ? ! . . . ?
Духъ неправде, духъ све-порочности,
Духъ лукавства, та свег' невалялства,
Духъ пакости, мрака и варварства,
Врагъ людскоће, душманъ правичности!
Онъ се зато самъ у адъ стропашта,
Садъ за кривде вѣку с' вѣкъ отмашта.

Да! ко' свагда, те докъ трае Србства,
Іошъ докъ игде Славенског' є людства,
Свемогућій!! Серба чезнѣ слушай,
Твою любавь и вѣру нам' внушай,
Дас' надежде развію єдрила,
Къ цѣльи твоіой коя бы летила;
Сви Славяни на лице падамо,
Неба тройство топрвь умолямо:
„Та у срце нам' водворай Русса,
Спаса людству, што незнава труса!—!
Уздиж' орле свог' и нашег' Цара
Николая, свевышнѣга дара!!!
Шир'се барякъ Слав-русса Сербіомъ,
Душманъ тога мучіос' т'рпіомъ. . . !
Ура и теб', Герасим' Вашченку,
Ка'нот' правомъ среће нам' свѣченку! . . . ! !
Серба пѣсна вѣчносе чуяла,
У свим' уш'ма безкрайно зуяла,
Ко' на овомъ на торжеству сваком',
Ко' у Славском' так' у кругу райскомъ —.

СЕРБ-МЛАДЕЖЬ

(теноръ.)

Слога, любавь, радость и веселѣ,
Заузимлю свак-свое прочелѣ,

У нашима раздраганным' срцам',
И на нашим' румен'-ягодицам'.
Бой мы да смо сад' косовскій билли,
Пакъ побѣду да смо ту однели,
Небыс' више могли усхићати,
Нити слађе нег' сад' пропѣвати:
„Млога лѣта, и безъ края срећа;
Дійка людства, ка' и кита цвећа,
Буд' и бывай орлу и баряку,
Непобѣдном' Славяну Руссаку,
Све онъ своє да упућа свуда,
Дас' неблуди одселе штокуда. . . !
Аминь Боже, свесе съ тобомъ може.

СВИ СЕРБИ.

(свакъсвоимъ гласомъ)

Што ї' бывало, то се учиняло,
Тек'се памти, што се прозлопати.
Серб-старежь доба
Негдашнѣ споминѣ,
Слава да се обнавля.

Што є право, и Богу є драго,
Слово здраво, тек' є цигло благо.
Серб-младежь нигда
Мудру непориче,
Бѣдства духомъ отстраша.

Камъ и каменъ саставляю стѣну,
Капь и капца производе пѣну. . . !
Орлу Сверусском'
И Цару Свеславском'
Свѣтъ се савъ умилява.

(На гласъ: „Сини ярко одъ востока сунце," ово є омѣрено пѣвати. Одъ мен' оволико, а одъ Бога свеколико!)

У Београду 10 Септемвр: 1839.

Сим. Милут. Сарайлія.

2,

СРБСКОМЪ РОДУ

(*Септемврія* 30. 1838)

Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.

Державинъ.

— ◡ — ◡ — ◡ —
◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡

Срби хвале Србскій родъ.
Да! жарка любовь умъ и срдце диже!
Мио Србу Србинъ єсть.
Найдубля рана братскомъ рукомъ дана;
Одъ своєъ пера орлу вредъ.
Невређат' нигда срдце рода мила,
Дужность свакомъ света єсть.

Ал' правде свѣтлость хвали сяйность дае!
Уманъ, нравань, хвалапъ єсть.
Где правде нема, ругу раѣа хвала;
Єръ што ниє, зове с' честь.
Кой небу диже безчестнога име,
Тай па честность баца срамъ.
Где скотство, подлость, празность прима хвалу,
Ту намъ ладни лѣпа грудь.
Одъ плодне гране иде воѣки цѣна,
Башъ да празна држи высъ.
Высоко нити сяє достоинство,
Нит' по себи великъ чинъ;
Съ высока веѣма с' види гнусный порокъ,
Примѣръ горій прима родъ;
Нит' могу свѣтлит' златомъ ткане груди,
Коє каля подла страсть.
Войника вѣрность, храбрость чини славна,
А не внѣшныій бойный видъ.
Где вѣра, мудрость блиста, учеѣ' народъ,
Ту се свѣтли сяйна грудь.
Умъ снажанъ, чисто срдце, воля къ добру
Сладакъ носе роду плодъ,
И врстной глави вѣнацъ славе плету,
Да се краси поздный вѣкъ.
Отровне дакле и своmъ брату стрѣле,
Ако люби подлость злу? —
О! Спуштай руку, стрѣлу! Съ тугомъ срдца
Топла сузо жертва буд'!

Устегнувъ хулу, штеди врстномъ хвалу,
Да познаду предѣлъ свой.
Ах! Добру правомъ Србльи вѣнце дайте,
Да намъ буде сиянъ родъ:
У крылу правде раћа славу хвала.

М. Светићъ.

3.

СТРАДАНІЄ СРБСКО

ГОДИНЕ 1813.

Одъ Босне се Турска войска силна люта диже,
Сабля сѣва, пушка пуца, чета чету стиже,
А Дрина се плачемъ гуши, Мачва тежко дише;
Ядаръ са ньомъ и Поцерье и Шабацъ уздише.
Облакъ се віє,
Сунце се крыє
Сербіи.

Съ Делиграда, Неготина, и Кладова тутньи,
А Морава предає се горке судбе слутньи;
Већ и Петки являю се силна грома гласи,
Београду удараю грозна рока часи.
Сузе ах! ліє,
И прси біє
Сербія.

Србъ Србина довикує, къ обрани позива,
Диже гласе до небеса, и Бога призива;
Руса виче и нариче, синьій пуца каменъ,
Али Москве више не'ма, сву прогута пламенъ.
Помоћи ние,
Жалость ах! піе
Сербія.

Боланъ Ђорђе у Тополи у постельи лежи,
Десна рука клонула му, Турчинъ већма с' ежи.
Већ погибе храбрый Велько, десно паде крыло,
Устава се провалила, буря продре силно.
Якъ се чує,
Врагъ ланце куе
Сербіи.

Залудъ Вила са планина билѣмъ Ђорђа диже,
Притиснута кадь Сербія веће слабо дише;
Нит' се грудма уставляю громовни ударци:
Ђорђе броди преко Саве, и деца и старци.
Главе кадь ние,
Ни срдца ние
Сербіи.

Оставлѣна скорбна майка неутѣшна гледи,
Прекосавскимъ царскимъ Србма плачевно беседи:
Примите ми у загрлѣ мою дѣцу драгу,
Лѣбомъ, виномъ и любавю дижите имъ снагу.
Братъ вамъ се віе,
Некъ срдце біе
Србину.

Ах! Хоће ли Божье око Срба озарити,
Хоће ли се кадгодь сунце опет' намъ родити,
Любвомъ, слогомъ и юначствомъ крстъ и образъ бѣлит',
И крозъ силне ове муке вѣчномъ славомъ свѣтлит'?
Где срдце біе,
Ту с' свѣтлость віе
Сербіи.

М. Светићь,

4.

МОМАКЪ И ДРАГА.

Сунце сія, вѣтрић дува,
Листакъ листку шапуће;
Птицу птице гласъ дозива,
Пчела цвѣтке облеће;

Потокъ быстрый струйно тече
Исподъ бѣле тополе;
А ту стои младо момче
Са дѣвойкомъ оздоле.

Гледећ' воду са обале
Виде у ньой лица жаръ;
Ньимъ се рѣчи момку дале,
Сладка чувства редкій даръ:

Ой дѣвойко, душо драга!
Буди мени вѣрена;
Нетреба намъ свѣтска блага,
Кадъ є любовь ватрена.

Рибици є вода мила,
А пчелици ясный зракъ,
Траву крѣпи росе сила,
Сунце диже зеленъ злакъ.

Пчела сладость цвѣта сиса,
Радує се медомъ рой;
Цвѣту цѣна са мириса,
Кой зачиня красный строй.

А животъ се любвомъ слади,
Милымъ окомъ подиже,
Вѣрностю се срдце млади,
Жаръ радости поджиже.

Видишь потокъ где одтиче,
У нѣм' яркій образъ твой!
Вода тече и протиче,
Ликъ остає єднакъ твой.

Тако време некъ протиче,
Любовь, вѣрность остаю,
И за гробомъ некъ насъ диче,
У вѣчности вѣнчаю.

М. Светићь.

5.

САБЉИ БЕЗСМРТНОГА ВОЖДА (КНЯЗА) КАРА-ЂОРЂИЯ,

КОЮ САМЬ КУПІО У БЕЧУ 1. ЮНІЯ 1837 ГОДИНЕ.

Оружѣ свештено, вѣнчано са славомъ!
Съ каквіемъ восторгомъ тебе данасъ вињу,
Каква ли ми чувства душу потресую —
Плачући те славимъ, съ уздисанѣмъ гледамъ
Кадъ ми на умъ дођу твоя дѣла страшна;
Кадъ си у рукама вожда и витеза
Крозъ полкове густе Тирана люцкога
Сіевала страшно, и крвлю се мила —
Подижући Србство, круну му иштући.
Ты си властовала на равнинамъ бойнимъ;
Предъ тобомъ є Стамболъ бичъ народахъ дрхта';
Одъ твоєга звека и моћна удара
Тресласе є луна премрска планета;
Ты светиньо наша одъ Србскогъ тріумфа
Вѣчно ћешъ ми быти знакомъ спомињања
Великіехъ дѣлахъ Отца отечества;
Я ћу тебе хранит' како киту прву
Одъ невехлог' вѣнца рода избавника.

Петаръ Петровићь Нѣгошъ
Владика Црногорскій.

6.

ОДА

НА СМРТЬ

СЛАВНОГА И МНОГОЗАСЛУЖНОГА

СРБИНА

ДИМИТРІЯ ДАВИДОВИЋА,

КОИ Є ОДЪ СВОГЪ РОЂЕНЯ 50^те^, А ОДЪ ХРІСТОВА 1838^ме^ ГОДИНЕ 24^гъ^ МАРТА ВРЕМЕНОСТЬ СЪ ВѢЧНОСТІЮ ПРОМѢНУО,

КРОЗЪ САВЪ СВОЙ ЖИВОТЪ ЛЮБОВЮ
КЪ СРБСТВУ ПЛАМТИВШИ.

(СПѢВАНА ТАКИ ПО НѢГОВОЙ СМРТИ.)

— — — — —; мудро умри:
Ко ће те оплакат', не бринис', срећный!

Мушицкій. Од. 32. строф. 13.

Да грдны рана' Србство што допада
Одъ люты Парка' данашнѣгь времена!
На едну завой якомъ веже,
Изъ друге жалостно већ му лопти

Крвь. Црна руба іошть намъ се съ врата ни
Не скида, Ступъ што Вѣре намъ свали се;
Ронепѣмъ суза' скорбь іошть съ лица
Ядни нит' сапрасмо, што намъ Луру

Украде Меркуръ свештену, однесе
Подъ црну землю, даде є Плутону;
А брже болѣ каменъ туге
Паде намъ на срдце, што намъ Кронусъ

Замашномъ, оштромъ сѣкиромъ обори
Предивный кедаръ, кои є зеленый
Ліванъ намъ Србске народности
Красіо! То намъ є (туго Србска!)

Нашъ Давідовиѣь милый Димитріе.
Чуй, роде! Съ ньиме преби се дрво намъ,
Съ кога'смо сладке брали плоде, *)
Питали, сладили душу, срдце.

*) Нѣгови књижевни послови, а особито Забавници.

Нашъ Србскій народъ подобанъ круни є;
Каменѣ драго той су намъ мужеви
Пресяйна ума; съ ньима мы се
Свѣтлимо. Леле си нама! Єданъ

Каменъ намъ драгій съ нѣ се Димитріє
Окруни, оде земльи у утробу;
Таки намъ ближе мрзка тама!
Разби се, народе, грудь намъ Србска!

Изъ коє писмо пресладкій любови
Нектаръ! Ах, руке следнипе с', Србине,
Коє су свагда неуморно
Братски те грлиле! Срдце преста

Онако куцат', ког' у дубини є
Єднако престолъ среће и напредка
Србскога рода необоримъ
Стояо, Грађаность Србска съ ньиме

Ковача свога ревностна изгуби;
О Прекосавци! браћо намъ любезна,
То вы намъ знате. Блага душо!
Славный Димитріє! време нашег'

Живота рокъ є кратакъ нашъ, ра'станакъ
Са Србствомъ твой да плачемъ претужимо;
Край Србског' рода нек' и суза'
За тобомъ каже нам' конацъ! Грѣшанъ,

Куд' одо'? — Добротѣтельи Мужу намъ
Могућна л' б'яше награду достойну
Поднети земля? — Не, никако!
Него га одзва намъ, да му Оно

Наплати труде праведно... около
Милог' му рода свойски полагане!
О Храбрый душе! прости Земльи;
Пуна є трня, па лако и ты

У нози кои, да си намъ однео!
Сад' небо тымъ є већма ти свѣтліе.
Опрости свѣту шарепоме...
Тамо су прости намъ Срби: Ранѣ,

Терлаиѣ, Лука, съ ньима Досіѳей и
Кенгелац, Магарашевиѣь, многи іошъ
И други чисти дуси; съ ньима
Буди ти пріятна вѣчность райска!

7.

ОДА

ВЫСОКОУЧЕНОМЕ ГОСПОДИНУ

ІОВАНУ СТЕИЋУ,

ДОКТОРУ МЕДІЦІНЕ

И НАШИ' ДАНА'

СЛАВНОМ' СРБСКОМ' СПИСАТЕЛЮ.

„Ἐγὼ μέν δή, κατανῶν τὸν ανδρα, — — οὔτε ηὴ μεμνῆσθαι δύνωμαι ἀυτοῦ, ουτε μεμνημένος, μή οὐκ ἐωαινεῖν.“ Ξενοφ. Ἀπολογ. Σωκρ.

„Я Богъ ме, познаваюћи мужа, — — нит' могу, несећати га се, нит' сећаюћи га се нефалити га.“ — Ксеноф. Правд. Сокр.

Већ, Мусо, браћа Србска намъ чате, што
Узъ гусле, варвітъ сличисмо; сама намъ
Одъ себе лура стаде данасъ
Гласкат' о стени висећи; песма

На ньойзи, погле', седи и жица' се
Додева нѣны; сладка є души намъ
И срдцу; браћи каж'мо и ту:
Родъ намъ є вайстину светый храме;

У нѣму ко намъ светиню Народность
Пашти се сяйным' пояти дѣлима,
Тог' Она дари златнымъ даромъ
„Вечитымъ именомъ.„ Стеић' важный!

И ты на лицу зору текъ мужства намъ
Поневши, нуђенъ любовю къ свойштини,
Дошо си храмъ у светый Србскій,
Народность почео славно славит'.

Да! Иппократъ те любнуо у теме,
За мила сына свога те признао;
Слушашъ му саветъ: „Ползуй, или
„Не шкоди*);“ животъ є ближнѣг' светъ ти;

Имућни грле, любе те поштую —
Немалци благосилянѣмъ т' уздижу —
Они су сви у твоме срдцу,
Ты си у душама свима ньима!

Безсмртны' любовь прва є смртныма
На земльи мета; блаженъ є свакій братъ,
Коме є срећа дала ноге
Лагане, къ ньойзи да доспе! Срећанъ

*) Свима лекарима био є одъ Иппократа найозбильнији саветъ: ὠφελέειν, ἢ μὴ βλάπτειν.

И ты си, драгій Іоване; ключе ти
Мудринка даде златног' одъ врта іой;
Прекраснымъ венцемъ китишъ главу;
Жаркость ти смагнути неће нѣга

На тврђи неба никаквог' сунца, нит'
Временка оштри зуби обрстит' га,
Нит' злобни ветри... нѣговъ сплетъ ти
Раскинут'! — Велико бреме цвећа

У крилу носишъ, често га разсипашъ
По храму Србском'; чисте га душице
Мирише радо; съ благословомъ
Светиня Народность гледа на те! —

Ко носъ заптивенъ завишћу има, па
Одъ цвећа твога воня' не осећа;
Ко травке т' неке — съ цвећемъ нуждно....
Скуплѣне — штиромъ назива, свету

Тай не разуме природе наредбу,
Да красна воћка не може плода безъ
Декога кварна с' нађи! вода
Нек' е найбистрия, зрно песка

У ньойзи опетъ попиешъ! Желянъ е
И попацъ росе чисте се насисат'! —
О милый брате! Србскій Даворъ
Перомъ ти управля; зборъ е слушат'

Твой слађе, нег' 'Vметтскій медъ лизати.
И одсад' умъ ти чеда нек' злаћана
Србинству раћа; Народность ће
Грлит' ій, любити, дугій водит'

Крозъ векъ іи; свакій реће имъ: „Врстнога
„Ово су Отца врсни намъ Сыновп;
„Родбини дика єсу они,
„Поносъ а своєму родителю!“—

В. Радишићъ.

Прим. За любовь ономе, кои є спевао, и честь ономе, коме є спевана, препечатана є, негде мало одъ истога Спевателя исправлћна, ова Ода у нашой Голубици изъ Србске Новине одъ 1838. год. коя є у Пешти излазила.

Г. В.

8.

РУГАЧУ ПОЕСІЄ.

(20. *Септемврія* 1839.)

О главо, коя слабачка мозга си,
Што і' слана нћга т' олости попала,
Те Муса' блага роса нань'га
Никада не пада, нит' га крепи;

И коя често каломъ са єзыка т'
Упрлят' гледашъ светло Поесіе
И чисто лице, нит' Іой знадешъ
Важности мериломъ казат', нити

Поклонъ Іой светлом' образу о'дати,
Чуй! Видимъ сушта петла те у басни,
Где драгій каменъ газишъ глупо,
Зрно кукуруза само клюцашъ! —

В. Радишићъ.

9.

ВЕСНА МАЙКА, РУЖА ЋЕРКА.

(12. *Октомврія* 1839.)

Фебъ са Весномъ им'о браке,
Топле на ню лио зраке,
Када дође месецъ Май
Оде весна у густъ гай;

Леже трудна, да с' одмара,
Скочи кћи іой изъ недара'
Мила Ружа, красанъ цветъ,
Обрадова с' белый светъ.

Фебъ погрузи с' у милину
Надъ Олѵмпомъ ясно сину;
Бози узрокъ знадоше
Кћерь честитат' стадоше.

Надбогъ трену, Ермесъ прену,
Крила крену, съ неба сену,
Слети там' у онай край,
Где є Весна, Ружа, гай.

Туна весна сладко спава,
Снобогъ седи, санъ іой дава,
Ермесъ Ружи тепао,
Па є младу счепао.

Кад' на Олѵмпъ съ ньомъ се попе,
Одъ милине Бози с' топе;
Феба ублажаваю,
Ћерки даре даваю.

Зевсу рулу дала Ружа,
Онъ іой лепа дара пружа:
Царску диву злаћану
Теоцу іой сваћану.

Мудрица на лаком' вилу
Имала є разну свилу,
Кошу лепу сашила,
Око' Руже смашила.

Певка съ кѣер'ма Милицама
'Вела доду у свог' храма
Там' є крстомъ светнули,
Име на ню метнули.

Бози ини сви се стєкли,
Небу капат' мvромъ рекли;
Мvръ у Ружи остаде,
Драга сваком' — постаде.

Опетъ Ермесъ съ неба летну,
Снесе дѣву дар'ма сретну,
Майку Весну будио,
'Вако ньойзи судио:

Цела наравь, свако време
Весни кланяй свое теме! —
Свако билѣ, свакій цветъ
Ружи славу мора нет'! —

В. Радишићъ.

10.

СРЕЋА.

(26. *Септем.* 1839.)

Наши' дѣда' тужни гласи,
Неподносеħ' дугу болю . . .
Уз'ли на се тврду волю,
На воздушны' на таласы'
Къ небу вѣке бродили,
Предъ Бога из'одили,
Челомъ били,
Сузе лили:
Насъ и родъ нашъ, Господе!
Избави одъ незгоде!!

Богъ са стола окомъ трену';
Анђели се убрзали,
Кћерь Му Весну нагиздали
У десницу златну нѣну
Златну кньигу метнули,
На сѣвера — летнули,
Дигли двери
Бож'іой кћери —
Слава теби, Господе!
Прође време незгоде!!

Съ неба с' сяйна стаза дала,
Туда слѣгла златна Весна,
Анђела' в свела пѣсна,
Насред' Србскогъ двора стала

Српске сынке зивала,
Кньигу имъ даривала,
Како златну,
Тако знатну. —
Слава теби, Господе!
Проће време незгоде!!

Кад' се кньига разгибнула,
Изъ нѣ Господъ проговара:
„Срб'ма далѣ не буд' квара!
„Српска с' дѣца подигнула!
„Доста су се патила,
„У дому имъ цватила
„Свака згода
„И слобода!“
Слава теби, Господе!
Проће време незгоде!!

А и Весна рѣчцу рече:
„Српска браћо! любовь, слога,
„Два нек' су вамъ крѣпка рога,*)
„Да слобода не утече —
„Земля ће вамъ родити,
„Благословъ васъ плодити,
„Све вамъ већа
„Бы'ће срећа!“
Слава теби, Господе!
Дође време слободе!!

В. Радишићъ.

*) Снага, обрана.

11.

ЯКШИЋЕВА ПАВА.

Кадъ се диже Кралѣв' Драгутине
(На роѣена мила родителя;
На Уроша великога Краля
Неманића петогъ Господара)
Кадъ се диже силомъ и оруж'ємъ,
И кадъ проли силну Србску крвцу
И освои землю и градове,
Па изтура стара родителя
Изъ Призрена престолнога града,
А онъ стаде земльомъ управляти,
И млаѣанъ се круномъ поносити
И дичити са престоломъ Србскимъ,
Са престолом деда Неманьића;
Єдно ютро, а пре бѣла данка
Іоштъ са лицемъ звѣзде преоднице
Поранила Якшићева Пава,
Єдиница великогъ Сердара.
Поранила изъ Призрена града,
Поитила на полѣ крваво,
Гди є текла єдновѣрна крвца
Бранећ' права Владѣтеля стара,
Бранећ' правду гонећи неправду.
Брзо єзди Якшићева Пава
К'о на крили вѣтра брзолетна,

1 144 144

Лети тужна бойномъ полю крвномъ,
Гди се Србльи клаше међу собомъ.
А кадъ стиже на разбой крвавый,
И опази по разбою гроблѣ,
Туга срдце надвладала бѣдно.
Туга іой є прса освоила,
Одузела силе дична тѣла,
Повратила ноге брзоодне,
Да не могу далѣ корачати.
Кадъ се виђе Пава у невольи,
Она пада на зелену траву,
Она пада немоћи у руке.
Пава паде на зелену траву,
Пава паде а юнакъ допаде,
Што у стопце за њомъ корачаше.
„Ой дѣвойко, румена ружице!
Коя ти є голема невоља?
Шта те тера а пре ярка сунца,
Шта те тера по разбою младу?“
Слабимъ гласомъ па и дрктаюћимъ
Проговара Якшићева Пава:
„Прођи ме се незнаный юначе,
Пусти мене кукавицу синю,
Да се душомъ я растанемъ сама;
Знай юначе, незнала те туга,
Овде лежи сва доброта моя,
Кадъ є не мамъ на бѣломе свѣту,
Да и мене кукаюће не ма.“
То юнаку срдце задрктало,

То юнака ужаснуло посве,
Па онъ далѣ сажалећи, пыта:
„Ой Бога ти дѣвойчице лѣпа,
Кога жалишъ по разбою млада?
Или брата, или побратима,
Или сама мила родителя?“
Онда Пава кукати зачела:
„Я самь єдна сирота дѣвойка
И безъ брата и безъ побратима,
Родителя я имадо само,
Родителя на гласу юнака,
Кои пође неправди на сусретъ,
Пође бранит' владѣтеля стара,
Ал' не може сили одолѣти.
Овде видјшъ незнаный юначе,
Гди се клаше и сѣкоше Србльи,
Овде паде Якшићъ одъ Чечана
Моє благо милій родителю.
Овде лежи силный Србчићъ снажный
А покошенъ Драгутина снагомъ.
Онъ уцвѣли силну србску майку,
Онъ уцвѣли силну србску ћерку.
Сузе рони, многа сиротиня,
Сузе рони, проклинѣ и пишти:
Богъ убио Драгутина Краля,
Што завади землю и юнаке,
Те наружи ову землю црну,
И подави Србске витезове,
Па почини силне сиротице.“

То згрозило незнана юнака,
Намрштило чело и образе,
Натерало сузе одъ очію.
Сузе рони юнакъ одъ очію,
Сузе рони, тіо одговара:
„Не куни ме Іакшићева Паво,
А тако ти Бога милостивна.
Самый погледъ овог' поля крвногъ,
Па судія овай у прсима,
Што ми мучи и срдце и душу,
Што ме гони по разбою снлно,
Доста мени яда причинява,
Немой и ты іоштъ мени дѣвойко
Пробадати прса очаяна.
Я самь главомъ Драгутине Кралю,
Кои овде на мѣсту крвавомъ
Олакшаня моме срдцу тражимъ: —
Ово срдце, створителю! знадешъ,
Да є чисто и невинно было,
Ал' ме она пакленна створеня
Доведоше до ове пропасти.
Породице пакла и отрова,
А у лику претвореннa людскомъ,
Кое Демонъ мени дотераше
На услугу и послугу сваку,
Да ме вежу ньиним пріятельствамъ,
И адовимъ услугама свакимъ;
Разорише у срдцу ми мира,
Заслепише добре очи мое,

Замутише бистрину у глави,
Запалише мою желю пусту,
Обећанѣ родителя мога,
Обећанѣ видит' испунѣно.
Ха пакостна ты судбино людска!
Зашт' си мене осудила горко? —
Зашт' ме ниси у колеби простой
На пакостну произвела землю? —
Зашт' ме ниси срећнимъ кодъ оваца
Одъ постаня учин'ла пастиромъ?
Или простимъ при плугу ратаромъ,
Коима су сва свѣтила свѣтска
Туђа, тавна, са свим непозната?
Зашт' ми даде име Кралѣвића,
И кралѣвимъ ты м' учини сыномъ?
Па кадъ с' и то учинила судбо,
Зашт' побуни краля отца мога,
Да м' обећа круну за живота?
Нека б' сотимъ задовольна была,
Зашт' узбуни ты у мени желю
Обећанѣ видит' испунѣно;
Видишъ судбо, туго моя горка,
Шта с' одъ мене учинила бѣдна;
Довела ме до ушћа пропасти,
Па ме онда оставила самца,
Ни пута ми нешће да покажешъ,
Коимъ бы ми путовати было!
Два ми пута предъ очима беше,
Али єданъ горій одъ другога:

Или отца стара и неяка
Са крвавимъ да побѣдимъ мачемъ,
И невольна да принудимъ бѣдно
Да ми круну преда за живота;
Ил' укоре одъ свѣта да трпимъ,
Да є круна за мене юнака,
Давно б' ми є отацъ уступіо.
То ми срамно и несносно беше,
А греота уцвѣлити старца,
Я не знадо увидити онда.
Ка' што буря на ширини морской
Са дна песакъ са водомъ замути,
Тако су ми тіи ђаволски люди
Сва у мени узмутили чувтва.
Кано таласъ ону воду бистру,
Али ветромъ узмуђену бурнимъ,
Вуче тужну за орканомъ бѣснимъ,
Тако слуге мене Демонове
Повукоше по ньіовой ћуди,
А я гледа ка' безъ ума стварка,
Кудъ ћу доспет' тимъ бѣснилам' ньи'вимъ
Не имадо моћи ни помоћи,
Да с' отресемъ тій адовы' людій,
Да с' избавимъ оркановы' крила. —
Кадъ видише то адови люди,
Узбунише землю на све стране,
Подигоше конѣ и юнаке,
Сакупише многу силу бойну,
Ударише на мог' родителя,

Починише овде дѣла крвна:
Изсѣкоше силне витезове
И обрану мога отца стара.
Преко овогъ потока крвавогъ
Бѣсно итећ' прећоше крвницы,
И одоше ко престолномъ граду,
Придобише круну владѣтельства,
На мою є главу наметоше,
На Србскій ме престолъ подигоше.
А мог' отца бѣдна и невольна
Приораше у туги умрети. —
Садъ се нађо увр' дичне цѣли,
У вр' сяйны' свѣтски' слѣпотиня,
У вр' славе и блистаня дична;
Али у вр' камените стѣне,
Ка' осуђенъ стоя безъ памети;
Кудъ годь очи сузне мое бацимъ,
Одъ свуда ми пропасть одговара,
Пропасть ядна као бездна морска,
Кадъ с' погледимъ свуда наоколо,
Я самъ незнамъ гди самь и шта ли самь. —
То є конацъ мога намереня?
То є конацъ опы' лѣпы мыслій!
Окешъ брзо срећу да залюляшъ? —
Крунна србска, досадъ сяйна беше,
Ал' у мое одъ кадъ приспе руке,
Само крвлю мени свагда сяе. —
Ово бледо у жалости лице,
Ове кости безъ юначке снаге,

То су мени свѣтила донела.
Не мамъ мира више у прсима,
Нит' тишине у сѣдалу ума,
Нит' покоя у саставу тѣла,
Нит' пристойно теченіе крви,
Нит' чувствила красна чувствованя.
Све є прошло, све ме оставило,
Сво єстество а и сва створеня
Своя бывша пресвукла одѣла,
Промѣнула у противна тавна.
Гди си свѣте, о мой чудный свѣте? —
Гди си свѣте, о мой добрый свѣте?
Гди си свѣте, о живота благо?
Гди с' промѣну сва доброта твоя?
Гди є место, кое те сакрива,
Да се на часъ оправимъ само? —
Красна стара Божіега свѣта,
А я юнакъ да га не уживамъ? —
С' Богомъ свѣте, старый добрый свѣте! —
Садъ ме совѣсть поче мучит' люто,
Истера ме изъ дворова свѣтлы'
И престола деда Неманьића,
Па ме гони по бѣломе свѣту,
И дотера овомъ мѣсту крвномъ,
Да одъ свію овде погинувши'
Са сузама просимъ опроштеня,
Опроштеня дѣла суровога. —
Несмемъ тамо ни гледати бѣданъ,
Да не спазимъ образъ отца мога.

Мила сѣни родителя мога!
Ты озари мою црну душу,
Ево мене недостойна сына
Предъ образомъ судилишта права.
Суди мене ты судіо правый
По заслуги дѣла мои крвны'.—
Я самь тебе отче увредіо! —
Твоя клетва всѣъ ме постигнула! —
Прости отче! прости мене сужна,
И простите вы сынови србски,
Што сте пали на мѣсту крвничкомъ,
Мене ради животъ жертвовали.
Прости земльо! окаляна крвлю,
А невинны' све србски' сынова.
Прости ћерко Іакшића юнака,
Я самь крвникъ твог' отца убица!
Ил' ми прости, ил' ми се освети,
Ево сяйна мача одъ бедрина,
Самоволянъ даємъ ти у руке,
Ево прса сужна и кукавна,
Боди, парай, примири ме само!"

Кадъ то чула Якшићева Пава,
Она скочи на ноге лагане,
Па радостнимъ одговара гласомъ:
„На што мени твоя сабля крвна?
Да изтурамъ изъ тогъ грешна тѣла
Твою црну и проклету душу?
Ние нужде несрећный крвниче;
То бы могла, кадъ бы тела само.

Кудъ ће мени већа утѣшеня,
Него тебе земальска крвника,
Кога небо већъ презире само,
У крайноме видитъ очаяню.
Но чу ли ме недоумный Кралю!
Што си крађомъ круну придобіо,
И убиствомъ земльомъ овладао;
За Уроша петогъ Господара
Готовъ быя мой отацъ умрети.
Болѣ Якшићъ и умрети знаде
Негъ Драгутинъ земльомъ управляти.
Я самъ ћерца Якшића Сердара,
Я нетражимъ осветe крвничке,
Ту предаемъ праведноме судцу
И совѣсти твое црне душе.
А я овде на разбою крвномъ
Теби тужномъ на земльи створеню
И тражећемъ покоя на свѣту
Радо праштамъ, на вѣки опраштамъ!“

Ово рече Якшићева Пава,
Ово рече па окрену леђа,
Оде право своме бѣломъ двору,
Оста кралю онде кукаюћи.

Ас. Николићъ.
Інж. и Проф.

12.

Радованѣ
Самртнима
Све и свакад' рано є;
Та плаканѣ
Тим' истима
Одъ искона дано є. —

Ой Дунаве, тія водо хладна!
Одрецисе свог' имена складна,
Одрецисе вѣк' за тебе ніе,
Што є было и одъ вѣка пріе;
Самъ благословъ свим' си странам' ліо,
Кудагодъ си ты доселе пліо,
У зеленъ си горе огртао,
А у жито равны обртао;
Све лађаре како и рыбаре,
Съ влагомъ воде што се дружит' мгре,
Забавльо' си, но и богатіо,
А никоме злобомъ теготіо,
Пакъ и рашта уцвіели Сербство,
Твоє давно и свесрдно людство?!...?
Угради му, те прождріє сына,
Каквог' майка родила єдина:
Ахъ Игняте сваког' Серба брате!
Тек' штос' яви безсмертіє за те,
Да свим' ползам' и свим' честитост'ма

Сербском' роду, како и врлост'ма
Живъ уздижешъ паметникъ духовный,
Што га нейм'о ни Олимпъ верховный;
Ал' Дунава слапъ те' страшногласный
Себи за цвѣтъ ускиде прекрасный,
Да му дичишъ вѣчито калпака,
Ка' и крило ріедког' юнака...
Охъ жалости за толикомъ дійкомъ!
Да ненадна случая приликомъ!!
Ахъ Игняте свим' Сербима брате!!!

Она оба Богъ проживде гроба,
Међу Сербе врати нам' ій съ неба;
Отацъ Живко и Маріо майко!...?
Нам' и свѣту Игня даровавши,
Пакъ му славу іошъ недочекавши,
Све близанце такве нараћайте,
Сваком' Сербу себе суобшћайте,
Дас' умножа сѣме човечнога,
Дас' одржа' и лучъ обзрачнога;
У сам'ртству, та у нашем' Сербству,
Ваше нека вѣчно име трае,
Родителя честь подобны сяе,
И то нигда ослепляваюћи,
Но и враз'ма очи даваюћи
Кроза животъ и крозъ гробне мраке,
Да и снове свуд' имаду лахке;
Таа и диже плуга и ратара
Гор' у неба безсмртног' Звѣздара,
А да отуд' сва блаженства вышня

Овд' на землю за племена ближня
Возовима свози па дарива,
К'о за чудо вѣчитога ньива...
Та Игняте свим' ближньима брате,
Све в твое, што те игда сретте!...!
Тко ли чуе, тко л' годъ видне свойске
Тебе плакат' и жалит' данаске,
Рећ' имаде: „ал' тис' упамћаю,
Ал' тис' овіи незаборавляю,
Игнѣ истогъ, ш'то га знанцы жале,
Сузе кажу и цѣну и фале!"
Сви ћее Срби яуке здружити,
Све лелеке людства приложити,
Іошъ себ' и насъ неутѣшит' када,
Пріе вѣчног' свѣту свем' запаада,
Та и пріе . . . рая и вѣчишта,
Но и послѣ Божя судилишта. —

Симеонъ М. Сарайлія.

13.

МОЯ ЖЕЛЯ.

Искренности гди се чанакъ ліе,
Братскогъ жића да заслади часъ,
Вѣрне груди душа мила с' віе
И доброте засіява красъ:

Правде свете дѣла гди цвѣтаю,
А закона нерушимъ є стубъ,
Муза горе зеленомъ блистаю,
Нитъ ій ружи временности зубъ:
Гдино шала срцу одговара,
А лукавства окива се планъ,
Ту бы душа моя ликовала
И срећишта свога нашла станъ.

14.

СВОИМА.

Кога данасъ огреява
Светлогъ Сунца любкій зракъ,
Сутра може обавити
Тавне ноћи тужный мракъ.
Часъ се смеши Човечеству,
Часъ му грози Судбе власть,
И опетъ му с' у прсима
Чуе гордый дисай, страсть.
Скидай брате подлый оклопъ,
Општегъ свега опъ є кваръ,
Взаймный гди є браћи раздоръ,
Сузе рони отацъ старъ.
Ніе л' општій свію пишанъ,
Пунъ блаженства века рокъ?

А безъ милогъ пріятеля
Нагне л' с' какавъ Среће скокъ? —
За полезность Отечества
Кога жара пече зракъ,
Награда є сваколика
И лаора дысай лакъ. —
Вѣрна душо, Отачбини
Могућности жертву дай,
Награда є сигурна ти
Оногъ света жельный рай.
Подъ кипрессомъ сѣни твоє
Младости ће плакат' жаръ,
Сѣдогъ старца слушаюћи
Гди ти брани душе даръ.

И. Захарієвићь.

15.

М И Л К И.

Майско ютро
Када крыла
По сунчаномъ
Простре зраку,
Лубко пева
Мала шева
У етиру

Свода плавогъ,
По ружицы
Свѣжость плива,
У роси намъ
Сунце сія,
Листа шушньомъ
Воздухъ ори,
Сва природа
Цвѣтомъ плови.
Ту милину
Ютра Майскогъ
Надвышава
Дычпа Милко
Краснолич'я
Твога образъ.
Невинность є
Руменнія т',
Нег' ружице
Лепе боя;
Свѣжость твое
Невинности
Любовь чиста
Заменює.
Ока црногъ
Любкій погледъ
Росе сяйность
Надвышава,
Онъ є изворъ
Свезрачія

У блаженство
И милину,
Ключь у срца
Тайно чувство,
Кое жарку
Любовь крые.
Ахъ ко дычность
Твога лика
Да не жели
Сагледати,
Ко л' у жельи
Да не зори
Любовь твою
Уживати.
Та ми мысао,
Конечности
Помрачує
Цѣль и срећу.
Кратко быће
Човечности,
Слаба мѣра
Надеждію.

И. Двобратићь

16.

ПЕСМА ПАСТЫРСКА.

Буд'мо весели
Докъ не куцне смртный часъ.

Све радости прецвета'ће
Єръ є кратакъ земный май;
Умилности сунце са'ће
Опусти'ће и нашъ гай.
Буд'мо весели и т. д.

Ютро меня жарко време
И вечера руйный зракъ;
Умореный спушта бреме, —
Навуче се густый мракъ.
Буд'мо весели и т. д.

Градъ презире колебице
И пастыра смерный гласъ;
Смрть ал' коси немилице
Богатыре као и насъ.
Буд'мо весели и т. д.

Све радости прецвета'ће
Опусти'ће и нашъ гай;
Страшный данакъ освану'ће —
Вину'ће насъ гор' у рай!
Буд' мо весели и т. д.

17

ЧУВСТВОВАНЯ НА ГРОБУ М—

Сонетъ.

Све красности смртный здува пламенъ,
У праздность се разсу неба чаръ,
Угасисе небесности жаръ,
Райскогъ чувства поништи се праменъ.

Сужногъ гроба место значи каменъ.
Благородне жизни то є даръ? —
И надземно обузима кваръ?
Ахъ животъ є текъ пропасти знаменъ!

Ображеня све є празный санъ.
Заслеплѣно мори насъ теженѣ,
Слабомоћно вечности створенѣ. —

Не на земльи светый куца сатъ,
Нит' у тами с' віе рая влатъ. .
Ноћь подъ сунцемъ; у гробу є данъ.

Малетићъ.

18.

ПРЕЗРЕНА ЉУБОВЬ

Ah virgo infelix, quae te dementia cepit!?
Virgilius.

Савъ у райской несвестицы
Прелива се весео светъ,
И у простой колебицы
Веселости цвета цветъ;
Свуда чистогъ радованя
Торжествено с' диже екъ,
Срећу слави свога станя,
Што желѣный нађе лекъ.

Сунце мое заће среће,
Помрачи се ведрый данъ,
Гди цветало мира цвеће,
Ту с'немира диже станъ.
Раздвоила горка туга
Невину ми младу грудь,
Надъ сводомъ се жизни луга
Невечерня свила жудь.

Кадъ красности свисну весне,
И радости чами гласъ;
Мен' да кликћу гая песме
Кога рони пакла часъ?

Ко одъ смртны незна зашто
Цвилимъ люто вечный робъ?
Бѣдный овай животъ нашто?
Ахъ! мрзи ме и самъ гробъ.

Заръ се завѣтъ тако чува?
И Божества с' гаси зракъ? —
Ноћь се кріе съ тамомъ глува
Кадъ огране ютра знакъ.
Запару намъ летпю прати
Са муняма страшный громъ:
Любве вечни да су сати
Кое страсти свія домъ?

Шта в любовь у младости?
Текъ суете златный санъ,
Чіе чезну све сладости,
Кадъ осване будный данъ. —
Сећанѣ ће прошастности
Истискиват' уздисъ мой,
Да те бѣдномъ стохвалности
Любовника прати рой.

Скорымъ скокомъ нагли стужа,
Оглуви'ће красный гай;
Прецветаће т' лица ружа,
У пакао ће с' створит' рай.
Сетићешъ се туге мое,
Раскаяня ѣ' доћи часъ;
Пожели'ћешъ, Богъ обое
Да састави опетъ насъ.

Садъ смо близу єдно другомъ,
Поточића само зборъ
Разставля насъ съ малымъ лугомъ;
Іоштъ разрешит' може с' чворъ.
Узрастиће съ годинама
Са бодљивымъ трнѣмъ лугъ,
Быће пропасть съ долинама;
Ту не крави весне югъ.

Усамлѣной на обали
Потрза'ћешъ главе власъ;
Што прошастность силомъ свали,
Натрагъ вратит' можел' часъ?
Іоштъ смо близу єдно другомъ,
Докъ є време прећи прудъ;
Преволи се моіомъ тугомъ,
Іоштъ те воле моя грудь!

19.

М О Л Б А.

Заръ у любви има болѣ?
Заръ є любовь пустый лугъ?
Заръ є она страсти полѣ,
Гди не стиже сласти югъ?

У чаменю зиме пищти
Очаянѣмъ пустый гай,
Ледена га кора тишти,
Докъ ускрсне златный май.

Съ веснoмъ горка свисне туга,
Свудъ радостный звони гласъ;
Средъ ружичногъ лiе луга
Услажденѣ светлый часъ.

Тако немиръ, жалость мори
Любвомъ верномъ пуну грудь,
И праздность се жалбомъ ори,
Безъ награде с'троши трудъ.

Узлюбности блесну луче,
Испуни се слашћомъ духъ;
Тужни борбе гласи муче,
У срећишту трепти слухъ.

Осећашъ ли светый пламенъ
У грудашцу миломъ твомъ:
Да'ћу жертву драгiй каменъ
За захвалность Богу момъ.

Одважи се, спусти очи,
И изусти ово текъ:
„Я те любимъ,“ прстъ умочи
У терпѣня знатный лекъ.

Презри зависть, презри злобу,
Чувай што ти даде Богъ;
То є небо земномъ робу,
То ће сломит' врагу рогъ.

Прећи долю стыдльивости,
Некъ тайности буде край;
Венацъ пріими узлюбности,
Крунисати ту ће рай.

20.

ПЕВЦУ * * *

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑
⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑
— ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑
— ⏑ ⏑ — ⏑

Зашт' быстромъ оку образе праздне
И смесу черта незнаногъ лица
Ставляшъ чуднымъ подъ видомъ
Сметеногъ духа?

Дед' съ кипа свуцы шарну одежду,
Остати неће л' наго, бездушно?
Теби самомъ ће быти
Гнусно погледат'.

Изъ прва цвеће красно избери,
Пакъ онда плети смышлѣный венацъ;
Некъ т' у свакоме цветку
Строй проговара.

Заръ тамне, празне, збунѣне мысли
Изяве да ти мудрости силу?
Као Пігмаліонъ дивный
Составъ оживи.

За себе члени красни некъ буду,
Ал' текъ у целомъ склоплѣне вешто
Нека духъ оживлява
Зрачнога света.

Све оно ніе красно ни добро,
Нит' чистомъ духу честито редко,
Што є съ тисућу стіхов'
Сказано вешто.

Дай ствари важной границе нуждне,
Излишне мысли съ образа свуцы;
Нуждный законъ некъ значи
Просторе духу.

21.

МОМЪ ДРУГУ Ю: — ФИ — У.

У МОІОЙ БЕДИ.

Des Lebens ungemiſchte Freude
Ward keinem Irdiſchen zu Theil!
v. Schiller.

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑
⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑
⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑
— ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ ⏑

Не диви с' друже милый и верный,
Што падамъ ломно завишћу клетомъ!
Докъ красно, дично съ трона не падне,
Подло с' подићи не мож'.

Гди с' єдно диже светлошћу зрака,
Ту друго подло пада у пропасть;
У истомъ виду ништ' не остає,
Вечно се меня башъ све.

Кадъ светость гази людство упорно,
Заръ земно може стално остати?
Невиность враге вечно има'ће,
Злоба с' изтребит' не мож'.

Буд' добаръ веранъ закону нравномъ,
Заръ врази губе паклену силу?
Найлепшу румень зоре угаси
Црнога облака мракъ.

Са сваке стране ништ' ніе добро,
И само носи ляге сунашце;
По' круга землѣ светлость покрыва,
Друго притиснула ноћь.

Ты само буд' ми веранъ и искренъ,
Знай! равнодушно све ћу поднети;
У блату гадномъ опетъ є злато,
Цветъ и у трню є цветъ.

22.

НАДПИСИ.

Was der Gott mich gelehrt, was mir durch's Leben geholfen,
Häng' ich, dankbar und fromm, hier in dem Heiligthum auf.

v. Schiller.

а. МЕНА.

Грдно пада, мало се диже, да с' цело обнови,
Обновленю у томъ читавъ окреће се светъ.

Пашће намъ грдно, дозрело — Србинъ изъ чаменя с' диже;
Свене зумбула струкъ, лале да шнри се склапъ.

б. НЕСРАВНИМЫЙ ХРАМЪ.

Измеђь дубоке нискости дальне и неба висине
Сили у племеной храмъ светли; надвія га зракъ
Дуге и венацъ славе обдарене вечности свете.
Благо ономъ кои там' винут' се може у храмъ.

в. ДУША И ТѢЛО.

Светомъ божества и струіомъ чистомъ вечне милине
Созданъ пресадише цвет' Граціе земный у в'ртъ.
Рукомъ не бери га друже, небесна угаси'ће с' сладость;
Душа некъ сладисе съ ньимъ, земный ужива-'ће рай.

г. ЛАЖЬ И ИСТИНА.

Лажльивомъ тражишъ у огледалу твой собственъ образацъ,
Порокъ узвыси'ћешъ съ ньимъ, ганя'ће вечно те врагъ;
Црна ти душа скрывена подъ налич'ємъ вечно оста'ће.
Душа у души се текъ чисто огледати мож'.

д. УПОТРЕБЛЕНІЄ И СЛѢДСТВО.

Дивишъ се како могъ непріятеля могу да любимъ?
Єданъ источникъ є свим' чувствама; ништ' ніє зло
Кадъ употреби се добро, као другови ватра и вода.
Страшанъ у природи громъ добра оставля по себ'.

є. ЗАЛЮБЛѢНОМЪ. —

Кодъ два ока не видишъ, затвори оба два болѣ;
Идолу шиля'ѣешъ гласъ, месецу слепый као мишъ.

ж. НАПОЛЕОНУ.

Света пространство за жедну ти душу тесно є было;
Стрепіо ока т' на мигъ низкій и подлый савъ светъ.
Сунце ти славе праздне за чотиѣь варльиво заѣе;
Землѣ грудва и гробъ ускій ти награда бы.

з. ДИВЛЯЧНОЙ ДЕВОЙКИ.

Природе газишъ гордо свезе и венце ружичне,
Бѣдну суровость млада ти рани іошт грудь.
Дивна може л' икада светость мрзит' божество?
Бежишъ одъ єлена ты, лютитый прежи те лавъ.

И. ЛЕПОТИЦЫ Ю — И.

Радо с' мећь ружама бавишъ и милножелно ій
берешъ,
Ружа є бодльива, чуй! нѣжный убошће ти
прстъ.
Све художественно што є измышлѣно ніє као
просто;
И у любови заръ тражишъ художества ты?
Цветъ ми не буди за сваку пчелицу гадну и золю;
Любови так'ве ї' сласть отровный кукуте сокъ.

І. ГОВОРЛЬИВЦУ.

Кокошъ кадъ какоће много на гнѣзду шта за-
ключаваишъ?
Носи да мало єл' та? Таковогъ сматра те свак'.
Брблят' безъ основа свака и узрока, права є
лудость;
Зачинка свачем' си ты, подсмей те предсрета
свудъ.
Болѣ умукни, умудри се; непознат' мысли'ће т'
мудра.
Буде кадъ бео Етіопъ, онда ћешъ мударъ ты
быт'.

Малетићъ.

23.

ИЛИИ ЗАХАРІЄВИЋУ.

Буд' поздравлѣнъ пѣвче милый
Светымъ жаромъ духа могъ
На узвышню любке весне
Гди борави вечный Богъ! —

Та є желя огревала
Непрестанно духъ ми мой,
Да по лѣсу, гаю светомъ
Одзывъ носи гласакъ твой;

Дас' изъ грла т' сладкогласно
Людству с'холма слива строй
Пророчества богоданогъ;
Да с' светыньи предаш' той,

Подъ блаженомъ круномъ раста,
Гди с' купине валя димъ,
Испытиват' учи тайну,
Путь къ вечности людма свымъ.

Истина се и премудрость
У тайнама сакрыва;
Вышня с' воля у баснама
Людма доле открыва.

Красно, добро и полезно
Некъ ти слави пуна грудь,
У томъ некъ ти єдинственно
Подвигъ буде, знойный трудъ.

У игри се деца уче,
Мужъ у зною чела своґъ;
Безпрестанымъ у борбама
Херкулъ поста полубоґъ.

Храбра мышца некъ се бори,
Некъ с' юнацы дели честь,
Кад' с' у цвећу Аморъ учи,
Колико є шестъ путъ шестъ.

Мећь громови и муняма
Законъ людма спусти Богъ;
У пламену чрезвычайномъ
Воплотіо є сына своґъ. —

Зрело немой човечеству
У детинства враћат' станъ;
Чисту мудрость бистроґъ ума
Не пораћа праздный санъ.

Изъ пучине текъ изничу
Красне землѣ као рай;
Идеалъ лепоте праве
У ньой блесну као Май. —

Буд' постоянъ, бодаръ свагда,
Фарусъ буди себи самъ;
Завистнике пре ил' после
Потопит' ће общій срамъ.

Не будешъ ли свима сладакъ —
Не враћай се с'пута твогъ;
Знашъ у храму да се болѣ
Нег' у дому слави Богъ.

У гомили кукавица
Гадно пева и славуй;
Међъ вранама голубица
Што є туђа ты не псуй,

Нит' се чуди шго маймуне
Радо гледи простій светъ;
Медведа є игра децы
Лепша много нег' минетъ.

Свачему се иште време,
Све у нѣму сазире;
Зракъ сунашца свѣтъ предѣлма
Редомъ свима простире.

Заоставшимъ леньивцыма,
Тупоглавымъ, врстне гор'
Духомъ дижи подъ облаке
У предивный славе дворъ.

Свѣтъ у свѣту раѣа живость,
Духъ у духу китнастъ цветъ;
Одъ тогъ вечность виспренности
Неувеный плете сплетъ.

Дай надежде шири платна,
Лахоръ ће ти пратит' бродъ
Палестыни вечносветлой; —
Там' за духъ ти руди плодъ.

Ђорђе Малетићъ.

24.

УТѢХА МОЯ.

(МУШИЦКІЙ ДАВИДОВИЋУ.)

У М. Шишат. 9 *Маія* 1822.

О благо мени! Милошъ є чуо мой
Гласъ. Давідовићь радость ми откры ту,
Пріятель, вѣрный, мудрый, храбрый.
Богъ ми га посла ко штедромъ Мужу.

Изъ бѣде свѣта как' у пристаниште
Приспѣ, поче му куцати сердце за
Другомъ. Не уме да! помоћи,
Кои у раскоши нѣдру плива;

Когъ туге горкость ніе уцвѣлила!
И сами свѣта велможе не могу
Толико добра, свом' у кругу
Чинити, колико б' могли, ако

Имъ кадъ не кажу духови искренни,
И вѣрни слави ньиной и народной.
Гле! съ Давідовићемъ є Милошъ,
Милошемъ я самъ ти Музо срећанъ!

Та неће мене таласи несреће
Кодъ нѣга жива, грозно прогутати.
Та неће сгазит' нога злобе
Заслуге мое, твореннe дому,

Нечести риза неће ми гнѣчити
Рамена моя! Лира ми уздысат'
Не ће, нит' млади Србски пѣвцы.
Нравственна Милоша юнакъ Милошъ

Челюсти идре брзо ће истргнут'!
Штедротомъ своіомъ све ће ми вратити,
Што ми є отела рука судбе.
Вѣчный оплесћу му вѣнацъ славе.

Живота людскогъ превећь су кратки дни;
Капля су прама вѣчности мора. Но
Дни славе теку, докъ є Рода.
Хитросћу на небо диже пѣвацъ.

Највећа слава велможи долази,
Лампаду Муза ако оживлюе:
Єръ та полъ круга земногъ, съ ползомъ,
Дивно осветлюе, срећнымъ твори.

25.

ОДА

ВЫСОКОПРЕОВЯСЩЕННѢЙШЕМУ ГОСПОДИНУ

ПЕТРУ ІОАННОВИЋУ,

АРХІЕПИСКОПУ БЕОГРАДСКОМЕ И ЦЕЛЕ СЕРВІЕ МИТРОПОЛИТУ.

Да! Ты си онай цѣлебный источникъ,
Кои мило здравлѣ болноме повраћа,
Улійва слабомъ нову крепость,
Свѣжіомъ здраве обнавля снагомъ!

Сунашце Ты си, кое свакидашньимъ
Греянѣмъ дае богату летину,
Светленѣмъ гони ужасъ мрака,
Топи облачине црны мыслій.

Ты богоданый душа намъ Хранитель,
Когъ ни свесрдне молбе, ни смирене
Измолит' нису кадре жертве
Свете безъ Животодавца волѣ — !

Самъ Богъ изъ Светлогъ Княза е Србскога
Проговоріо: буди Израилю
Сербійскомъ Петаръ . . . Павле драгій,
Пріими невидимій Христовъ жезалъ!

О срећна часа, мудре о княжеске
Наредбе, за те премила Србіо!
Избавъ одъ робства? или овай
Сына Ти . . . славнімъ чини изборъ?!

Заиграй хоромъ, тутньи некъ земля сва,
„Потреси гломъ свѣтила небесна!“
Єръ другимъ Саввомъ садъ се дичишъ,
Кои ће просветити чеда Твоя

Истине зракомъ, духомъ благодати:
Срдашца ньина прилѣжно пойти
Божества страхомъ, човечности л'
И ближнѣлюбія малвазіомъ.

Камъ веће згоде, нег' кадъ е Кралѣвићъ . .
На равномъ полю, Фебъ ли на Парнасу?
Кадъ Питтъ кормани, Плато учи —,
Божію л' казуе Петаръ волю — ? — !

Славую ено луга, да песмице
Извія дивне, пріими и похвалу
Одъ трудны посленика: Теби л'
Ето о Ааронѣ, стада цркве,

Даров'ма да га Твоимъ и Божімъ
Учинишъ срећна, по смрти блажена,

(Ни єдна да незгибне овца —!)
Па да се на оба света вѣчишъ —!

О трудне цѣли! да л' ћешъ є постићи?
Мож'! Духъ ми каже; єръ Те іошъ на сиси
Полюби Паллась, а младића
Благимъ Евсевія згледа окомъ —:

Щедрота обще матере Природе
На Теби сяе —; ньоме подоштрене
Жителке Еликона зрачногъ
Млогима сретоше Тебе дар'ма —:

Изъ Твои уста Цицеро говори,
На Твомъ се стасу движе Демостенесъ,
Но све — подъ венцемъ смирености,
Па свакогъ срдце і' у Твоіой власти —.

И самъ удивлѣнъ, Тебе самъ гледао,
Чудеса како Орфеа повраћашъ,
(Питомишъ дивячь — стене крећешъ —)
Твоимъ одъ Божіе стране зборомъ.

„Корабаль къ цѣли срећно Те одвезо',
Прередкій Мужу!“ Сви ово Србчићи,
Поздравлѣмъ Твоимъ раздрагани —
Одъ Бога свесрдно самномъ просе!

У Пешти месеца Декемвр. 1834, год.

Исидоръ Стоиновићъ.

26.

СТИХОВИ

ПРИЛИКОМЪ ОТЛАЗКА

ПРЕУЗВЫШЕНОГ СРБИНА

СИМЕОНА МИЛУТИНОВИЋА С.

СЕРБІЯНКЕ СОЧИНИТЕЉА

У СЕРБІЮ

28. АПРІЛІЯ 1839.

ПѢВАО

ВАСИЛІЙ ЖИВКОВИЋЪ,

I. ГОД. МАЂ. ПРАВ. СЛУШ. У ПЕШТИ.

Ты, што тихо лебдишъ надъ Аваломъ,
И на зрачномъ царуєшъ престолу,
И волшебне изводећ' гласове
У небесне шилѣшъ ій сводове;
Ты, темена што выши духова
Вѣчнымъ можешъ увіят' лаврима;

Коя грло земски любимаца
Пѣсми учишъ нечувеной Вило!
О! потеци пѣвцу невештоме,
Мракъ разпуди млађана незнаня,
Да бѣдствія претури теготе;
Недостоянъ, да достойномъ жрецу,
И напрсномъ посестрима другу,
Нѣга ради негованый цвѣтакъ
У заслужне мож' уплести вѣнце! —

Рад' слетити у наручай майке,
Морамо се с' онымъ разставити,
Кой намъ душомъ знаде завладати;
Радъ дужностма одговорит' светым'
Позванъ Рода да светиню брани,
Гледимо га у тріумфу красномъ
Отечеству хитити Србинства. —
Ты, блажена на свагда Сербіо!
Жельным' окомъ радостно изгледашъ
Невиђеног' Парнаског' Юнака;
Поносисе, браћа т' не завиде.
Нѣга скрыће просторъ непрегледный;
Ал' намъ неће споменъ поништити,
Ког' топлота сачуваће срдца. —
Гордельива єл' икадъ Мантуа
Свог' снажніе любила Марона;
Нег' Сербія Сербіянке Пѣвца
Тебе Србе Милутиновићу!?
Єл' Меонскогъ Пѣвуна варвиту
Гркъ околный радиє с' дивио

Србъ што теби узвышеный душе!
Кои грломъ и тананом' жицомъ,
Горскимъ смѣло ругансе вилама,
А на дику Рода и човечства.
Тако Бога спроводльива сила
Смртномъ тѣлу духъ собственый даде;
Може л' овай икада згибнути? —

Из' сурове цвѣтъ никну градине,
Да мирисомъ землю преизпуня,
Полубожну разтрептава ясность.
Изъ утробе Србске породилѣ
Сынъ родисе, звезда Рода милог'
Преодница сяйног' просвештеня;
Сараєвацъ весела му майка!
Кои ума кивный препонъ скруши,
Невѣжества преплови єзеро,
И за вѣнцем' не чезнеѣ' побѣде,
С' наградама дружеѣ' се вѣчности,
Вѣнчава се са потомства славомъ.

Сад' изъ нашег' зове круга
Тебе нѣжне браће гласъ;
Насъ са славомъ Рода Србског'
Грозный овай дѣли часъ.
И прим' тужно „с' Богомъ остай"
Опоменсе Пѣвче насъ;
Младость наша славиће те
Докгодъ жита ниче класъ.

И удалѣнъ одъ насъ рецы:
„Мене люби Србинъ свакъ;“
Сербіянке Пѣвца дивног'
Овѣчиће неба зракъ!!! —

27.

ГРОБНЫЙ НАДПИСЪ:

СЕРБИНУ СЕРБОВИЋУ СЕРБСТВОВАВШУ СЛАВНО.

Самъ Београдъ силный безконечно вѣку
Доби важность, доби цѣну, рогъ;
Чарапића Васе живота свіећу
Духомъ Турства угаснувши своғъ:
Но тек' тол'ка жертва варварству приличи,
А ко' так'ва вѣчно да Серба отличи.

С. М. С.

Ч. Ч. Ч.

28.

НА ПИРАМИДЕ ПРВОЙ СТРАНИ:

Урра!

Свой вселенной єдно сунце ся,
А Россіи сяю самой два,
Неба єдно, друго Цара око,
Лучъ пуштаю широмъ и высоко.
Многа лѣта Цару Николаю,
Другу спаса, вере ходатаю! Урра!

НА ПИРАМИДЕ ДРУГОЙ СТРАНИ:

Урра.

Єдногласно сви кликтаю Серби:
„Преста злоба, нейма кривде тербій!
Светителя ев' именякъ божя
Сва душмански скрушава оружя;
Слава бывай Творцу небескоме,
Честь и дійка Цару свеславскоме! Урра!

НА ПИРАМИДЕ ТРЕЋОЙ СТРАНИ:

Урра.

Покровитель свуд' успѣвай Сербскій,
Императоръ и самовладъ русскій!

То су желѣ, то и свесердности,
Благодарне сынске искренности:
Славъ спасава землѣ и народе
Отъ угнѣта, и одъ сваке бѣде!!! Урра!

с. м. с.

Примѣчаніе. Данъ светога Николая 1839 године као данъ тезоименитый Цара Николая, благодѣтеля Сербіе и народа Србскогъ, прославлѣнъ є у Београду торжествено. Између осталы знака почести подигнута є была на піяци у главномъ сокаку осветлѣна пирамида, на коіой су ови надписи просіявали.

29.

НОВА ПѢСНИЦА

НЕКОМѢ ИЗАБРАНОМЪ ГОСПОДИНУ САСТАВЛѢНА.

Злато ти кити перстенѣ руке,
Дѣте ти гладно плаче одъ муке.
Бѣдна ти жена по селу проси,
Цурица дааре одъ тебе носи,
Влашкомъ будаломъ тебе зовуѣи,
Предъ своимъ драгимъ мерзко псуюѣи,

Како іой велишь, да ће ти жена
Сбогъ кашля быти маловременна,
Да ћешь є моћи за се узети,
Живити сретно съ ньомъ и умрети.
О води живишь и круву сувомъ,
Да тудьемъ дадешь што тасту глувомъ,
Не пакъ да платишь дугове старе,
Илъ кући пошлћшь две три крайцаре.
Купуєшь Турске саблћ и пушке,
И пріимашь женски одъ людій ћушке.
Да ће те искат', жена ти пише,
Но ніє коме говорит' више.
Перстенћ продай, пакъ уже тражи,
Єрбо си быволъ, далћ пе лажи.

С. Меркайлъ.

30.

РУССКАЯ ПѢСНА.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

(Изъ пчеле Сѣверне.)

Русскій Царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.

Тамъ земля окрещена,
Кровь на ней была святая.
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И престолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война,
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ,
И земля тряслась кругомъ.

А теперъ пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинь обитель,
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней, крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другаго поколѣнья,
Новымъ, славнымъ ужъ Царемъ

Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна,
Такъ же мужество въ ней сильно,
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена
И полковъ тѣ жъ имена,
А въ рядахъ другіе стали,
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей Царемъ,
Не видять ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежныхъ мало!
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война,
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ, и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
В'ведшій рать въ Парижъ, Барклай?

Гдѣ и свой, и чуждый край,
Дерзской бодростью дивившій,
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязъ Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-Атаманъ?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ,

Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ,
Въ гробѣ старецъ Бенингсенъ.

И боецъ, сынъ Аполлоновъ...
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводитъ въ Бородино..,
Той награды не дано;
Вдругъ Давидова не стало!
Сколко славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, царей Диктаторъ,
Нашъ великій Императоръ,
Міра свѣтлая Звѣзда!
И твоя пришла чреда.

О година Руской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ,

Какъ спасительно онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился Русскій Имъ!

Вдругъ... отъ всѣхъ честей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко,
Передъ плачущей женой
Нашъ Владыка, нашъ герой,
Гаснетъ Царь благословенной;
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся Имперія идетъ.

И его какъ небывало,
Передъ кѣмъ все трепетало...
Есть далекая скала,
Вкругъ скали морская игла;
Съ моремъ степъ слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ...
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и труднихъ
Съ новымъ зрѣли мы Царемъ:

До Стамбула Русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Аракъсъ:
Арзерумъ здался намъ дикій.
Закипѣлъ мятежъ великій,
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ,
И — съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И, нежданная ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Цариграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отрязясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
„Здѣсь былъ Русскій станъ разбитъ!“

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,

И сіяетъ передъ ратью
Кресть небесной благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Въ етотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперъ ихъ тишина
Небомъ позная, объемлетъ,
И какъ будто бы подъемлетъ
Из за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье!
Лишъ изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій артарю:
Память вѣчная царю!
Вдругъ обгрянулъ залпъ силный
Бородинскія вершини,
И въ одинъ великій гласъ
Съ нимъ вся армія слилась.

Память вѣчная нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой!

Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли!
Нашу Русь вы намъ спасли!
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать!

Бородино 26. Августа 1839.

Василій Андреевичъ
Жуковскій.

31.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Что не соколы крылаты,
Чуя солнышка восходъ,
Бѣлаго царя солдаты
Подимаются въ походъ.

Взоръ ихъ мужествомъ пылаетъ,
Грудь отрадою полна:
Память славы ихъ сзываетъ
На поля Бородина,

Гдѣ, по волѣ бусурмана,
Ото всѣхъ концовъ земли,
Словно волны Океана,
Тмы народовъ натекли.

Въ битвѣ съ цѣлою вселенной
Трудно было устоять;
Но гдѣ Царь благословенной,
Тамъ и божья благодать.

За живое всѣхъ задѣло!
Съ вѣрой Богу помолясь,
Вся Россія закипѣла,
Вся къ знаменамъ собралась.

„Смерть врагамъ!“ сказалъ Кутузовъ,
И съ дружиною своей
Началъ подчивать Французовъ,
Посолдатски, безъ затѣй.

Вотъ съ пригорковъ баттареи
Шлютъ имъ ядра на поклонъ —
Зашатался злодѣи,
Охмѣлѣлъ Наполеонъ!

Принадѣялся на силу,
Не развѣдалъ насъ путемъ,
Заживо себѣ могилу
Русскимъ выкопалъ штикомъ.

Намъ ли ты грозилъ войною?
Насъ ли покорить хотѣлъ?
Какъ съ одною головою
Твой орелъ къ намъ залетѣлъ?

Аль свои хотѣлось кости
Отнести на Русскій край?
Знай впередъ: Незваный въ гости
Къ намъ двуглавнымъ не летай!

Слава вамъ, отцы и дѣды!
Штикъ вашъ бойнихъ укротилъ.
Александръ — твои побѣды
Цѣлый міръ благословилъ.

Вамъ, двѣнадцатаго года
Посѣдѣлые орлы,
Православнаго народа
Принесли спасибо мы:

Ваши рати удалыя
Честь Россіи сберегли —
Многи лѣта вамъ, родные!
Много щастья на земли!

А кто палъ на полѣ битвы —
Богъ тому даруетъ Рай,
Церковь теплыя молитвы,
А безсмертье Николай.

(Такођеръ изъ Сѣверне пчеле.)

32.

НАДПИСЪ

НА РУССОА.

Млогу и истину казавъ здраво си поклизн'о добрый
Руссо, у шуму што люде бы оправит' радъ;
„Тамо да подобно зверю“ — умни. . те толкую тако! . —
„Слабіегъ раздире якъ, невина ліе да с' крвь.“
Човека сравнит' са зверѣмъ!.. каква ли доѣе ти ћудь?!
Човека краси та умъ, тако заръ већій е онъ.
„Зверъ?“ Не, коме ал' на силу тражити нетреба шуме,
Нетреба граћанскій скупъ, закопа л' рушити редъ,
Тигра а лютогъ да б' грозну л' хіену надмашіо злостма;
Лакше у загату пакъ ловит' да рибу е знашь.—
Я бы Т' ал' съ доводма моима — ка'но што і' Енею негда
Пытльива Троѣ за падъ Дидо — понавляо болъ;
Мои' ѣръ истину речій самъ си искусіо тежку,
Срећу и поправит' родъ човека, сгрешіо с путъ. —

Станко Воляновићъ.

33.

ИСТЫДАРУ.

Війлацъ війлскій Радиша,
Ко' да мучанъ и брижанъ,
Прамъ зорисе укани,
Троя крила надѣну,
Єдно крила ватрена,
Друго крила пламена,
Треће крила жаравна;
Ватреным' є ватріо,
Пламепым' є пламтіо,
А жаравным' жаріо,
Доксе изви узъ гору
Къ найстаріем' свомъ двору,
На планину найвышу;
Паксе быо спустіо,
На поляну Облику,
Подъ зелену Єлику,
Ђе і' баучко бавиште,
И ђе війлско саймиште,
Ту є війлда дворъ и кровъ.
О тле ногомъ трупнуо,
А свим' крил'ма лупнуо,
Па Радиша кликнуо:
„Ам'те ов' часъ війле све,
Съ кима самсе пылькао,

И цвѣтиће биркао,
Све радости дѣтиньске
За найвеће дркао!
Амте сад' све у коло,
На планину найвишу,
Подъ Єлику зелену,
Ам' штогодъ є све мири,
Ам' насъ негла смртный свакъ,
До насъ дружтва війловска!!
Сніегъ инѣ и росу
Я самь бычемъ стресную,
Съ граня стрма єлова,
Подъ ньи сунца свео лучъ,
Ту є празникъ, ту е сяй,
Но свакъ видѣт' овдис' дай!!!
Свану ютро, наста данъ,
Свой природи диже станъ,
Прасну пуплѣ пролѣтно,
Свасе тварца пробуђа
Одъ зимишта своега;
На кад' війле іошъ летну
Све и брже на позивъ,
Небус' найпре сад' ясномъ
До земльице поклоне,
Тад' и неба мѣстнику
Свекрасноме властнику,
Війлскомъ війлцу Радиши.
Пружи руке дружбовладъ
На стране имъ обѣ свим':

„Війле, Війлцы, браћо сви!
Радо, здраво, дошли ми!
Єдну игру играймо,
Єдну пѣсну пѣваймо,
Хаіомъ єднимъ хаймо сви,
Нашъ є првый то посо;
Та у вышнѣг' свемоћца
Првый єсте послѣдньій,
И послѣдањь зачедакъ...
Но камо нам' Драгиша,
Понаймлаћій браће братъ,
И камо є Милица,
Сестра наша дѣвица?
Да у заямъ и таіомъ,
Другъ за друга нечезну;
Ткол' ће любавь нелюбит'?
Богъ є творацъ твари свой,
И нѣм' люба природа,
Ето чій смо породъ мы!
Ам' то двоє у коло,
Да ій нашки свѣнчамо,
И да сложно признамо:
Браћа наша и сестре,
Любави су достойне,
И животу пристойне,
Зракъ лѣпоте разстиру,
Іошъ мложаю добра родъ.“
Тек' што ситно скакутат',
И у колус' обртат'

Оно двое стадоше,
Ал' Радиша покликну:
„Већ' айдмо-те сада сви,
Свакъ од' наске на свой край,
У свой новый завичай!
А то двое остай ту,
Мом' у двору праћедскомъ,
И у њину братинскомъ,
Наша блага њина су,
Њина срећа наша є.“
Он' часъ летну куд' кое,
Ту тек' оста то двое,
Што волѣли добили,
Па што хтели чинили, —.
И ни о чемъ брижили —.
Прошло доба неколʼко,
Лѣто, зима, минула,
Опетʼ настʼо благій данъ,
Кадсе скупля війлскій станъ;
Садʼ ій срета Драгиша,
Пэредо му Милица,
Њой на руцы Милое,
Обрадовасʼ дружба сва,
Попайвише Радиша,
Па кликнуше сви у гласъ:

Здравъ и честитъ на свіета оба
Живкаріо намʼ у вѣчна доба
Истидаре, Сербу светый жаре!
Устовао мудрость одъ истине,

Почовляо своє-братске сыне,
Ето т' благо све што небу драго,
То ти пѣсна одъ срдашца честна!
Ко' и врлость и родъ умложіо,
Свемогућій іошъ ти приложіо,
Што никоме досле сам'ртноме —.

Симеонъ М. Сарайлія.

34.

ГЛАСЪ

СВЕТОПОЧИВШЕГА ПЕТРА НЕГОША

КЪ ИЛИРОМАНІИ.

(Истога приповѣдка.)

Ловъ ловіо соко тица сива,
Ловъ ловіо докъ є уловіо,
Пакъ є сѣо ловакъ благовати,
У том' нѣга врана облеетала,
И найпосле према нѣму стала,
Па одхукнувъ прозбори соколу:
„Ала ти се оба уморисмо,
Докъ тай ловакъ себи уловисмо!„

Вранни соко проговара кратко:
„А ты сѣи, што си уловила.“

референрао Ч. Ч. Ч.

ДОПИСЬ:

О Хрвате, Срба рођенъ брате!
Глай Бошняка, новог' Серб-юнака,
Твог' и мога по свему рођака,
Нестидисе рода ни племена,
Па нетражи туђег' презимена;
Илиръ био, илсе само мніо,
Самъ незнао, ког' отца имао,
То л' Славеномъ да є кад' настао,
Болѣ прошти самог' Шафарика —.

Сим. Милут. Сарайлія'

35.

ЛОГОГРИФИ.

1.

Гвожђе самъ ти, дрво и животно,
Притомъ место у Сербии знатно.
Я самъ реч'ца коя трое значимъ,
Дворимъ свакогъ што имамъ, и свачимъ. —
У кући ме потребує сватко,
Єрбо самномъ гради ручакъ слатко.
Особито Србинъ ми се сміє,
Када види да ме яра гріє,
Но ништа ме толико нецвильи,
К'о помысао: да ме мой братъ пильи. —
Кадъ ми збришешъ три стражня писмена,*)
Тада самъ ти сыротиньи рана.
Скочи побро! на ноге с' оснажи,
Те ми речи ты ове покажи.

2.

Стварь самъ єдна нуждна землѣдѣлцу,
Ахъ блаженномъ моме раболѣпцу!
Нетражи ме гди су так'ве землѣ,
Коєно су за усеве дивлѣ;
Већь ме тражи у Срему и Бачкой,
К'о што реко' у кући орачкой.

---

*) съ ь.

Лети, зими, кодъ куће рах'тлуемъ,
У пролеће и есень послуемъ.
Кадъ ми прво писманце избришешъ,
Па у место нег' веди напишешъ,
Сазнати ћешъ ненуждну птичуру,
Кою Езопъ сказа за вичуру.
Збриши сада преднѣ писмо веди,
Па ми глаголъ напиши напреди,
Па с' подсети на малу дечицу,
Торжественно кадъ носе врбійцу!
Желишъ ли пакъ выше речій знати,
То ми морашъ глаголъ избрисати,
Па ћешъ видит' да самь ствaрь опасна,
Особито кодъ когъ самь ужасна.
Оћешъ ли ме кротко изказати,
Наравъ ће ти шта самь, показати.
Избришешъ ли и друг-перво слово,
Женско име онда самь убаво.
Ако л' сапредъ мислѣте дометнешъ,
И к'о мађаръ оштро ме изрекнешъ,
Значимъ ра'ну съ неба шиљему,
Праховѣрнымъ Богомъ даваему.
Изкажешъ ли лагано по реду,
То й што носи свак' на себ' у свету!

Тома Живановићъ.

36.

ШАРАДЕ.

1.

Кадъ планини стаде на подножю
Изъ мен' Пророкъ позна волю Божю!
Два ми слога нужду показую,
А съ последньимъ милость указую (люди).

2.

Так'ва самь вамъ я браћо травчица,
Да, ко м' дирне, ядна му майчица!
Кадъ ми с' срце узме изъ средине,
То самь боля, и пуна жестине.

Т. Живановићъ.

IV.

ПРЕВОДИ У СТИХОВИ.

1.

ОДА

Изъ К. Орація Флакка к. III. 4.

КАЛЛІОПИ.

О, сиђи съ неба, казуй де', съ тибіомъ
Дугачку пѣсну, властна Калліопо,
Ил' гласомъ волешь сада танкимъ,
Съ гуслам' и китаромъ или Феба.

Чуєте л'? Ил' ме вара заръ любимый
Заносъ? Чуємъ я већь и по лузима
Божеским' чисто ходамъ, там' где
Пріятне теку и воде и зракъ.

Я самь к'о дѣте, бывшій ванъ границе
Апулске там' у Волтур' Апуловомъ,
Савладанъ игромъ и сномъ, новомъ
Граномъ одъ чудесны голубова

Покривенъ быо. Дивно то свима є,
Кои высока гнѣздо Ахеронта,
Бантинска стрма и Форента
Равнога дебелу држе землю,

Невредимъ како црны одъ гуя самь
Спав'о и мечкій; како самь свештенымъ
Лавромъ и сбранымъ миртомъ чуванъ,
Я одушевлѣно Бозим' дѣте.

Вашъ, о Камене, вашъ се у высоке
Дижемъ Сабине; ил' ми се ледена
Пренеста, или Тибуръ жупный,
Ил' ми с' омилиле течне Баѳ.

Любеѣа ваше изворе, хорове,
У Филиппима ниѳ м' гонеѣій полкъ,
Нит' свето дрво уморило,
Водомъ Сикулскомъ нити Палинуръ.

Вы некъ сте са мномъ, радо ѣу бѣснога
Пловеѣи водомъ, дражити Боспора,
Жегуѣій песакъ и Ассирскогъ
Брега прегазити путуюѣи.

Я ћу Британне, душмане странним', и
Конканъ полазит', коньску што люби крвь;
И мећ Гелоне тулоносце,
Скитску на рѣку невредимъ идемъ.

Вы и высокогъ Цезара, полке кадъ
Знойне на одморъ смести у градове,
Желећи да'нут' самъ одъ труда,
Сѣнкомъ поравляте піерійскомъ.

Вы благій совѣтъ даєте, данымъ и
Кушате радость благе. О знамо мы,
Безбожне како є Титане,
Бѣсну и гомилу громомъ стремнымъ

С'урвао онай, земльомъ надъ мртвомъ што
И моремъ бурнымъ, градовма, царствам' и
Печалным', Бозим', людскимъ пукомъ
Єдиный праведнымъ скиптромъ влада.

Страх она великъ зададе Іовишу
Са снагомъ мышце младежь страховита,
И браћа упинюћа с' дићи
Пеліонъ горе на Олимпъ мрачный.

Али шта Тифей, якій шта л' Мимасъ, ил'
Шта Порфиріонъ стасомъ са претећимъ,
Шта Ретусъ, шта л' Енцеладъ дрво
Чупаюћ' съ кореномъ, гаћачь смѣлый,

Противу звучна штита Палладина
Успѣти могу? Лакомый Волканъ ту
Стаяше, госпа Юно ту и
Съ плеча неснимаюћ' нигда лука

У чистой роси кои Касталіе
Летеће власи праше, кой Лиціе
Гае и древну држи шуму,
Делскій Аполлонъ и Патарейскій.

Безъ ума сила пада са бременомъ
Своимъ! Са мѣромъ силу Богови подижу
На выше сами; исти силе
Презиру, теже кадъ на зло свако.

Сведокъ е мои рѣчій тій сторукій
Гигесъ, Діане и цѣломудрене
Познатый Оріонъ обласкатель,
Укроћенъ дѣвичне стрѣле махомъ.

Земльи е тежко сносит' чудовишта,
И породъ жали громомъ оправлѣный
Ко гнусномъ Орку. Нит' проеда
Етну наваляну огань брзый;

Неситогъ нити Титія слезину
Оставля птица, са невалялства за
Чуванѣ дана; Пиритоа
Ланаца триста збогъ любве стежу.

М. Светићь.

2.

ГАЛЕОМУОМАХІА,

или

БОЙ МЫШЕВА СЪ МАЧКОМЪ.

(*съ Еллинскогъ*)

РАДЕЋА ЛИЦА:

Месаръ.
Сырокрадацъ.
Разеласитель (телалъ).
Скупа служавака.
Супруга месарева.
Гласоноша.

Месаръ.

Зашт', юнаци, мы толико време
И довека да смо у рупама?
Што у страви, ужасу и стрепньи
Яданъ тако проводимо животъ?
Нит' изъ рупе извирити смемо,
Већь кукавци, одъ стра'а умрли
Ев' у тами овы наши' соба'
Сви чамимо, ка'но исти сужньи!

Зашт' да намъ се цео путъ живота
Сенка смртна и ноћь чини дуга?
К'ошто кажу, да себерне поле
Седиоци, к' и мы невидећи
Шестъ месецій живую у мраку!

Сырокрадацъ.

Оће л' намъ се, неће л' намъ се, опетъ —
Мракъ є нама свакояко суђенъ;
Єрбо, ако, ко'што ты намъ велишъ,
Тако лудо на светъ понаглимо,
Сместа ћемо допаднути беде
И очима смрть видити горку;
Па за наше помамило дрзко
Тавнымъ пакломъ награђени быти.

Месаръ.

Мучи! гди бы мы допали беде,
И очима смрть видили горку?

Сырокрадацъ.

Кадъ насъ грозным' счепа вилицама,
Мой месаре, грабльива, подмукла! —

Месаръ.

Дед' ми кажи, каква то є зверка?
Єръ ми срдце већь не тежи къ мети.

Сырокрадацъ.

Знашъ ли, кога зову люди мачкомъ? —
Та ти увекъ чечеш' надъ рупама
Мыше вреба, и ко'што'но рти
На сто струка' зецове напюше:

Исто тако оштро гледећ' она
Одвећь мудро нам' улази у трагъ!

Месаръ.

Врло добро знадемъ, кою кажешъ;
Негде скоро и мою є ћерку
Свећолизу, велимъ, драгу она,
Яо мени, немило смрвила!

Сырокрадацъ.

И мени є жицогризу ћерцу,
А и сынка смакла житограбца,
Кадъ є сеи потрч'о помоћи.

Месаръ.

Што смо дакле страшльиви, ко' жене,
Да смрть наши' прегоремо чеда'?

Сырокрадацъ.

Да шта садъ бы мы чинити знали?

Месаръ.

Съ прождрлицомъ изићи на субой,
И по правди платит' іой за грабежъ.

Сырокрадацъ.

Како? Дела каж'ми разборито!

Месаръ.

Ништа друго, но ратъ іой обявит'!

Сырокрадацъ.

Стра' ме, море, да с' и мы заклани
Не нађемо одъ проклете мачке
И поноситъ ловъ іой не будемо!

Месаръ.

Па због мртвы то намъ добро дошло;
Єръ знашъ добро, како певци фале
Оне, кои гину за родбину,
Децу, браћу, отце, познанике;
Те с' за ньима славно вуче име?

Сырокрадацъ.

То я добро знадемъ, али зло є,
Оставити светлу стазу дана,
Па се у гробъ запретати тавный!

Месаръ.

Еда л' не знашъ, кадъ є надячамо,
Мы ньой ћемо онда доћи главе?

Сырокрадацъ.

Како, друже? дедеръ ми изясни!

Месаръ.

Съ ньомъ у коштацъ, колико насъ годь є.

Сырокрадацъ.

А я велимъ, напаст' є подмукло.

Месаръ.

Како ће се то израдит' мучки?

Сырокрадацъ.

Ал', ако насъ чуе мудра зверка,
Коя увекъ стои на опрезу,
Да се на ню сложно сви дижемо,
Па у помоћь скупи силну войску
И нападне плаовито на насъ,

Те заставу ограби намъ златну,
Цела чета отићће намъ къ врагу.

Месаръ.

И мы ћемо силу саюзника'
П' обычаю у помоћь узети.

Сырокрадацъ.

Не знашъ преће, кадъ смо боякъ били
Са млозиномъ мачака' и жаба,
Кои су нам' были саюзници?

Месаръ.

Знамъ и памтимъ, да смо погубили
Онда чеда, сродне и отцеве;
А мал' и мы заглавили нисмо!

Сырокрадацъ.

Стра' ме и садъ, да насъ гробъ не снаће.

Месаръ.

Добру с' надай; єръ самъ нешто сніо.

Сырокрадацъ

Шта си сніо? право дед' ми кажи!

Месаръ.

Юпітеръ ми ноћасъ на санъ доће,
У срдце ми усади слободу
И каза ми, я да 'ћу надячат'.

Сырокрадацъ.

А кажи ми, како є изглед'о?

Месаръ.

К'о нашъ старацъ, мудрый сыролизацъ.

Сырокрадацъ.

А што ти се другдашъ ніе явль'о?

Месаръ.

Садъ с' одъ мои' уплашіо претня'.

Сырокрадацъ.

Чымъ 'ћешъ Вышнѣгъ ты уплашит' Бога,
Кои свима безсмртныма прети,
Да 'ће съ неба грдно спустит' уже
И на нѣму све ій горе дићи *)?

Месаръ.

И скоро самь претіо му, брате;
Єръ кадъ самь му моє прич'о станѣ,
И тужіо с', как' у рупи тавной
Сужно живимъ и савъ самь у мраку,
Па се яданъ патимъ стра'а, стрепимъ,
К'о животно ругобно, сирото.
Плакао самь невесео быо,
Грувао се и чуп'о за браду,
Пакъ самь силногъ Юпітера псов'о,

---

*) Омиръ у Іліади кн. 8. ст. 19. прича, како се Юпітеръ у сабору предъ осталыма Боговыма фали и тако силанъ показує, да, кадъ бы тео, мого бы спустити съ неба єдно уже, коє, не само сви Богови и Богинѣ, но и сва земальска брда и мора да се повешаю, онъ бы ій само сдномъ рукомъ безъ икакве натеге све у озракъ на нѣму одвуко. Ове дакле страшне приповедке сећаюћи се и нашъ Сырокрадацъ, чуди се другу своме Месару, како се усудіо, тако што силноме Богу запретити! —

Уздишуħи и предъ ньим' се єдеħ',
И сасвимъ му наопако претеħ'.

Сырокрадацъ.

Дедъ ми кажи, шта си претіо му?

Месаръ.

Ако мени онъ не узда среће,
Да я славанъ будемъ победитель
И одъ битке да понесемъ венца,
Каз'о самь му у жертвеникъ нѣговъ
Да ћу уħи, све по нѣму смирит'.

Сырокрадацъ.

Съ женомъ, съ децомъ и я ћу т' у дружтво;
Но ми право кажи твое мышлѣ!

Месаръ.

Да безъ шале и све скупа мыше
Сазвати самь мыслiо у саюзъ.

Сырокрадацъ.

Па и не бы валяло на юришъ
Тавнога се избавлят' живота
И мачѣга слободити стра'а.
Мыше валя свыкат' све на саборъ
Па iй найпре лепо кушат' реч'ма,
Да л' ће моħи показат' се дрзки,
На бояку осветлат' образа?
Па войводе надъ войводам' избрат',
Чиновнике, редомъ паличнике,
Коплянике, съ оружѣмъ войнике
И оправни на субой изиħи.

Месаръ.

Право с' каз'о, мудро и прекрасно;
Та паметно саветує старость.
Разгласитель нек' сазыва мыше!

Разгласитель.

Ево дође чета мышовођа';
Погледай ій, Господар' Месаре!
Сви предъ твоимъ саветиштемъ стоє.

Месаръ.

Ой ты ято 'рабры пріятеля',
Одавно ми послушно и сложно!
Я старыма нашим' нађо' мане,
Као сужну и неяку роблю,
Што єднако чамеђ' у рупама,
У дубоким', срдца зечѣгъ бя'у
И к'о болни и испребіяни
Бой съ злотвор'ма боя'у се бити;
Па садъ ево я воєват' желимъ;
Єръ чисто ме срамота и мрзи,
'Вако снажанъ одъ млоги' владалацъ,
У помпама свагди плѣскомъ фалѣнъ,
Да се боимъ изъ леже се маћи.
Вы пакъ саветъ свим' срцемъ ми прійм'те,
Кано чеда племенита легла,
Па своимъ снагомъ живо се потруд'те
Не буд'те ми на послугу леньи,
Нит' се млого, юнаци, затеж'те;
Но што брже сви, о славни мыши!
Радо пођ'те на нову ми войну;

Я єръ нигда рата с' не поплэши'
Но іошъ самь се изъ детинства мога
На войводство предао юначки
И у свакой побеђив'о битки;
Племенита я самь, браћо, рода,
К'ошто знате стару приповедку,
Како су ми родитељи славни
Снагомъ, силомъ и памећу были,
Кои'но су Панүргризци звани,
Па не мого' у одмору живит';
Већъ таки се іошъ изъ млада доба
На науку дадемъ воєваня;
Обучимъ се коплю, шлему, сабльи,
Яшит' конѣ, разно се окретат',
Згодно туђи душмане да гину,
Лукъ напрезат', и бацати стреле;
Єдномъ речію, све самь ратно знанѣ
Докучіо ка' и свакъ войвода.
Па самь млоге пріобрео битке
И вештиномъ народе толике
Покоривши у мышцарство дошо,
За велика признанъ ратоборца.
А садъ самь се у невольи нашо
Юпітеровъ супарникъ и Реинъ,
Те к'о сужно животно вамъ стрепимъ.
Вами дакле, любезници, велимъ:
Скупа на ратъ свиколици дођ'те
Тврдо, крепко, силно, добросрдно,
Мудро, чисто, вешто оружани.

Ал' найпре ми ид'те своіой кући,
Па ћу сутра, юнаци, са зором
И самъ рабро подићи се съ вама.
Тако, мыслимъ, моћ' ће с' што израдит'!

Сырокрадацъ.

Будући су сви отишли дома,
Време ї' и нам' поспавати малко;
За то и я идемъ у мой наслонъ.

Месаръ.

Право с' каз'о, тако нека буде!

Скупа Служавака.

Каква жалость садъ ме киньи, гняви;
Юпітеру! шта в ово данасъ?
Зла намъ мысо снађе господара,
Съ мачкомъ явно на субой изићи!
Бога ми ће съ васколикомъ войскомъ
Изгинути, сунца негледати!
Аполлоне, истиный пророче!
Шта ће быти, яо мене, опетъ?
Куку, леле! запевке и плача!
Яо, яо, да грдны ли рана'!

Єдна Служавка.

Ћут'те, онъ ће у рату победит'.

Скупа Служавака.

То є лажно, то є штогодъ ново;
Ал' Зевсова нека буде воля!

Сырокрадацъ.

Гле, већь данакъ одъ истока езди!

Месаръ.

Я назиремъ одъ сунашца зраке!

Сырокрадацъ.

Дижимо се дакле изъ постеля'!
Воле, овце Бозима жертвуймо;
(Найпре валя съ неба искат' милость)
Па на боякъ слободно айдемо!

Месаръ.

Ево жертвомъ призивамо Зевса,
И Мінерву, Хермеса и Пана,
И Нептуна и честитогъ Феба,
Юну съ ньиме, Діану Загорку,
Плута, Леву, съ Адомъ Просерпіну,
И све друге! Па ногу предъ ногу!—

Скупа Служавака.

О вы благи свиколици Бози!
Та цареви одъ неба и землѣ,
Кои'но сте добра подавали!
Управляйте, крепко надгледайте
Господара' наши' нову войну,
Кои с' дижу на несыта рода!..

Супруга.

Да Богъ да ми, (чуй ме Боже!) яки
Мужъ, войводе, сынъ у бою были!

Скупа Служавака.

Надвлада е лепа, но стра' дав.

Супруга.

И сама самь жива вечъ умрла.

Скупа Служавака.

Знашъ, каква є у злотвора' снага?

Супруга.

Зевсе, царе! срећанъ дай имъ боякъ!

Скупа Служавака.

Богъ нам' удиль пружа свако добро!

Супруга.

Ако буде мышя сила вредна,
Одржати победу надъ мацомъ,
Онда ћемо врло живит' сретно,
А стра' бацит' на дно синя мора!

Скупа Служавака.

Бога молећ' и быти ће тако!

Супруга.

Ал', ако ій смушеница збуни? —
Па кукавци бежати нададу,
Не чуєшъ имъ ни гласа, ни трага!

Скупа Служавака.

Не д'о Богъ намъ, да то тако буде.

Супруга.

Па ће свакій постанути робомъ!

Скупа Служавака.

Пређе можда сладко єло маци.

Супруга.

А и я ћу токорсе Госпођа
Съ децомъ миломъ у роблѣ отићи!

Скупа Служавака.

Ты робиня съ децомъ быти нећешъ,
Но и тебе прождера'ће мачка!

Супруга.

Шта? Еда л' ћу с' сладкогъ лишит' света
И прашиномъ загрнути гробномъ?

Скупа Служавака.

Ћути, Госпо! страшно с' нешто види;
Гле, гди трчи єданъ испребіянъ,
Єдва дыше, носећ' грдне ране!

Гласоноша.

Гди є Госпа? 'ко ми може казат'?

Скупа Служавака.

Ево ї' овде, ако што ти треба.

Гласоноша.

Несретнцо, кукавнцо синя!
Мрвограбацъ у бою ти паде!

Супруга.

Яо, сладко, мило мое чедо!
Погину ми старости подпора;
О, да тежки' болова' и яда!
Чедо драго, да жалостна гласа!
Яо, умро'! што ћу? и куда ћу?
Кости ми се одъ жалости крше;
Яо чедо! яо очи мое!

Скупа Служавака.

Престан', Госпо, окай се куканя!

Супруга.

Юпітеру силный, помози ми!

Скупа Служавака.

Ох', ох'! ядна и жалостна майко!
Остави се већь толикогъ плача.

Супруга.

Милый сыне, любкій мой погледу!

Скупа Служавака.

Ћути, сноси горку твою тугу,
Па о битки почуй, шта є далѣ.

Супруга.

Ал' не могу, огорчи ме туга.

Скупа Служавака.

Є л' ти ползе одъ толикогъ яда?

Супруга.

Убиѣу се, да и мене не'ма!

Скупа Служавака.

Ман' се, Госпо, избій то изъ главе!

Супруга.

Скрбана самь, на тужити морамъ.

Скупа Служавака.

Еда л' ти є лакша глава съ цвиломъ?
Нико мртве не диже изъ гроба!

Супруга.

Кад' престанемъ цвилит', шта ћу онда?

Скупа Служавака.

Слушай далѣ, шта ћс рећи вестникъ.

Супруга.

А 'ко ће намъ то известно казат'?

Скупа Служавака.

Онай, одъ когъ и ово смо чули.

Супруга.

Гди є тай вамъ? — — — —

Скупа Служавака.

— — — — — Ево г' овде, видишъ?

Супруга.

Погуби ме, и сатре ме жалость;
Зеница' ми у очима не'ма!

Скупа Служавака.

Дед' намъ право све, весниче, кажи,
Како ї' свирепъ быо съ мачкомъ боякъ
И како є госпинъ пао сынакъ.

Гласоноша.

'Оћу л' редомъ, или само главно?

Скупа Служавака.

Сне намъ кажи лепо изъ почетка,
Како годъ се случило у битки.

Гласоноша.

Добро 'оћу; слушайте ме дакле:
Кадъ су были, да се већъ ударе,
Найпре снажный свегъ Народа Сатрапъ
Мрвокупацъ увати се съ зверкомъ,
Кои таки на жалосный позоръ
Съ целомъ четомъ клоне намъ побеђенъ;

За ньимъ скочи другій Архісатрапъ,
Кои беше сынакъ Цвекокрадца,
Па и пѣму жалостно се смрче,
Премда іошъ се ни оглед'о ни є.
Видећ' дакле войводе си 'рабре
Мрвограбацъ, гди су веће грозно
Съ целомъ четомъ мачки на часть от'шли,
Разяри се и огорчи тежко;
(Гнѣвъ а горкій ништа друго ни є
Н' око срдца крви успалѣнѣ)
Понда счепавъ оштрлято коплѣ
Понагли се, да убіе мацу;
А она намъ видећи га спремна,
Гди'но грднымъ замауе коплѣмъ,
И изъ близа 'оће да є скреше,
Скочи бесна, увати га ядног'
Па га мету у ногте у грозне
И прождре га млада и зелена.

Скупа Служавака.

На іошъ самымъ предъ любезнымъ отцемъ?

Супруга.

То то ми є надъ ранама рана!

Гласоноша.

Я будући да самъ стварь видіо,
Дошо самъ є жалостной ти казат'.

Супруга.

Камо срећа, да те нисамъ вид'ла!
О, да, брайко, ниси ты ми дошо,
Я садъ не бы тугомъ туговала.

Гласоноша.

Морамъ иѣи, одъ кудъ самь и дошо!

Супруга.

Да Богъ да ми болѣ нео гласе!

Скупа Служавака.

Вратъ да носи гласоношу така!

Супруга.

Уплаши насъ и утреска реч'ма!

Скупа Служавака.

Каква цвета мышѣгъ рода неста!
Мы бы рекле, да намъ свима личи,
Скупа плакат' за покойнымъ чедомъ!

Супруга.

То є право; плач'мо дакле жене!

Скупа Служавака.

Найпре ты памъ почни тугомъ тужит',

Супруга.

Ахъ! ахъ! куку, мени ядной майци!

Скупа Служавака.

Яо Месару! яо нашъ господару!

Супруга.

Охъ! охъ! гди си? яо камо се чедо?

Скупа Служавака.

Гди се спрета? гди изгуби животъ?

Супруга.

Куку! леле! како знамъ вѣчъ тужит'?

Скупа Служавака.

Охъ! запеват', и опетъ запеват'!

Супруга.

Кудъ ми заће мое ярко сунце?

Скупа Служавака.

Овогъ света све е пра' и пеп'о;
Савъ е животъ само една сенка!

Супруга.

Кудъ ми оде, сыне мрвограбче?

Скупа Служавака.

Доста! престан', немой Госпо, далѣ;
Ено опетъ гласоноша трчи!

Супруга.

Стра' ме, да што зло намъ не донесе!

Скупа Служавака.

Неће, госпо!

Супруга.

— — — — —Как' то?

Скупа Служавака.

— — — — — — — Како? пыташъ:
Не видишъ ли, како вес'о скаче?

Супруга.

Дай ми, Бого! само добре гласе!

Другій Гласоноша.

Гди е Госпа? 'ко ми може казат'?

Скупа Служавака.

Ево — ї овде, ако што ти треба.

Гласоноша.

Златна, красна, немой више тужит',
Већъ ябуку дай за добре гласе!

Супруга.

Кажи, шта є! немой зановетат'.

Гласоноша.

Оћу; ал' ми даръ обећай добаръ.

Супруга.

Кажи само, таки ћешъ га добыт'.

Гласоноша.

У бою є мачка погинула! —

Супруга.

О радости! о плѣска одъ руку'!

Гласоноша.

Треба радость да победи тугу.

Супруга.

Одъ милине сво ми тело игра.

Скупа Служавака.

Найпре, Госпо, разберимо за ратъ;
Па како є мышомрза цркла!

Супруга.

Нека дакле гласоноша каже,
Субой, битку, и премилый бегъ намъ
Страшне оне и зле мышѣ куге.

Скупа Служавака.

Чуй заповесть! айде крећи єзикъ!

Гласоноша.

Докъ 'Ермеса *) я на помоћь зовемъ
Вы ћете се спремит' за слушанћ
Повольне вамъ одъ мене беседе:
Кадъ се дакле пагубный и лютый
Ратъ почео са силнымъ ударомъ,
Тада прво паде мрволизацъ,
Архісатрапъ; понда цревокрадацъ;
Потомъ чедо нашегъ Господара,
Ковг' ти намъ горка сиопа мука
Кадъ є сына увидіо мртва;
Па є свою раздрагао войску
И дино се на ждерльиву мору,
И съ ньоме се здрпіо юначки;
Па докъ су се предуго борили
И съ места се никудъ немицали,
У томъ брвно са найвыше стрее
Годинама заръ сво изтрунуло,
Спаде мачки за вратъ, претиснy є;
Све іой кости у мрве искрши
И посла є у тай тавный пако.
Па прећашню нашу наветницу,
Непомирну, зловольну и дивлю
Видили смо, гди лежи безъ душе;
И зле свое отегнула шапе!

---

*) 'Ермесъ є быо Богъ и Патронъ, осимъ други' коекаквы наука', и Реторіке; па га Гласоноша овде призыва, да му да силу говора, да се може предъ Госпоћомъ и предъ служавкама добро и чисто изяснити, о чемъ га оне пытаю.

Скупа Служавака.

Живъ намъ быо и весео, брате,
Млого лета' греяло те сунце!
Што повольне каз'о си намъ гласе,
Да є наша мора уморена;
Садъ смо вид'ли пожелѣну мету,
Кудъ смо 'тели, тамо смо доспели!
Особито, кад' и Богъ помаже.

Примѣчаніе. Спеватель овога Боя мышева' съ мачкомъ быо є некій Ѳеодоръ Продромъ, или Птохопродромъ, кои є живіо у почетку дванайстогъ столећа. Онъ є постойбиномъ Цариграђанинъ, а знанѣмъ и вештиномъ изреданъ Поета и Реторъ свога времена. Пошто се закалуђеріо, названъ буде Иларіономъ, и постане Богословъ на гласу. Млога нѣгова дивна списанія ките Грчко књижество и красе Христіанску веру. Зашто є Продромъ овай Бой спевао, то ми управо ніе познато, но само то даємъ на знанѣ, да самъ га *я*, іошъ у Земуну бывши, превео за любовь и забаву премилы моій ученика, кодъ коій самъ у кући пуны шесть година дана провео.

В. Радишићъ.

3.

ДВЕ ИДИЛИЦЕ.

(Съ Еллинскогъ слободно посрблѣне стародревнымъ шестостопцелъ **20.** *Септемврія* **1839.**)

а.

КЛЕОДАМЪ И МИРТОНЪ *)

(изъ Биона.)

— ◡◡ — ◡◡ — ◡◡ — ◡◡ — ◡◡ — ⏑

КЛЕОДАМЪ.

Шта є одъ четворо ово, о Мирсоне, дражіе теби:
Весна, илʼ лѣто, илʼ єсень, илʼ зима? Чему ли се већма
Радуєшъ? Весни лʼ кадʼ све намъ се потроши, штогодъ стечемо?
Сладкой ли Єсени, кадʼно гладъ людима лагана быва?
Зими нерадной ли, кадʼно на цичи млозина грѣє се
Около ватре, нерадомъ се сладећʼ и лѣностю труломъ?
Илʼ ти є дивотна весна наймилія? Кажи ми шта ти
Найволе срдце? єръ одморъ намъ беседитʼ прилику даде.

---

*) Ова є изъ Бионовыʼ шеста.

МИРСОНЪ.

Людма не приличи, судити Божіим' о стварма и дѣлма;
Так'во што, све намъ є свето и сладко; но теби за любовь
Оћу, Клеодаме казат', ков ми є найслаће време:
Нерадъ самь жестока лѣта; єръ немило сунце ме пече;
Нећу ти раскошне єсени; плоди іой болести носе;
Пакостну зиму подносити, студень и снегове страхъ ме;
Желимъ да цѣлу ме годину пролеће убаво кружи,
Кад' нит' ладноћа, нит' препека летня насъ досадно дира;
Весномъ се свашта зачећує; ньомъ и све дражести расту;
Ноћца нит' краћа і' одъ данка, нит' данакъ одъ ноћце тад' дужій.

б.

ПРОСТАКЪ. *)

Синѣ на море кад' тиіо се свалює пиренѣ вѣтра,
Обузме плашльиво срце милина ми, нит' ми є онда
Земльица драга, но већма тишина ме морска весели.

Чуда ал', бездна кад' бистра усклокти и рикне, а
море
Рупаво с' запѣни, вали пакъ дугачки бѣснити стану;
Тада за сувымъ и шумомъ ти гинемъ, а воде
се крстимъ;
Частна є земля ми, лугъ и ладовитый миіо и
драгъ ми,
Гдѣно, ах' вѣтрина силна с' и напне, тад' ѕла,
топола ми пѣва.
Заиста животъ рибара є бѣданъ, ком' домъ є у
чамцу;
Море му читава і' злопата, риба а варљива
ловъ му.
Санка ми, Бого, подъ листатымъ яворомъ бора-
вит' дан!
Радо бы слушао туда врвећега потока жуборъ;
Гласакъ простака ме нѣговъ весели, а неплаши
грозно!

В. Радишићъ.

---

*) Ова є изъ Мосхусовы пета, коіой самъ я, одъ Мосхуса ненадписаной такавъ надписъ за добро судио дати; ако подъ овымъ простакомъ Идиллиографъ самъ себе не подразумѣва!

V.

СМѢСИЦЕ.

1.

КОПИЯ ДИПЛОМЕ ЦАРА ДУШАНА.

Слáва въ трóицѣ слáвимомѹ и прелáгомѹ Бг҃ѹ, понéже ѹ҃бш человѣколюбецъ Бг҃ъ, неизреченною мѹдростію и промыслемъ ѹстрои вса времена и мѣста положи во всоей области, и на рекъ постави въ нихъ Цариже, и Власти и Кнази, и давъ имъ комѹждш жребій свой обладати истроити, И сегш ради должнш єсть хвалити и славити єгш, и чтити ѥгш сты҃й ѹгодники, и храми любити йхъ, и ѹкрѣплати всякими потребами царскими благолѣпіа ради. Взыде Царствѹ моемѹ и сердцѹ моемѹ великое желаніе Поити во стѹю горѹ адшнскѹю. Тѣжже и азъ во Хр҃та Бг҃а бл҃говѣрный и хр҃толюбивый самодержецъ, Сербльмъ, и грекомъ, болгаромъ, и арбанасомъ, идисіи, рекше западной странѣ. СТЄФАНЪ ЦАРЪ,

Бжественною ревностію и любовію разжигаемъ, пріидохъ во стую гору адонскую, во стую и великую лавру Сервскую, в монастыръ хіландаръ, иже созданъ бысть прародителми моими, преподовнымъ Сумеономъ новымъ муроточцемъ, и блаженнымъ іерархомъ Кѵ Саввомъ, первымъ учителемъ нашимъ, ихже и обретаемъ царству крепость, и утвержденіе, и достоаніе царства ми молитва ми молитвами ихъ пріемлемъ. И видѣхъ честный храмъ, и удивихся красотѣ егѡ, и стую раку источившую муро прародителя моегѡ стагѡ Сумеѡна, и шбловизавъ поклонихся с теплою душею, и паче съ великимъ благодареніемъ, и почестми почтохъ и украсихъ раку прародителя моегѡ стагѡ Сумеѡна, и покой пріехъ еликѡ мощнѡ, и паки благословеніе пріемъ ѿ предержащагѡ началствѡ преподовнагѡ ѡца ігумена кѵ гервасіа іеромонаха, и ѿ братіи. Еже поитими и поклонитимися стымъ мѣстомъ, Иже в безмолвіи живущимъ стымъ и чтнымъ отцемъ. И такѡ обшедъ всю стую гору покланающися стымъ и великимъ церквамъ. И благословеніе ѿ стыхъ и честныхъ аггло-подобныхъ житіемъ отецъ, и елико бысть мощно царствѡ ми, украсихъ стыа и честныа храми. ѿ малыхъ даже до великихъ, Ово златими сосуды и сребренными, ово же свѵренными ѡдеждами. И благодарихъ гда нашегѡ ійса хрта, и пречтую егѡ матеръ благодѣтелницу мою, иже ма сподоби видѣти очима моима, еже прежде слышахъ и желахъ видѣти. И пріидохъ в великую соборную церковь Про-

тато, и обрѣтохъ чтнагш прота кѷ германа, и поклонúхсѧ чтнѣй и велицѣй цéркви, и ѹкрасихъ церковь ѣлúкш мощно, и честнагш Прота ѿдарихъ и придáхъ кабалъ злата велицѣй церкви пóмѣна рáди. Пáки возвратившѷмиса во свой вишереченный монастиръ, и ѣликш бысть мощно Царства ми, ѹкрасихъ стꙋю цр҃кшвь, Сщенными шдеждами, и сосꙋди, и иними потрѣбами, ꙗкшже и прежде менѣ ктиторей и родителей моими. Стагш ігꙋмена и братство ѿдаровахъ, ꙗкш молитвенники ѥже к҃ бг҃ꙋ, ѿ нашемꙋ спасенію и державе Царства, И пріиде же ко мнѣ ігꙋменъ кѵ҃ гервасіѧ, и весь соворъ лаври хіландарскіа, и воспоманꙋша царствꙋ ми, ꙗкш монастирское мѣстш ѿкрꙋжное иматъ сúноре, во многихъ книгахъ а не воединомъ хрисовꙋле, и молимъ царствіе ти, непреслꙋшаетъ царствіе ти, Прóтъ и ігꙋмени стым горы и старцы, пріити и сложити вса синоре во ѥдинъ хрисовꙋлъ, и не презрѣхъ моленіа чтныхъ ѻтéцъ, и написахъ свой царскій листъ съ моленіемъ чтномꙋ прóтꙋ кѵ҃ германꙋ, и преподовнимъ ігꙋменомъ и старцемъ свеа обители, трꙋдъ воспріати и пріити къ царствꙋ ми, в҃ монастыръ хиландаръ. и ѻни честный мꙋжіе ꙗкш ѻтцы послꙋшливи и чадолюбцы пріидоша незакоснѣвше, и сказавъ имъ моленіе чтныхъ отецъ лаври хиландарскіа, ꙗкш соединити ѿкрꙋжніа синоре мѣстъ монастирскихъ во единъ хрисовꙋлъ. Протъ же кѵ҃ германъ, и вси чтный ѻтцы ѿвѣщаша царствꙋ ми, все хотѣніе твое царю исполнимъ. И поискавше мѣстш ѿкꙋдꙋ синорꙋ

почетиса, и смотривше ѿ южнагѡ мора къ западѹ зрѧще, ѿ мѣста подъ великѡмъ выгломъ къ зигю прилѣжаще, и тамѡ ѣсть водица и мала тростіа, и паки почесмо гдѣ есть водица и тростіе, исходитъ на море и идетъ по край мора подъ хрїѹметицѹ, и подъ церковь стагѡ георгіа насо̀лица, И такѡ йдетъ краемъ мора краемъ мора. на три брата щосѹ три камене ѹ море, и мимоходи моноксилисте, и паки моремъ моремъ покрай правѹ зра̀ще ко аѳѡ́нѹ, доходи на рекѹ йва̀ницѹ, и доходитъ до великагѡ камене ѹморю накрай, и ѿ толи кѣ сѣверѹ правѹ хридомъ надѣлекъ, и тамѡ воздрѹзисмо кресть въ дѹбѣ, и ѿтоли пра̀вѹ на келіица и тѹ каменъ подобѣнъ гробѹ и на немъ вѣлѹ положисмо, и ѿ толи право во бърдо нахерово на вѣлики дѣлъ, и тѹ постависмо вѣлѹ ѹ каменѹ. и такѡ дѣломъ дѣломъ паки низъ брдо право на пѹтъ соборный противѹ пещерамъ о̃рліимъ. и по̀ пѹта на долине каменъ постависмо йѹ ѹ немѹ вѣла. йѹ ѿ толи право преко рѣки пещери о̃рліа, йѹ паки пра̀вѹ на великій хридъ къ сѣверѹ наравніи дѣлъ на сто̃ю маринѹ, йѹ ѡ̃ толѣ слѣче сече по̀ планинѹ посрѣде и доходи ѹ каменіе собранѡ. И ѿ толи доходи на долакъ на железный крестъ на соборный пѹтъ. И держи пѹтемъ що йдетъ ѹ свѝгменъ, зрящи кѣ вертоградѹ свигменскомѹ. И иде странно на црвенѹ землю, йѹ на црвени каменъ, какосе камивала кѣ свигменѹ. Йѹ йдетъ хридомъ на пріимъ и налѹстрѹ, и мимоходитъ созади церкве цайнове. Йѹ ѡ̃ толѣ преко оузъ ри́дъ правѹ ѹ

море. Паки ѿ толѣ моремъ моремъ мимоходяще Самарію и пристанище, и с҃таго георгіа и црковь с҃таго Сумеѡна, право моремъ на с҃таго андреа. Й шѣходяще стиларъ моремъ моремъ подъ платію й ѣлъ, и с҃таго ѣудуміа моремъ на ловиціа шркинарскаа на соборный пѫтъ. Й ѿ толѣ соборнымъ пѫтемъ на вигль зряще на востокъ, й тѫ ѣсть кресть ѿ древнее врема. И ѿ толѣ паки на десно къ югѫ вигломъ вигломъ, на великѫ вигль на соборный пѫтъ, и тѫ есть каменъ зовомій моливдѫза. Й ѿ толѣ низъ брѫдо зряще къ югѫ на равнинѫ и тѫ есть каменъ становитъ, и ѿ толѣ преко глѫбока потока ѵ велико блато. Й такѡ правѡ низъ брѫдо къ морю на водицѫ и тростіе йдѣже почесмо. Того ради ѵмоли царство ми, преподобнагѡ прота киръ германа, й честный йгѫмени, й трѫдолюбезнѡ ѡбшедше мѣсто, и состависмо синоре во єдиномъ хрисовѫле, да не йматъ кто досаждати нашей обители. И йжеса тогда ѡбрѣтоша на соборѣ записахмо тѣхъ ймена царствами, Въ Семъ златопечатномъ хрисовѫле во ѵѣдѣніе послѣднымъ. Честный протъ с҃тыа горы кйръ германъ іеромонахъ, великіа и честныа царскіа лавры ігѫменъ Павелъ іеромонахъ. Свигменѫ ігѫменъ Єлефтеріа іеромонахъ. Каракалѫ ігѫменъ лаврентіа іеромонахъ. Пандократора ігѫменъ Константіа іеромонахъ. Рѫшкій ігѫменъ ішакимъ іеромонахъ. Дохіарѫ ігѫменъ рѡмилъ іеромонахъ, ѯенофѫ ігѫменъ Варлаамъ іеромонахъ. Филодеа ігѫменъ Тимодей іеромонахъ. Костамонитѫ ігѫ-

менъ паисіа іеромонахъ. Алѵпскій ігѵменъ Θеодѵлъ іеромонахъ. Зωграфскій ігѵменъ макаріи іеромонахъ. Сѣтагѡ павла обытели ігѵменъ Пахомій іеромонахъ. Дішнисіеви ѡбители ігѵменъ Θеѡдосіи іеромонахъ. Й сіе, царство ми, сложи и ѹтверди Со Златопечатнымъ словомъ. Съ честнымъ соборомъ сѣтыа горы, да есть во ѳбластъ прес̃тыа влч̃цы нашеа вц̃ы хиландарской, во вѣдѣніа сватаа во сватыхъ, ѩкѡ да си — иматъ никіимже повреженна или ѠѢмлема. Но да сѣтаа обытель хилиндарскаа тѣми заповѣда. Ѡ насъ и до вѣка. Молю же йже васъ бг̃ъ изволитъ царствовати по насъ, или синъ царствами или ини кого бг̃ъ изволитъ. Непотвореннѵ бѵти нашемѵ семѵ завѣщанію или комѵ Ѡдатиса Ѡ того мѣста. Но и паче подтвержденнѵ да иматъ й й йсполненнѵ. Аще ли кто й ѡбращетса таковый ѵхищреніемъ діаволскимъ разорити или инако прѣложити, или Ѡати Ѡ вышеписанныхъ, таковагѡ да разоритъ гд̃ъ бг̃ъ, И пречс̃таа богомати. И в́ мѣсто помощи да бѵдетъ емѵ соперница. И дагѡ поразитъ сила чт̃нагѡ й животворащагѡ креста. И да есть проклеть Ѡ тыхъ сѣтыхъ и бг̃оносныхъ оц̃ъ, и Ѡ всѣхъ сѣтыхъ апостолъ. й Ѡ четирехъ еѵангелистъ, и да естъ причестникъ іѵдѣ предателю хр̃товѵ. и да есть со ними иже реша бозмѝ возмѝ распнѝ егѡ̀, и тѣмъ рѣкшимъ кровь егѡ на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Й клатвѵ да йматъ Ѡ сѣтыхъ ктиторовъ, сѣтагѡ Сѵ̃мешна, й сѣтителя Саввы. Й Ѡ честнагѡ собора сѣтыа горы адшнскіа, й Ѡ иныхъ сѣтыхъ горъ. Й Ѡ

царствами, да не ѣсть бл҃гословенъ, аминъ. Записаса сіе й утвердиса словомъ златопечатнымъ. м҃ца ⁂прі́лія ks день. Къ лѣто ,ѕѠнѕ. индикта. а҃:

Стефа́нъ во Хр҃та Бг҃а бл҃говѣрный * Царъ и Самодержецъ Сербле́мъ, Грекѡмъ, Болгарѡмъ и Ѧрбанасѡмъ.

(М. П.)

(Прилогъ одъ Г. Г. М.)

2.

Ко́піѧ ѿхрісо́вуле цари́це ма́ре.

Всеви́дѧщій преми́лостивый й преблагій й человѣколю́би́вый ца́ръ сла́вы Госпо́дь на́шъ Іи҃сусъ Хр҃тосъ сынъ Бж҃ій, Не постижи́мый, Не йсповѣ́димый, й не й҃з глаго́ланый, Не йсчѣ́тный, й Не й҃з слѣ́димый, влады́ка й тво́рецъ всеѧ́ тва́ри. хотѣ́ніемъ восхотѣ́вшій,

Ѩкѡ же вѣсть самъ, и инъ никтоже возможетъ исповѣдати. ѡ Не исповѣдимыхъ чудесъ твоихъ хрте Бже нашъ. Нижѐ Ѧггли иже предстоѧщій престому престолу твоемѹ владыко. Бжества твоегѡ никтоже можетъ исповѣдати, Своими же бо пречистимый руками, Бголѣпно персть вземъ ѡ земли и создавъ наше бренное тѣло, и ѡ небытіа въ бытіе привед. Й паки дѹхновеніемъ своимъ, престагш и животворѧщагш Гда въ дохновъ и ѡживотворивъ въ немъ дшѹ, и повеле жити на земли, и паки въ землю возвратитиса, пословеси Гдню, Ѩкѡ же и первозданный Ѧдамъ. и пророцы, и праведный, Ѧпли же, и мѹченницы, и вси Стый ѹгодившій хрту Бгъ ѡ века. Не бесныхъ воинствъ Ѧрхістратиже, Бжій служителю, предстателю страшномѹ престолу владычню, Ѧрхаггле. Земнородныже вси, Цари же и князы,. и всѝ православный, припадающе молимсѧ. Й дары же посиле, добродѣтелныа приносимъ. мы живѹщи на земли, Ѥлицы же ѹбш во царехъ православіе пріѧша, полѹчиша ѡбѣтованїа Бжіа; Сегѡ ради, и Ѧзъ раба Бжіа ЦАРИЦА и самодержица МАРІѦ. ѹ видѣвшій хрисовуле и подписаніа, преблаженныхъ прародителей Нашихъ; Благовернагш Крала Стефана ѹроша, ѧ имѧнно: Милѹтіна. со сыномъ Ѥгѡ Стефаномъ: что су приложили, ѹтвердили и подъ писали, въ церквы Стагш Ѧрхаггла мїхаила, иже вѧше во Стомъ Граде Іерусалиме, чтосу съ началникамъ дѹбравачкимъ подтвердили, и подписали, да безъ никоегш ѡправданіа дабѹдѹтъ давати На пасхѹ 500: перперъ дѹ-

вравачкихъ; дубра́вчаный. сы́мъ же о҃бразомъ, и҃ На праздникъ Стагш Апла Петра̀ и҃ Па́ула. другїихъ 500. пе́рперъ, на го́дъ ти́сащи пе́рперъ ду́бравачкійихъ. Є҃ще пи́шутъ Хрисо́вуле прародите́лей сице: А҃ще запу́сте́етъ хра́мъ А҃рхагглскіи, во Іеру́салимѣ. Тогда̀ вышерече́нный прихо́дъ дасе да́етъ восту́ю Гору́ у҃ о҃ва два̀ прародите́лска Мнты́ра, что су́ своимъ ца́рскимъ и҃ждиве́ніе воздвигли, Сты́и сумеш́нъ Не́мана, и҃ сы́нъ е҃гѡ Стый Са́вва Пе́рвый А҃рхїепкопъ Се́рвскій. и҃ и҃ный поними́хъ да́же доднесъ, Мнтыру хілендару, и҃ Мнтыру Стагш Па́ула; Мы же разумѣ́вше о҃пусте́ніе и҃разоре́ніе це́ркве А҃рха́нгелске во Іеру́сали́мѣ, и҃ сотво́рихомъ ѩкшже пре́жде рече́нно вѣ, да прихо́дъ что́ да́ваютъ дубравчани на Іерусали́мъ, дада́ваютъ у҃ Сту Го́ру; у҃ сіа̀ два вышепома́нута Мнты́ра. И послáхъ ѿ хіленда́ра, и҃ ѿ Стагш Па́ула, у҃ дубра́вныкъ чли́ке по Бо́жне, и҃ пра́ведне, Іеромона́хе А҃рсе́нїа, и҃ Ки҃ріла, согла́сно у҃тве́рдша дубра́вчани, разсѣкоша златни́къ на тро́е, и҃дадоша̀ два̀ де́ла, на́ два Мнты́ра сїл, Є҃дин дѣ́ль о҃ставиша, въ ка́сѣ свое́й, и҃ да прихо́де посла́никй съ разсѣ́ченимъ златы́комъ, на вса́кій годъ. давзы́маютъ пре́логъ сво́й, и҃ дасе бу́детъ да́вати, при́логъ ѿ дубра́вничана у҃рече́нный, доко́лѣ сто́йтъ дубра́вникъ, Хіленда́ръ, и҃ Сты́й Па҃ве́лъ; и҃ да бу́детъ ни́кимъ ѿ Є҃мле́мо ѿро́да̀ на́шегш, ни па́къ ѿйно́гш когѡ̀, будѝ кто̀ насле́дныкь дубра́вника, Сегѡ̀ ра́ди сотвори́хъ хрисо́вулу ѥвно́выхъ и҃подписа́хъ, ка́кш су и҃пре́ждный прародите́ли мой сотво́рилй. вовѣ́къ вѣка. А҃ще по слу́ча́ю да погу́бе мнтыры

своѧ ѿзлáтника дѣлца, потóмъ дâ пóйдѹ вѣрны члицы, и даўчине кáко и пéрвый, и да пріймаю мнтыры прúлогъ Свóй. докóлѣ мнтыры стóютъ; Мнóго мóлимсѧ всѣкому, кто наслѣдитъ держáву дубрáвникъ; да неразорúтъ ни да порѹшитъ, но бóлше да потвéрдитъ и сохранúтъ. Áще лѝ ктѡ бѣсовскíмъ наважденíемъ, покусúтсѧ разорúти приношéніе сіѐ, и дáръ Стымъ цркважъ тáковагѡ да разорúтъ Гдъ Бгъ, и престáа Бц̃а, ѝпрѣснѡ дѣва МАРÌА. и да бѹдетъ прóклатъ, ѿ Стыхъ Áпловъ, и ѿ Стыхъ Сéдмъ вселéнскіхъ Соборóвъ; и да ѹчáстіе ѥ̃мѣетъ, съ предáтелемъ Ю̃дóмъ Ìскарíотскимъ, и со рéкшими возмы̀ возмы̀ распнѝ ѥ̃гѡ. И сіѐ ѝз̀ вѣстное слóво цáрствамы, всѣмъ вѣрующымъ въ Гдâ нáшегѡ Ìисѹса Хр̃та. Писáхъ и ѹтвердыíхъ, ѹ Стѹдéницы, и ѹ Крѹшевцѣ Грáду. и ѹ Ёжéву Подъ пúсано, такожде, и дубрáвнику. Лѣта ѿ Ад̃ама ҂ѕпз. 6987. ѝндúкта 15. мц̃а Апрíйліа. ѿ воплощéніа Гóспода Нашегѡ Ìисѹса Хр̃та. 1489. лѣта. Áпрúліа 15. гѡ. ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~

ѿ йстога писма, цáрске хрісóвуле препúсáно 1836-гѡ. Óктомврíа 24-гѡ Сѹмеѡномъ Ìеромонахомъ хíлендар.

СѸЛТАН ЦАРЬ̃ МѸРАТА ЦАРÏЦА МАРА ☽.

(Прилогъ одъ Г. А. П. и Г. Г. М.)

3.

Тѵ́пикъ

ѿ

Постницы сѵ́тыѧ Саввы, въ немже надписанїе саморѵ́чное сицево:

Помяни Гд̃и дѵ́ши ѹсопшихъ рабовъ своихъ сѵ́ѧтѣйшихъ вселенскихъ Патрїарховъ

Начало премѵ́дрости страхъ гд̃нъ, разѵ́мъ же благъ всѣмъ творящимъ и̃,, тѣмже слышаще ѿ семъ, подобаетъ всякомѵ́ хотящемѵ́ спастиса, ѿ сего начинати, и ѹсердно подвизатиса шествовати тѣснымъ и прискорбнымъ пѵ́темъ, кратокъ бо ѣ́сть пѵ́тъ нашъ братїа моа любимаа, имже течемъ, житїе же наше дымъ есть, па́ра персть, и прахъ, вмалѣ авлаетса, и вскорѣ погибаетъ, ма́лъ есть трѵ́дъ житїа нашегѡ, великое же и безконечно благимъ воздаанїе, акоже рече велики апостелъ Павелъ, ихже око не видѣ, и ѹхо не слыша, и на сердце человѣкѵ невзыдоша, аже ѹготова богъ любящимъ его. Сегѡ ради и азъ всѣхъ послѣдный и грѣшный, и приснославый и ѹнилый къ подвигомъ дѵ́ховнымъ пріидохъ во сѵ́ѧтѵю горѵ́, и видѣхъ въ ней благоизбранна́а свѣтила, различными добро-

дѣтелми украшена, и подвиги дховныя вышеестественныя проходящаа. Тѣмже и азъ немощенъ богомъ укрѣпляемъ бывъ, подвигохся елико по силѣ моей, и устроихъ обитель сватѹю, домъ пресватыя владичицы нашея богородици и присно дѣви Маріи, и въ немъ общее житіе утвердихъ, еще же и въ карей, келліи доволни напрепочитіе, игѹменѹ и всей братіи приходящей изъ монастыря, устроихъ, таже паки таможде у Ораховицы ради безмолвія, содѣлахъ келлію съ цр҃ковію, въ нейже храмъ преподобнагѡ отца нашегѡ Саввы ѡсвященнагѡ, въ пребиваніе двѣма или тріемъ, по глаголю господню: Идѣже се ѥста два или тріе собрани во има мое, тѹ ѥсмь посредѣ ихъ. Тѣмже всѣмъ да бѹдетъ извѣстно, акѡ таковѹю заповѣдъ полагаю, да не имать власти надъ тою келліею, ни прот҃ ни игѹменъ сватога манастыра нашегѡ, ниже кто ѡбратіи да не смѹщаетъ живѹщаго, въ келліи, с҃тагѡ Саввы, и что обрѣтаетсѧ въ той келліи, или вино, или швощіе да не взымаетъ ничесого же ѡ тѡго въ монастыръ, и игѹменъ не раздаетъ инѣмъ, но паче да даютсѧ тѹ ѡ нашегѡ монастыра, поминанія ради, свѣщи с҃томѹ Саввѣ и масла за кандила, а ѡ иномъ всемъ на волю возлагаю игѹменѹ, и всей братіи, и аще возмогѹтъ чимъ присѣщати брата живѹщаго въ келліи сей, то вѣрѹю Богѹ, ако не шскѹдѣетъ горст҃ мѹки, и чванецъ елеа, и мою аще и грѣшнѹю наипаче имѣти бѹдѹтъ, въ помощь себѣ, и єгоже азъ шставлю по смерти своей въ той келліи, той да пребываетъ до кончины живота

своегѡ, непремѣненъ ни ѿ когѡ. Потомъ же паки сицевъ образъ полагаю, дабываетъ, да соберѹтся игѹменъ и вса братіа сватагѡ тогѡ монастыра, и изберѹтъ мѹжа богобоязлива, достойна жити въ келліи въ мѣстѣ томъ, кто либо мнѣ бѹдетъ и по согласію игѹмена ивсѣхъ почитающихъ мѣсто тое сватое, да посылаетса въ тѣ мѣсто, да имат же той всякѹ свободѹ и власть надъ тою келіею, акожде и прежде писахомъ, а монастыръ, и йгѹменъ да не ймать власти никоеаже надъ келліею оною, ни паки за наемъ, никтоже да поставлаетса въ келліи той, непотребенъ сый къ дѹховномѹ правилѹ, уставъ же таковый полагаю въ келліи той, и твердо да держитъ хотай жити въ ней, въ понедѣльникъ, средѹ и въ пятокъ ни масло да ѧстъ ни віно да піетъ, во вторникъ же и четвртокъ, масло да астъ и віно да піетъ, и въ пятихъ сихъ днехъ единою днемъ да астъ, въ сѹбботѹ же и недѣлю рибѹ и сыръ и вса прочаа дващи днемъ асти; во великіа же посты въ сѹбботѹ же и недѣлю масло асти и віно пити, а во иніа дни ни віна ни масла, въ пость же рождества Хр̃стова, акоже и во иньи дни уставихомъ, бѹди и въ той такожде. А въ постъ с̃тыхъ а̃пълъ, бѹди такѡ, акоже и во инны дны простыа уставихомъ. Въ пѣніи же да держитса сицевый уставъ: утренна и вечерна, акоже есть обичай; на утренни же чрезъ весь годъ да поютса по три кадісмы, а на вечерни, къ господѹ внегда скорвѣти ми, безъ тропарей; часы же пѣти разнѡ: первый часъ съ утреннею безъ Ѱал-

тыри, на третіемъ же и на шестомъ и на 9омъ часѣ, пѣти по три кадісмы съ метаніами, акоже овичай имамы, на всякомъ же началѣ кадісмы, Пріидите поклонимсѧ, и по 3 меданіи, и паки кончавше ѱаломъ и рекше аллилоуіа по три меданіи, или во вечерни, или на ѵтренни, или въ метимонѣ, или въ ѱалтири, или въ часѣхъ, или въ полоунощницахъ, всякой же слоужбѣ кончащейсѧ, и гдѣ глаголетсѧ Боже ѵщедри ны, по дванадесатъ меданіи; полоунощница же да поетсѧ въ церкви съ блаженнами по три кадісмы, и канонъ молебенъ богородицы, а что еще шстаетсѧ ѱалтири, то совершити или во дни или въ ноши точію да препѣваетсѧ ѱалтирь на день и ношь, въ соубботоу же вечеръ такш бываетъ акоже имамы овичай агріпніи, сице же поемъ на агріпніи: рекше прс̃тое и помилоуй мѧ боже, таже поемъ канонъ агрипніиный и потомъ да поетсѧ тетро є҃ѵліа глава едина, аще ли же невозможно, препловй, а потомъ начинаетсѧ слоужба ѵтренни, Шпѣвше шестоѱалміе, по Богъ господь пѣти три кадісмы и четврта кадісма, блаженни непорочный съ припѣтіемъ ангелскіи соборъ, и потомъ сѣдални и чтеніе, таже степенна всякое дыханіе и є҃ѵліе по є҃ѵліи же воскресеніе хр̃стово, помилоуй мѧ боже, и пѣсни за едино да поетъ единоу, посемъ канонъ воскресенъ акоже шбичай имамы, истомоу аще есть, и такш совершаетсѧ акш же подобаетъ. Ш сты́хъ же и божественыхъ літоургіахъ противоу силѣ да слоужитсѧ. Въ господскіѧ же великіѧ праздники, подобаетъ шпасно трезвитиса въ пѣніи и въ всеноц-

номъ вдѣніи, поминающіе слово гдне: вдите и молитеса да не внидете въ напасть, плоды во трудѣхъ своихъ снѣсте, и аще сіа совершите блажени вудете. — Сей же уставъ ѿ пѣніи и аденіи списахомъ, и моленіемъ молимса, акш даневудетъ претворенъ ниже ѿставлаемъ, развѣ аще случитса въ болѣзань впасти, но и тогда єликш крѣпости понуждатиса въ питіи же и аденіи, аще случитса нѣкоему любимому пріити къ тебѣ утѣшити та, тогда разрѣшаетса постъ кромѣ среды и пятка. ѿ свободѣ же места тогш, заклинаю гдемъ нашимъ іусъ Хстомъ, и пресватою его матерію, акоже написахомъ здѣ да невудетъ разорено, аще же кто сіе претворитъ, и смущати вудетъ въ семъ местѣ живущаго, или что взымати восхощетъ, еже есть въ местѣ тома или ѿ книгъ или ѿ икшнъ, или ино что годѣ вудетъ въ местѣ тома, проклатъ буди исвязанъ ѿ стыа и животворащіа трцы, отца и сина, и сватагш духа, и мною грѣшнымъ, и да не вудетъ прощенъ ни въ семъ вѣцѣ ни въ будущемъ, сегш ради написахъ и подписахъ свое рукописаніе въ лѣто ≠ѕѱз.

Всѣхъ послѣдный Савва грѣшный с. р.

тако подписаноо на подлиномъ

(Прилогъ одъ Г. Г. М.)

4.

ПИСМО БОЛНОГА ОРФЕЛИНА

(Прилогъ Г. Г. М.)

Мой прелюбезный Попо!

Доходіоси нѣколикш кратъ у Новый Садъ у дворь, и а превелико желанѣ имаосѧ тебе видити и цѣловати, и за то свакомъ дворскомъ нарѹчиваосамъ авити тебы ово мое желанѣ: обаче било всѣе, или они бамъ несказывали, или Вамъ было трѹдно овакш далеко пѣшице до мене доћи.

Єще у Іѹнію Мц҃ѹ прѣ҃ Праздникѡ҃ Ржтва с҃. Ішанна писаосамъ дѹховникѹ Петрѹ, да до моегъ Јакова пошле ми изъ моихъ у мнтырѹ҃ шставленныѣ вещей, самш три вещи коесѹми весма нѹждне, то есть: Єднѹ немачкѹ на среднѣ коло книгъ весма крѹпне щампе, такоћеръ Тацнъ или слѹжавникъ, на коемсѧ҃ держаш дивите и перо и прочаа до писана принадлежащаа, и къ томѹ и наипаче мое астално звонце. — Ѡ҃ дѹховника ни гласа ни послѹшанїа. И понеже ѡ҃ 5. Септ: досѧ҃ у превеликой немощи болѣзнѹемъ и єдва кѧ҃ кѧ҃ съ кревета устати могѹ: жена и чѧ҃къ, коими послѹжѹю, живе у дрѹгой

сови, мора̄ едно или дрꙋго почесто призывати, а волѣзанъ недопꙋща ми изъ собе излазити, а викати не могꙋ, пакъ ето бѣда и невола: Зато недавнш писаоса̄ и Отцꙋ Игꙋменꙋ, и наипокорнѣйше Бга̄ ради молїш, дами предреченне три вещи пошле, или баре̄ звонце мое. Ако не бы крайню нꙋждꙋ до нѣга имаш, не бы га искаш, некабы врагъ носіш, ніе Злато ни сребро, дасе Ремета съ нїм подпомогне.

Да отацъ Игꙋменъ мене навреме ꙋ Мнтырь приміо, и Братіа мене чрезъ оно време терпили, шса̄ весма благодаранъ свїм предъ Богомъ моимъ, понеже иначе ꙋбогъ бꙋдꙋћи возмездити немогꙋ таковꙋ милостъ и любавъ; а дса̄ ш томꙋ Стомꙋ Мнтырꙋ нѣкій шсобливый трошакъ ради мене ꙋзроковаш, ш по моей совѣсти незнамъ, кромѣ еднога віна. Ви знате мою фꙋрнскꙋ кꙋиницꙋ, гдѣ мой слꙋжитель мени ѣло мрсно готовіо, кое како и хлѣбъ кда̄ кда̄ изъ Карловца кадкда̄ изъ Новогъ Сада кꙋповао ми; Признаемсе драговолнш, дса̄ ꙋ постне дне млогш пꙋтъ рꙋчаш и вечераш съ Братїами ꙋ Трапезаріи: обаче ни єданпꙋтъ нса̄ незванъ ишао, какш сви знате. — Са свимъ тїм кадса̄ изъ Мнтыра пошао, нса̄ ниша сасо̄ однео; све мое ствари, Иконе, астали, долапи и прочаа, шсталесꙋ ꙋ Мнтырꙋ; све те Ствари небкіле мени безъ новаца; и такш по Совѣсти моей говорїм, да трошакъ, акое кои изъ Мнтыра на мене быш, оне Ствари доволнш допꙋнаваю, и ш изъ ѝ вавѣкъ ниша дрꙋго неиціѣ̄, кроме онꙋ мени нꙋжднꙋ книгꙋ

коюсѧ токмо прѣ мои походо изъ Лайпцыга полѹчіо, и ако небы была она велика, тобы ю ню амо сасобо понесао; оно у Мнтырѣ никомѣ нетребѹетъ; Нека къ врагѹ и Тацнъ иде; али Звонце крайнѣ ми есть нѹжднш.. Оно коштѹе у Бечѹ форинтъ, еда Мнтырь Ремета съ томъ форинтомъ подпомоћисе вѹде? овдѣ таковогъ звонца достати немогѹ, а аковысе и нашло, но ю новаца неймѧ кѹпити.

И єщє ово послѣдный кратъ Тебы, какш моемѹ особливомѹ любезникѹ пишемъ, да Вы тє ствари, наипаче Звонце кодъ Оца Игѹмана исходатайствѹєте чрезъ едногъ пернаворца у дворъ, или барѣ у Карловце до моега шкова пришлете; аколи и такш не вѹде мое нѹждное прошеніе примлено: то ѧ оставлямъ оному, коемѹ ю дѹхомъ мои слѹжй.

Впрочемъ цѣлѹюћи тебє, просй кадъ дошешъ у Н. садъ, непропѹсти какого можешъ къ мени доћи.

у Но: Садѹ
29. шкт: 1784.

Твой искреннѣйшій Орфелінъ.

тако сѧ немощанъ, що за три дана ово писмш писаосамъ, умилссердисе Богѧ ради узети и послати ми требѹемое.

Акосѣ дх҃овникъ мой, и Отацъ Игѣманъ мене такш страшнш возненавидѣли, заиста и сердечнш жалн҃: понеже и всѣмъ сердцє҃ мои҃ вѣрѣемъ Бг҃ѣ, и за то нитко мене возненавидѣти не може, прежде нежели таковый Г҃да моего Іи҃са возненавидитъ.

Ако имашъ за єднѣ марамѣ Зимнн҃ шѣвка послати ми за дѣшѣ, да могѣ са ситнн҃ морскн҃ грожђемъ кѣвати и ѣсти, и мало сѣхихъ шлива.

5.

ПИСМО МИТРОПОЛИТА КІЕВСКОГЪ

АРХИМАНДРИТУ РАИЋУ.

(Прилогъ одъ Г. Г. М.)

Reverende pater Archimandrita Joannes!

Frater in Christo Dilectissime!

Amore, quo erga Te propendeo, amicitia, quam sartam tectamque hactenus servo, adducor, ut Te hisce litteris meis compellem: Quoquo locorum versabar, quocunque muneris genere gaudebam,

nusquam et nunquam Tui memoriam deposui. Hinc factum est, ut nihil intactum relinquerem, quo de Te Tuoque statu certior evaderem. Primus exstitit admodum reverendus Pater Habbacuc Milankowicz, Archimandrita monasterii Donski, quod est situm in urbe Caesarea Mosqua, vocaturque σταυροπήγιος, qui mihi et vitae tuae genus, et labores, quibus non immoraris, sed immoreris, et virtutes, quibus explendescis, ad vivum depinxerit. Ei itaque, quod meis votis fecerit satis, gratias ago, mihi, quod Te vivum et incolumem esse audiam, gratulor, Tibi vero, tanquam pristino, eique carissimo meo amico, amorem meum testor, rogoque, ut eodem erga me animo sis, quo olim me complectebaris.

Commendo Tibi reverendum patrem supra memoratum Archimandritam Habbacuc, virum probum, prudentem, de patria nostra optime meritum. Dignus est, quem in numerum Tuorum amicorum referas.

Duo volumina Theologiae Theophanis Prokopowicz per huncce tabellarium ad Te expedii, commisique curam cuidam amico meo, ut etiam tractatus Zernicawi, de processione Spiritus Sancti, per eundem tabellarium ad Te transmitterentur. Utinam citra ullum damnum perveniant! Omnes isti libri mea cura et studio in lucem prodiere. Pergratum facies, si eos aequi bonique consulueris.

Caetera faxit propitium numen, ut omni bonorum genere abundes, floreas, et vigeas. Ita vult et precatur

Tibi ex animo faventissimus,
Humilis Samuël Mislawski
Metropolita Kiiowiensis et Halitzensis.

1784 Anno Martii —
III. die. dabam Kiiowiae
in cathedrali Monasterio
Sanctae Sophiae.

(ПРЕВОДЪ ИСТОГА ПИСМА.)

ЧЕСТНЫЙ ОТЧЕ АРХИМАНДРИТЕ ІОАННЕ!

БРАТЕ У ХРИСТУ ЛЮБЕЗНѢЙШІЙ!

Любовь, кою спрама тебе имамъ, пріятельство, ков самь досадь невредимо и непоколебимо задржао, побудило ме є, да Ти ово писмо пишемь. Гди самь годь быо, и какове самь годь дужности имао, нигди и никада на тебе заборавляо нисамь.

И тога ради ништа пропустіо нисамь, како да се о Теби и станю Твоме извѣстимъ. Првый є быо Честный Отацъ Аввакумъ Миланковиħь, Архимандритъ Монастыра Донскога, кои се налази у Царскомъ граду Москви, подъ именомъ Ставропигіонъ, кои є мени како начинъ живота Твога, тако и послове, коима се Ты занимашь или болѣ реħи надъ коима умирешь, а и добродѣтельи, коима просіявашь, живо описао. Я нѣму, кои є желю мою задовольіо, благодаримь, и себи, што знамь да си живъ и здравъ, честитамь, а Теби, као староме и предрагоме пріятелю, любовь мою засвѣдочавамъ, и молимъ, да ме онако исто у души и срдцу задржишь, као што ся ме негда држао.

Я Ти препоручуємъ Честногъ горепоменутогъ Отца Архимандрита Аввакума, као човека доброгъ, разумногъ, и о нашемъ отечеству млогозаслуженогъ. Онъ є заиста достоянъ, да га Ты у число пріятеля Твои пріймишь.

Шилѣмъ Ти две свезке Богословіе Прокоповиħа по овомъ писмоноши; я самь и єдномъ пріятелю момъ препоручіо, да и Трактатъ Зерникава о происхожденію свитаго Духа, Теби по истомъ Листодавцу пошлѣ. Желимъ да ій невредиме пріймишь. Све ове кньиге моимъ су трудомъ и настояванѣмъ на светъ изишле. Мило ħе ми быти, ако Ти се допадну.

У прочемъ ти одъ преблагога Бога свако добро, срећу и здравлѣ жели

Теби одъ свега срдца преданый понизный Самуилъ Миславскiй Митрополитъ и Кіовскій Халицкій.

1784. Марта 3. у Кіову
у Соборномъ Монастыру
Свете Софіе.

6.

ПИСМО

РАЗУМОВСКОГЪ ПОСЛАНИКА РУССКОГЪ

АРХИМАНДРИТУ І. РАИЋУ.

(Прилогъ одъ Г. Г. М.)

ПОЧТЕННЫЙ ОТЕЦЪ АРХИМАНДРИТЪ!

Письмо Вашего Высокопреподобія ко мнѣ, отъ 15.го Апреля, я исправно получилъ, вмѣстѣ съ другимъ Вашимъ благодарительнымъ къ Ея

Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государыни моей, которое я не оставлю отправить въ Санктпетербугъ; При семъ принося вамъ искреннія мои поздравленія, по случаю полученнаго Вами, посредстомъ моимъ, отъ Ея Величества подарка въ знакъ высочайшаго Ея къ Вамъ благоволенія, прошу тутъ же принять увѣреніе объ отличномъ моемъ почтеніи, съ коимъ я всегда къ Вамъ пребуду.

Вашего Высокопреподобія

Покорной слуга

Г. Андрей Разумовски с. р.

Въ Вѣнѣ

$\frac{16}{27}$ Іюня 1795.

7.

ПИСМО АРХ. ЗЕЛИЋА

АРХИМАНДРИТУ ЛУКІАНУ МУШИЦКОМЪ.

(Прилогъ одъ Г. Г. М.)

Пречестнѣйшїй Гдїнъ Архїмандритъ, мнѣ во Хртѣ Братъ любезнѣйшїй Здравствуйте!

Чертанїе Ваше ѿ 6го Септемврйа ѿпуѣшеное йзъ М. Беочина, здѣ вашемъ Прйателю, имѣлъ а честъ оное чйтатъ, й полуѣйтъ братское Поздравленїе й Ізраженїе; которое возбѹдйло дѹхъ мой чрезъ сего васъ посѣтйтъ й Іскрено вамъ благодарйтъ; ѡбаче бивший а старъ 70. прошедшйхъ лѣтъ, йсамъ Гдъ Богъ вѣстъ сподобитъ лй мена ѹзрѣтй векъ мое любймое отечество, й въ чемъ нй будъ ему Полезенъ бйтъ, й со всѣмъ тѣмъ что а страждѹ за мою православнѹю вѣрѹ, и церковъ, восточнаго вѣройсповѣданїа, й хотя а ѹ чѹжйхъ странахъ оставлю костй й сей сѹетнй Мйръ, с великою моею радостйю й много задоволѣнъ ѿ сюдѹ преселюся; того радй что а могъ битй єдйнй немощнй сосѹдъ йслабое орѹдйе; вйгнатй столь сйлнаго й на

власти ѹтвержденаго и дикако волка из Стада Христова: Которїи ища оное поглотити; и за своїе Славолюбїе и собственй маловремени скверни Интересъ оное продати; и еже ли властъ вышнаго творца, и правосѹдие и человѣколюбие нашего Монарха, ѹдостоитъ мена и мое отечество ѹзрѣти во ономъ Славяно-сербскаго Сина, за Архипастира восточнаго вѣроисповѣданїа и непоколебимаго Столпа ѹ своме законѹ, и ревнителя за просвѣщенїе своего Стада и Нацїе; тако а бѹдѹ остатъ попремногѹ награжденъ и задоволѣнъ, и хота би и ѹ гробѹ находилса, а особито еже ли паднетъ то жребїе на онаго котораго а и все мое отечество желаемъ, хота намъ и не знакомъ, о которомъ слѹхъ разноситса по Далмацй и прочаа...

Б прочемъ остаю васъ о Хрте цѣлѹа; и врочаа себе вашимъ молитвамъ и Братской любви ѹ Бечѹ на 28. Октомврїа 1822.

Вашегш вйсокопреподобиа о Хрте Братъ и Слѹга

Герáсімъ Зелићъ Архиман.
М. Крѹпе. бывши Викарїо. Ген.

8.

ПИСМО ДОСИТЕА ОБРАДОВИЋА

ПЕТРУ НИКОЛАЕВИЋУ МОЛЕРУ,

ВОЙВОДИ СРБСКОМЪ.

Високоблагородни Господине Войвода,

Г. Петаръ Николаевичъ Здравствуйте!

На Ваше прелюбезно Писмо и я желимъ Вами по задоволству Вашему одговорити. Изъ почетка дозволите мени како съ любезнимъ моимъ попрошалитисе, за два узрока. Перво, кадъ Вы мени толико широко и пространно пишете, и чрезъ то мени свою топлу показуете любовь, валя да се и я промучимъ и сващо измислимъ тако да и мое писмо Вашему толико у любови колико у усердію возотвѣствуе. Ние право да любими любимимъ у любови стражни остаю. Втори узрокъ шале мое естъ совершенно присвоеніе и увѣреность Вашега къ мени пріятелства знакъ; защо скимъ би се ко могао радіе и слободніе шалити него са свои любезни пріятельи, кои

сващо за добро примаю и на добро окрећу и толкую, нити за кою погрешность замѣраваю. Любовь множество покриваетъ грѣховъ (вели свето писмо.) Оћу дакле одъ шале да почнемъ. Али ми стои на путу и смета ми наша пословица Сербска, коя вели, свака шала полакъ истине. Стара и проста пословичица, али є премудра, превисока и прекрасна у свой старости и простоти своей. Свака шала полакъ истине. Заисто одъ ове четири речи могла би се сочинити цѣла книга одъ много табака. Пакъ кадъ є то тако, єлисе дакле слободно шалити? а да защо не? кадъ би шала и сва истина била, защо би се добри люди одъ истине бояли? защо би одъ нѣ бежали? и защо би на ню мрзили? то неби добри люди били. А мы нисмо ради да смо зли люди. За то слободно намъ є шалитисе, ако ће наша шала и сва истина бити, а некамоли полакъ. Ево би я садъ почео одъ мое шале писати, алъ ми опетъ нещо друго стаде на средъ пута и препречи ми га, тако да садъ не могу ни на десно ни на лево, на трагъ вратитисе срамота, а на предъ недасе. Да щоћемо садъ? стоянћемо овде гди смо и чекати; (време дае совѣтъ.) А каква є то препона? (рећићете) коя ти недопушта ступати кудъ си пошао. Ово є, веле ми сви да самъ остаріо, пакъ ако садъ опетъ почнемъ као у младо доба шалитисе и играти, свакъ ће рећи: Ето ти га! Остаріо а ћуди ниє оставіо. А други могу

рекши одъ старости опетъ дететомъ постао. Ово би добро било, защо Божіе слово вели: оставите дѣти приходити ко мнѣ. Ево ти намъ шала са полакъ истине. Вы ми являте, да би ме радо видити хотели, и да би ако ни защо друго, зато у Белградъ дошли; то самъ я изъ дугачкогъ вашега и усердногъ писма принуѣенъ вѣровати; понеже да тако немислите, ко би Васъ усиліо тако писати? Люди храбри и Витезови Вама подобни, кои се ни одъ смерти за добродѣтель не плаше, за чии би се атаръ претварали и говорили и писалк оно ща не мисле? Мала сердца и слабе душе предаю себе ласно и за багателу ласкателству и претворности, и говоре противу свога чувствованія и мудрованія — . Али съ моѳ стране я би паметніи быо да се чувамъ и недамъ да ме гди видите, защо я крозъ то не само неби нища добыо, него би іоще много щетовао и изгубіо. А како то? ево како. Докъ ме невидите, Богъ зна ща о мени мислите! да самъ некакавъ веелнкій човекъ, да ми се на челу, на носу, на свемъ тѣлу и на самимъ альинама неки знаци науке и мудрости виде и познаю; а кадъ би ме видили, могли би ласно, као и многи други, рећи: ха! меѣеръ то ли ѳ онай, о комъ самъ я чудеса мечтао, и себи представляо. Пакъ іоще кадъ многи говоре, онъ ћути, права ѳ ћуталица. Довде ѳ моя шала; ако Вамъ се види да ѳ крива, а не права, моя ѳ, а не Ваша. То се гдигди слу-

чи, али не свуда, наодисе и неко сродство душа и умова, кои, колико се више познаю, састаю, а навластито на само разговараю, толико се већма спріятеляваю, срођаваю и возлюбляваю, колико да су отъ сложенія міра пріятельи сродници и искренни друзи и любимци били. И ово се нариче и есть сродство душа, и безъ овога неби никакова добра међу людма било. Я Вамъ любезный мой, благодаримъ на изяснѣнію Ваше къ мени доброте, и радуемсе да видимъ у Сербскомъ Витезу и обранителю лепу и просвещенія рачителну и желателну душу. Желимъ да Васъ видимъ и да съ Вами живимъ. Радуемсе да Вамъ є лакше одъ рана. Прехвалне и преславне за прадраго отечество ране, толико чини и равно колико да су за Христа Спасителя, за вѣру и за Церковь Божію! А И ЄСУ. Шалѣмъ Вамъ мою последню у Венеціи щампату книжицу, моралну філософію, аколи већъ такову имате, а Вы ю поклоните другому ко радо чита. Я остаемъ

У Белграду. Маіа 23. 1808.

Вашъ любитель и покорный Слуга

Д. Обрадовичъ.

9.

ПРОКЛАМАЦІА

ГЕНЕРАЛА КАМЕНСКОГЪ ИЗЪ СИЛИСТРІЄ НА СРБЛЂ.

(Прилогъ за Исторію народа Србскогъ одъ М. С.)

Отъ главнога Коменданта надъ свомъ Русискомъ войскомъ Молдавіе, Валахіе, Бессарабіе, и съ ове стране на Едескомъ брегу Дунава Генерала и Кавалера Графа Каменскога.

ВЕРХОВНОМУ ВОЖДУ, ПРАВИТЕЛСТВУЮЩЕМУ СОВЂТУ И ЦЂЛОМУ НАРОДУ СЕРБСКОМУ.

Храбри Серби! Вама су позната стараня нашега честитога Цара Александра за Ваше добро и слободу. У прошасти нѣколико месецы Вы сте были у великоме неспокойству; я кои самь наређенъ одъ мога Цара, сада долазимъ Васъ утѣшити, и сва обѣщанія, коя су учинѣна отъ стране Росіиске Народу Сербскому испунити, сада самь прешао на ову страну Дунава, како

ће Вамъ изъ уста казати Черногорскій Архімандритъ и Русінскій Кавалеръ Господинъ Спиридонъ Филиповичь; онъ ће Вамъ донети отъ мене ово писмо, кои є бio очевидацъ свію мои приуготовленія, и казаће Вамъ изъ уста, колико се старамъ по заповести Цара мога за Вашу срећу и за Ваше избавленіе отъ Турака. Само вы будите међу собомъ отсадъ и у напредакъ сви сложни и соєдинћни, єдинодушни и неустрашими, да бы могли ослободити ваше любимо отечество; закуните се предъ Божіимъ Олтаремъ, да ћете се у напредакъ као браћа любити, и да ћете заборавити све, што є пріе незгодно и вашой срећи противно было. Истый выше поменутый Архімандритъ Филиповићь, кои ће до садъ быти кодъ Васъ, казаће Вамъ да є садъ време дошло, да се испуне сва обћщанія царска Вамъ учинћна. Генералъ-Маіоръ Графъ Цукатовъ приміо є отъ мене потребну заповћдь да пређе скоро преко Дунава, да соедини Россиску войску са Србскомъ, и да донесе Вамъ сваку потребу у новцу и у цебани, и тако заєдно и сложно вы отуда, а я съ моіомъ великомъ армадомъ съ помоћію божіомъ и пречестите Богородице подъ покровителствомъ Орла Руссійскогъ отовуда, да сатремо и сокрушимо общега врага вћре и закона Хрістіанскога. Сада съ помоћію Божіомъ я самь већ побћдіо силнога Пеливана, нћга съ другим пашама и господомъ турскомъ

живе похватао, осамъ хиляда Турака пало мртвы, а остали су ранѣни и разбѣгнути; крѣпки градови Турски, као Туртукай, Базарџикъ, Кузлуџіе, Коварна, Желенлерибурно, страшна и до садъ никадъ неузета Силістріа и многа места у Бугаріи, све в то всесилный Богъ предао у наше руке, и покоріо нашему славному и честитоме Цару Александру Первому.

Похитите дакле и вы храбри Сербли, наша вѣрна браћо и союзницы, покажите и вы съ ваше стране силу вашега оружія съ нама соединѣни подъ покровителствомъ благочестивога Императора нашега; покажите Туркомъ силу оружія вашега; скоро ће съ помоћію божіомъ быти у нашим' рукама Рушчукъ, Варна, и Шумля, на кою сада иду мои конньицы. Братіо моя, опетъ вамъ препоручуемъ, да сте сложни и у любови единодушни, а Богъ силный у сраженіяма покорије враге наше, и побѣдити, коему единому буди слава, а мы смо исполнительи нѣгове судбине.

Генералъ и Кавалеръ
Графъ Каменскій.

У Граду Силистріи 30. Маія 1810.

(Примлѣно у Београду 17. Юнія 1810.)

10.

СРБЛЬИ У РУССІИ.

(Прилогъ за Исторію народа Србскога.)

Изъ Аполлона Скальковскогь: Хронологическое обозрѣніе Исторіи новороссійскаго края, Одесса 1836.

Іоште подъ Петромъ великимъ позвани су были у Руссію изза граница' єдиновѣрни воєнни люди ради устроєнія лагке войске, коя бы у стаю была чувати и оддржати стражу пограничну; єръ су онда држали, да русска войска ние способна за то, да постоянну воєнну службу издржи, нарочито тако мучну, какова є изискивала се противъ непріятеля', тако хитры и неуморимы', као што су Турцы и Татари были. И зато позвани буду Србльи и Унгари (подъ именомъ Унгари, Венгри, разумѣваю се Србльи изъ Унгаріе), кои су онда у Европи за єдине способне войнике за лагку конньичку службу држани. Мы наилазимо на врло знаменита извѣстія о ньима у законима Русскима, писанима у почетку XVIII. вѣка, коя садъ служе истражителю за саму подпуну историческу архиву.

У Грамати, кою є Петаръ I. Императоръ у лѣту 1723. Окт. 27. Маіору Ивану Албанезу издао, назначено є ово: „Єго Императорское „Величество воспріялъ намѣреніе, въ Украин„скихъ городахъ содержать нѣсколько полковъ „конникъ Гусарскихъ изъ Сербскаго народа, а для „призыву и для принятія оныхъ Сербовъ, вру„чена коммиссія оному Маіору съ такимъ обна„деживаніемъ; которые изъ упомянутыхъ наро„довъ прійдутъ добровольно въ Россійскую служ„бу, то имъ давано будетъ жалованье, такожъ раціи „и порціи, по ихъ рангамъ и службамъ, какъ они „оное получали отъ Єго Величества, Цесаря „Римскаго, въ прошедшія войны.“ Такимъ начиномъ састави се у години 1727. изъ прешавши Србаља у Россію Србскій Гусарскій полкъ, и овай оправљањъ буде на службу у Украину, па после противъ Персіе; а за оне, кои су између њи оженѣни и съ породицомъ были, одређене буду земљѣ за насеље. Године 1729. по проекту Фелдмаршала Князя Голицына, буде Србскій полкъ одъ 600 людій намѣштенъ између укрѣпљѣногъ мѣста Тора (садъ Славянскъ) и Линіе. У години 1732. на прозбу Маіора Албанеза, они на Персійске границе отправљѣни Усари буду враћени, и указомъ одъ 19. Маія исте године, опетъ поселѣни на свое земљѣ. Најпосле по представљѣніи Графа Фонъ-Вейсбаха поради потребе за умноженѣ числа в йске Усар-

ске, на заповѣсть Анне Іоанновне буду Србльи по другій путъ позвани на службу, и полкови изъ ньи саставлѣни садржавалису се изъ доодака Малороссійски (1733.)

Говори се, да су Срби Аустрійски око' половине XVIII. вѣка трпили гоненіе за вѣру; и то преданіе іоштъ е живо кодъ Русски' Србаля. Или зато, или што довольно отлячія у служби воєнной налазили нису, у почетку друге половине XVIII. вѣка изненада пређе множество Србаля у Руссію, и потраже за себе ново отечество.

У години 1750. Полковникъ Аустрійскій Иванъ Хорватъ одъ Куртичь, родомъ изъ Унгарів (изъ Генералата Славоніе, града Петроварадина) са многима своима рођацима и официрима, све самима Србима, явисе Россійскому Посланику Графу Бестужеву Рюмину, да они желе на вѣки преселити се у Россію. И Императрица Єлисавета прими благонаклонно ово предложеніе Србаля, и Рескриптомъ одъ 13. Юлія 1751. заповеди посланику своєму, да обяви Полковнику Хорвату: „что не только онъ „и другіе офицеры, но и сколько бы изъ нихъ „Сербскаго народа въ Россійскую Имперію пе„рейтить похотѣло, всѣ оные, яко єдиновѣр„ные, въ службу и подданство приняты будутъ.“ После тога Императрица Указомъ своимъ одъ 24. Дек. 1751. утврди условія, коя е Хорватъ

у поменутой просби предложіо, и назначи овима првима преселившимъ се Србима „земли плодоносныя, и для житья человѣческаго выгодныя,“ и то на Украини, т. є. пустинѣ, почевши одъ улива рѣке Синюхе у Бугъ на Польской граници скоро правомъ линіомъ до главе рѣке Ингула (изза Єлисаветграда). Скоро за тимъ дође Хорватъ са официрима, роћацима и породицама Србскога народа одъ 218 людій у Окт. 1751. у Кіевъ, и ту проведе зиму. У Декемвру буде позванъ у Петрбургъ, ради обясненія за исто населѣ. И садъ буде опредѣлено место, гди ће се ови Србльи населити, и то одъ Кіева по рѣци Днѣпру до Очакова, и пустиньомъ до Азова, съ означеніемъ линіе Украинске, области Турске и Польске. И ово буде утврђено торжественно Высочайшомъ Граматомъ, данномъ Хорвату подъ 22. Януар. 1752. и после Привилегіомъ 1753. Април. 5.*) На пролеће исте године 1752. Хорватъ скупившій свое отечественнике Србље пресели се на исту назначену землю. И тако се учини прво военно земледѣлческо поселеніе у пустиньи Новороссійской. —

Изъ овы Србаля, и други, кои су се преселяли, састави Хорватъ по основу свога наста-

*) Ова Привилегіа налази се у XXIII тому „Полнаго собранія законовъ.“ Точка 6. овако гласи: Сіе поселеніе Гусарскихъ и Пандурскихъ полковъ названо, и именовано быть имѣетъ Новая Сербія.

вленія еданъ Србскій конньичкій ради отличія одъ онога на линіи поселѣнога, названый Усарскій Хорватовъ полкъ, и еданъ регуларпый пѣшачкій подъ именомъ Пандурскій полкъ. Осимъ шанца Новоархангелскогъ оснуе Новомиргородъ, кои буде Штабскимъ квартиромъ Хорватова полка и столицомъ целога населя; и у Новомиргородъ и около нѣга на рѣци Виси и Синюхи населе се доцніе у год. 1756. Црногорцы; одъ кои и данасъ западна часть Новомиргорода зовесе Черногорія, гди преко толики премѣна и садъ іошть Срби и Славяни живе.

За дружиномъ Хорватовомъ явесе и други преселѣницы у год. 1752-1753, као Србски Полковницы Іоаннъ Шевиѣь и Райко Прерадовиѣь, кои су служили подъ Императрицомъ Маріомъ Терезіомъ. И указомъ одъ 29. Маія 1753. примљена буде просба ньиова, съ тимъ налогомъ: да се Шевиѣь и Прерадовиѣь пріймаю у военну службу као Генерал-Маіори, а приставши узъ ньи люди да се подъ ньиовимъ начальствомъ поселе одъ стране Воронежске Губерніе, левомъ страномъ Днѣпровске пустинѣ измеѣу рѣке Луганѣ и Бахмута, по десномъ брегу сѣвернога Донца, и као и први посельѣницы у сусѣдству Запорожаца. Земљ овога населя прострле су се на 15. врста одъ старе Украинске Линіе, и по потреби съ временомъ пру-

жиле су се и даль у пустыню. Шевићь и Прерадовићь саставе изъ людій съ ньима дошавши' два Усарска полка подъ своимъ именомъ, и два пикинерна, у кое су и други поздніи доселѣнницы ступали. Бахмутъ, утврђеный градићь на самой мећи линіе, взбранъ буде за главный квартиръ; и Бахмутскій козачкій полкъ ушао е у составъ новога населя. Генералъ-Маіоръ Артиллеріе Глѣбовъ буде опредѣленъ одъ Императрице, да онъ настои, да сва условія Новосрбскога населя буду испунѣна, и да се назначене тврдинѣ и шанцеви поставе у военно станѣ. И тога ради буде Генералу Шевићу и Прерадовићу приданъ Инжеперъ и Полковникъ Бибиковъ, кои се старао, да роте, и села, отискуюћи се ближе у пустыню, поставе се у станѣ обранительно. И ово е была друга часть военно земледѣлческога населя у пустыньи Новороссійской.

После су и други населѣнницы овамо долазили. И сва ова населя, одъ кои су постали укрѣплѣни шанцеви и роте, принадлежала су къ полковима, и зависиласу одъ общега военнога Начальника. Оберкоменданти у тврдињама Св. Єлисавете, и Св. Анне были су найстарій после Хорвата военни Началницы на Србской и Украинской линіи. Генералъ-Маіоръ Шевићь и Прерадовићь управляли су своима полковима и своимъ населѣмъ оддѣлѣно одъ Хорвата, и под-

чинѣни су были само воѣнной Коллегіи. И такимъ начиномъ є сва пустыня была окружена укрѣплѣнымъ ланцемъ составлѣнымъ изъ овога воѣнно-землѣдѣлческога населя. Іеште Указомъ одъ 11. Ян. 1752. добыло є ово насе́лье име „Нова Сербія,“ а у год. 1754. за споменъ тако важнога догађая издана є была прекрасна медаля съ надписомъ: Nova Serbia Constituta, а доле MDCCLIV, да бы се съ тимъ овѣковѣчіо споменъ доброга дѣла, предузетога Правителствомъ, ако бы преко надежде по вольи Промысла недошло до савршенога успѣха. — — — —

У год. 1759. овай новый край, кои є, као што смо видили, велику часть пустынѣ заузимао, добыо є вешь видъ благоустроѣне области. Хорватъ є смѣло на своима писмама ставляо: „дано у Новой Сербіи.“ Указъ одъ 9. Марта 1759. поставіо є у Новомиргородскомъ шанцу некій родъ Главнога Присутственнога мѣста (Трибунала или Судилишта) подъ именомъ: „Канцелярія Новосербскаго поселенія; а у години 1760 на ново буду преобразовани нѣгови полкови, и одређенъ буде Гарнизонъ у Новомиргороду, као граду, кои є вешь знаменитый видъ показивао, и почемъ се тамо налазіо Штабскій квартиръ Главнога Начальника Области. Съ оне стране Днѣпра быо є Начальникомъ Славеносербіе (тако се ова часть Србскога населя

називала) Генералъ-Маіоръ Прерадовичь, кои є особито одъ Генералъ-Фелдцейгмейстера зависіо, и нѣгово главно пребыванѣ, као и канцелларія, было є у Бахмуту. Но како годь што су Нова Сербія и Заднѣпровска область была оружана населя на чуванѣ граница одређена, тако су они, премда у другима дѣлима своима непосредственно Сенату подчинѣни, но по струци службе воєнне зависили одъ воєнне коллегіе.

Дѣлима духовнима у Новой Сербіи съ првогъ почетка управляо є Митрополитъ Кіевскій, кои є Архимандрите и Свештенике и у Запорожской войски поставляо; а после Епископъ Переяславскій и Бориспольскій. А у Славеносербіи т. є. за Днѣпромъ, био є духовнымъ пастыремъ Архіерей Бѣлгородскій, као найближій (одъ год. 1756.). Оваковомъ опредѣленію Генералъ-Лейтенантъ Хорватъ силно се противіо, представляо Синоду, да є у Новосербіи онъ основао и подигао Манастыръ, гди є вечь назначенъ за Архимандрита Софроній; далѣ да є онъ позвао изъ Сербіє Епіскопа, и да є искао, да се истый посвети и постави за Архіерея на обе нове области; но Синодъ не согласившій се на устроєніє нове Епархіе (по готову не Русске), и збогъ малога числа црквій и скудости жителя іоште не нуждне, оштро є запретіо Хорвату: „да онъ самовольно неисключує она духовна ли-

„ца, коя є Синодъ или Епархіалный Архіерей „опредѣліо.“ (Указъ 1760 год. Септ. 22.).

Садъ да бацимо скорый погледъ на внутреный саставъ овога, єдва текъ устроєнога Россійскога края. Све населье називало се вообще „Новосербія или Новосрбскій Корпусъ,“ и состояло се изъ две части, лежеће са обе стране Днѣпра; и то

I, Нове Сербіє, съ главнымъ градомъ Новомиргородомъ и тврдиньомъ Св. Єлисавете; ова се простирала одъ Новоархангелска, правомъ линіомъ дужь Польске границе (на 60-врстно скоро разстояніе) до Крюковскога шанца на Днѣпру, или до самога улива рѣке Омельника у Днѣпръ.

II. Славено-Сербіє, гди су главни градови тврдинѣ Бахмутъ и Бѣлевская (садъ Константиноградъ) на линіи Украинской, куда є поздніе пренешено главно управленіе, т. є. Славено-Сербска Канцелярія. Она се простирала дужь линіе, одъ края Украинскога на линіи поселенія, до станишта Донске войске, кое є оддѣлено одъ ньиовы земаля уза сву дужь токомъ рѣке Сѣвернога Донца.

Новосербія и Славеносербія дѣлила се на Полке, а Полкови на роте, села, или шанце. Свака рота имала є особитога военнога Коммандира и Ротно Правленіе; свако село имало

є два имена: єдно старо — одъ предѣла, а друго — числено одъ №' роте.

Но обе ове области граничиле су са Запорожцыма и Турскотатарскимъ владѣніемъ. Да бы прекратили њиова нападаня, и сачували миръ и спокойство у оба насеља, они су држали кордонъ, или пограничну стражу, коя є одвеђь трудна была, и надалеко простирала се. Одтуда се появила нужда ради умноженя количества лагке войске, коя по ондашнѣмъ мнѣнію, или предразсудку, морала є состояти се изъ уссарски' полкова, и то непремѣнно изъ Унгарскога или Србскога народа. И одтуда є произишло и народно преданіе, ков се до данасъ у овой пустыньи сачувало, да речь Сербъ и Усаръ (Гусаръ) єдно и исто значи.

У седмогодишнѣмъ рату између Нѣмаца и Прайза (одъ год. 1756 — 1763), была є прва прилика, гди су участвовали Новосрбски Усари.

До почетка Прайзскога рата (до год. 1756) садржавали су се у Новосербіи слѣдуюћи Усарски полкови 1, Сербскій (или Старосербскій) 2, Унгарскій 3, Грузинскій (бывша рота Грузинска) 4, Молдавскій. Они су се попунявали само уврбованима или добровольницыма изъ Србске, Бугарске, Македонске, Молдавске и Грузинске націе.

За време седмогодишнѣгъ рата (одъ 1756 — 1763) буду устроєна іоштъ 4 полка, као 5, Жутый, устроєнъ Полковникомъ Жвачикомъ 6, Македонскій, 7, Бугарскій, (іоштъ неустроєнный), 8. Хорватовъ Србскій; кои су саставлѣни были изъ они людій, кои су съ Хорватомъ у Россію дошли, или су се доцніе у нѣговомъ населю намѣстили. 9, Слободскій, саставлѣнъ изъ Слободски Козака, поселѣны за границомъ Новосербскомъ.

Између овы Старосрбскій, Хорватовъ, и Слободскій, были су поселѣни, остали сматрали су се као польски. Но сви су они, осимъ полка Хорватова, были врло ненапуни и нису могли испуняваги службе (у Србскомъ было є 1045; у Унгарскомъ 510 людій, у Грузинскомъ єдна рота).

Указомъ одъ 10. Мая 1763. променѣнъ є составъ лагке непоселѣне войске и уређена су 4 Усарска полка, свакій у 8 ескадрона, и то 1, Србскій 2, Унгарскій 3, Молдавскій 4, Грузинскій; кои су све пређашнѣ у себи заключавали. Они су морали быти польски, не-поселѣни. Србскій є намѣштенъ быо у Нѣжину, Молдавскій у Кіеву и на Польскей граници: остала два у великой Россіи. Но Србскій и Молдавскій полкови морали су све оженѣне, или съ породицомъ войнике, и вообще све оне, кои су желили населити се, отправляти у населѣ Усарско Хор-

вата, Шевича и Прерадовича, али „добровольно, „безъ принужденія, чтобы не помѣшать выходу людей“ (и ове су речи собственномъ рукомъ Императрице на Указу написане). А населѣни полкови, Усарскій, Пандурскій, и Пикинерный, Хорвата, Шевича и Прерадовича, оставлѣни су на прељашнѣмъ основанію.

Тако се постепенно устроявала Нова Сербія, и Полкови Усарски, кои су съ ньомъ тесно скопчани. Правительство є обраћало на то особито вниманіе, и надало се великой ползи одтуда, а съ временомъ мыслило є достигнути давно предузету цѣль: безопасности граница, и заштите Царства одъ нападаня съ Юга и Юго-Востока. — — — — — —

Какавъ є быо внутренныій домашныій животъ новога Русскога предѣла, на самомъ краю Царства на єданпутъ поставшега, и у саму зору свога историческога постанка? — каква нѣгова снага, и коя су средства была? — мало є извѣстно, и трудно є испытателю постићи, премда нема томе тако много година, а и ние далеко одъ насъ. У то време кодъ Новороссійски людій, кои су населили глуву пустыню, была є толика оскудость, и животъ съ толикимъ трудомъ скопчанъ, да просвѣштеніе и граћанска сбразованность нису могли обилны плодова принети; и да се ниє могло очекивати, да ко пожели записке онога времена о новомъ краю, коме нису он-

да може быти ни предсказивали дугога живота, предати потомству. Ето причине скудости статистически извѣстія; но и овде, као и у свой Европи, долази намъ црква у помоћь. Ево доказателство, кое ће истина текъ частицу єдну пожелѣнога знаня показати, а то є извађено изъ црквене архиве.

Хорватъ, као Началникъ Нове Сербіе, моліо є свога духовнога пастыра Іоанна, Епіскопа Переяславскога и Бориспольскога, да онъ опредѣли свештенике за цркве, кое су већь постровне, и кое се построяваю по селима, или ротама Области ньимъ управляне. У писму своме одъ 4. Фебр. 1757. године писаномъ изъ Нове Сербіе, говори онъ: „усердное мое, и „всего, здѣсь новопоселяющагося иностраннаго „народа, желаніе свидѣтельствую о посѣщеніи „благословеніемъ своимъ Архипастырскимъ (какъ „паствы своей) здѣшнихъ мѣстъ.“ Епископъ, благодаривши на позыву овомъ, и отложивши долазакъ свой до згодніега времена, зактевао є, да му се пошлѣ точно назначеніе, колико у новомъ населю има села, и колико се у ньима намѣстило жителя или породица; као такођеръ колико є црквій погражено? Послѣдствомъ добывены назначенія, вѣроятно є, да є духовна часть одма устроєна была у Новой Сербіи: єръ іошть одъ године 1759. има писаня документа. Изъ извѣстія (рапорта) Намѣстника, т. є. Протоіерея

Округа Св. Елисавете, познаемо мы, какова су была прва села, показавша се на земляма, кое су Срби заузели на оной страни пустинѣ, коя є сачинявала Округъ Св. Елисавете съ Новокозачкимъ Слободскимъ насельемъ. А изъ карте, коя є одъ Инжинирь-Полковника Дебоксета састављена, и одъ Хорвата у год. 1751. подписана, налазимо, да се Нова Сербія состояла изъ три слѣдующе части:

I.

Усарскій Хорватовъ полкъ, или Протопопія Новомиргородска.

1. Новый Миргородъ.
2. Печка.
3. Петроостровo.
4. Надлакъ.
5. Каниблатъ.
6. Семликъ.
7. Архангелской.
8. Мартоношь.
9. Панчевъ.
10. Канижь.
11. Сента, или Сентовъ.
12. Вуковаръ.
13. Федваръ.
14. Субботицъ. (Субботица)

Подъ началъ

15.	рота шанац	Цыбулевъ.
16.		Мошаринъ. (Мошоринъ)
17.		Дмитровка
18.		Самборъ. (Сомборъ).
19.		Глинскъ.
20.		Бершацъ (Вршацъ).

II.

Пандурскій полкъ, или Протопопія Крыловска.

1.	рота шанац	Крыловъ.
2.		Табурино.
3.		Крюковъ.
4.		Каменка (Каменица).
5.		Зимунъ (Земунъ).
6.		Вингошъ.
7.		Чанодъ (Чанадъ).
8.		Пилажницы.
9.		Ковинъ.
10.		(Неназначено).
11.		Сланкаменъ.
12.		Бечея (Бечей.).
13.		Вараждинъ.
14.		Глаговацъ.
15.		Енова.
16.		Шолношъ.
17.		Чонградъ.
18.		Павлишъ.
19.		Мондорлокъ.
20.		Сентомашъ.

III.

Поселеніе Новокозачкога полка, или Округъ и протопопія Кр. Св. Елисавете.

1. Крѣпость Св. Елисавете.
2. Слободка Добрянка.
3. Аджамка.
4. Вершино - Каменка.
5. Мурзинка.
6. Бешка.
7. Овнянка.
8. Верблюжка.
9. Зеленая.
10. Омельникъ.
11. Вороново, или хуторъ Тройницкога.
12. Мушуринъ Рогъ (Ретраншаментъ).
13. Буянскъ.
14. Каменка.
15. Калужина.
16. Бородаевка.
17. Домоткань.
18. Пушкаревка.
19. Ингульская.
20. Коммисаровка.
21. Грузское.
22. Виска.
23. Плетенный Ташлыкъ.
24. Красное,
25. Ольшанка.
26. Злынка (раскольничья).

У овой последньой Протопопіи, т. є. III. части Нове Сербіє, у год. 1756. брояно є:

1. Кућа. . . . . 3592.
2. Породица. . . 3368.
3. Црквій. . . . 16. начинѣны.
— — — . . . . 4. недовршене.

По другимъ не тако точнымъ извѣстіяма, у свой Ново-Србской Области, између год. 1756 и 1760. узимаюћи и Славеносербеко и Новокозачко поселеніе:

1. раздано добара подъ населье. . 135.
2. на ньима намештено колонія . 122.
3, на ньима налазило се жителя:

мужскога пола 13.925
женскога — 12.238 } 26.163 обоега пола.

Преко тога около године 1763. было є незаселѣны частица 13. У селима была є 31. свршена црква са свештеницима и причтомъ црковнымъ, и 8 недовршены црквій безъ свештеника и служителя црковны. Къ овоме числу одъ 26.163 душе треба додати и оны у Указу одъ 20 Новємврія, 1742. напоменуты' 4,014. кућа', коє су се до поселенія у разныхъ мѣстима пустынѣ затекле, у конма су Запорожцы и разни бѣгунцы зимовали; у конма є могло одъ прилике быти до 12,000 душа обоега пола, и тако кадъ узмемо горнѣ число — — — — — 26.163.
и додамо іоштъ ово друго одъ 12.000.
онда налазимо у почетку населя 38.163. душе

обоега пола у свой оной пустыньи. И премда ово число ніе сасвимъ точно, опетъ може дати макаръ и слабо понятіе о стаю овога края.

Правительство се свакимъ могућимъ начиномъ усилявало, да бы населье ово достигнути могло цѣль свою. Построявало є цркве на рачунъ државне казне, шиляло є текућій новацъ у Нову Сербію, облакшавало є сваку могућу даждбину и службу, казнило є, или умиривало милостю безчинства Запорожаца. Расколницима, кои су се трговине ради у тврдиньи Св. Елисавете налазили, дозволявало є слободно отправляти богослуженіе по старопечатанымъ кньигама, и водити одвећь корыстопуну внутреню трговину. Сви приходи, кои су изъ обе области долазили, уношени су у єдну кассу, тако названу „Новосербску и Славено-Сербску Сумму,“ и опредѣлени су были само за нужду Области.

М. Светић.

11.

ОБЗИРЪ НА ПРОШЛОСТЬ.

(*Изъ Зрителя* (Zuschauer) *аустрійскогъ по Др. Албину.*)

Месеца Маія 29гъ 1453., у четрдесетъ трећій данъ обсаде, као данъ опредѣленъ бывшій по астрологическимъ означеніяма къ юришу, пао е Цариградъ у руке Турцыма. Мухамедъ е хтео, да пунъ данъ буде сведокомъ славе нѣгове. Нѣгове войске морале су провести ону ноћь у логору, премда е бойна вика ньіова обсађенныма іоштъ напредъ страшила слѣдующегъ ютра предвозвѣштавала. „Богъ е Богъ, а Мухамедъ е Пророкъ нѣговъ!“ тако зуяше одъ свію страна, а крвоцрвено свѣтило ватрій на турскимъ стражама осіяваше последню ноћь грчкога величества. Текъ што заплави данъ, алъ се измѣне позорје. Ужасна пуцнява свію баттерія отвори появляй; лађе и войске, барутнымъ димомъ обвіене, приближаваў се зидовима града. Лаки бродови турски, снабдѣвени юришнымъ лѣствицама, допирэу у горньой части пристаништа

до саме тврдинѣ: Одъ сувоземне стране быяу предньи бедеми непресѣчнымъ пуцанѣмъ топова већь понайвыше срушени, и ньіове развалине испуняваy градскій обкопъ на млогимъ мѣстима. Првый дакле посао обсадителя быяше тай, да дѣло ово довръши. Слабія часть войске нѣгове морала є ступати напредъ, єдно да обранителѣ умори, а друго да єзгри войске, коя є за ономъ слѣдовала, своима фашинама и мртвымъ тѣлесама путъ отвори. Христіани су издржали прво нападеніе съ великимъ постоянствомъ. Ниєдно тане ньіово ніе узалудъ одлетило: при густымъ гомилама продируѣи непріятеля ніе ни могуѣно было, промашити. Но наскоро познаду они свирѣпо лукавство непріятеля: она иста мртва тѣлеса изгинувши была су имъ убитачна, почемъ су удараюѣима на юришъ градила путъ крозъ шанацъ, у комъ су сами гинули. Мложина непріятеля превазилазила є число собственны стрела и танета ньіовы.

Садъ приспѣо быяше рѣшителный часъ, побѣде или смрти. Яничари, досадъ на миру стоявши, да бы се ногомъ и одморномъ снагомъ борити могли, кренусе къ нападєнію. Мухамедъ самъ, на коню, предъ другимъ оддѣленіемъ одъ 10.000 войске, подкрѣпляваше ій и ободраваше на борбу. Грмлявина баттерія удвоєна буде одъ свію страна, и докъ су димни облацы ньіови цѣло крваво позоріе закланяли, продираше ужасна

армада, неодолимомъ бурномъ ветру подобно, напредъ. Мртва тѣлеса потучены, заедно са развалинама зидина, чиняу имъ путъ къ нападенію. Доспѣду већь до внутренѣгъ бедема, на кои узпузатисе свакій ћаше првый да буде. На то грдный Турчинъ нѣкій, Хассанъ, узпнесе на слабо бранѣну кулу, и премда онъ самъ нагрнувшомъ тишмомъ опетъ одбіенъ и низвргнутъ буде, алъ за ньимъ слѣдовау цѣле гомиле други, коима є сабля нѣгова путъ прокрчила. Побѣдна вика ньіова усугуби наглость удараюћи на юришъ, и скорымъ временомъ буду Грцы одъ цѣле линіе бедема натрагъ одбіени. У исто време непріятель, одъ стране мора и флотте свое, развали капію пристаништа, те садъ започне свеобшта борба растити у свакомъ тренутку. Іоштъ противостояу Хрістяни. Константинъ, непрестанно у средъ найвеће опасности, ободраваше и воспальиваше свое войнике. Алъ садъ ранѣнъ буде храбрый и неустрашимый Юстиніяни, и принуђенъ удалитисе одъ мѣста свога. Нѣговъ примѣръ дѣйствоваше погибелно на све остале. Млогіи одъ наємника нѣговы слѣдовау за ньимъ; у дивльой забуни и сметньи газили су суновратъ єданъ преко другога. „Цариградъ є нашъ!“ повичу Турцы и нагрну одъ свію страна, и преко самы бедема, у градъ. Бадава покушаваше неустрашимый Императоръ зауставити силну рѣку, коя на све стране насипъ свой

продираше. Сва напрезања бијну суетна; онъ ћаше баръ последній обранитель да буде почитаємогъ Царства своегъ. Окруженъ најодабранијима войницыма своима, кои су гомилама покрай нѣга падали, боріо се онъ дотле, докъ му ніе вѣсило судбе сасвимъ клонуло. Последній часъ Грчкога Царства бияше куцнуо, и Константинъ се рѣши, не преживити га. Онъ сбацы отликующу га багрянну одећу са себе, помѣша се у найгушћу борбу, и падне на послѣдакъ, покривенъ мртвымъ тѣлесама своіи пріятеля, међу споляшњимъ и внутрењимъ зидомъ капіе Св. Романа. Погребенъ подъ развалинама господства и величества свога, сачинявале су ове у исто време и гробъ му, и найславнія споменикъ нѣговъ.

Паденіе Императора доврши паденіе главнога града. Хрістіянска войска даде се у смятню и бѣжанѣ; одупираня и поредка нестане, и Турцы нагрну подобно вселенскомъ потопу у градъ, а у исто време грчки войницы разбѣгнусе усамлѣни по улицама. Кадъ су имъ бедеми защиту свою одрекли, почну ю тражити при олтарима. Сакупесе илядама около столпа Константинова, у коме е бѣдный народъ нѣко осветено прибѣжиште сматрао. Ужасъ и свеобште комешанѣ распростругусе наскоро по найудалѣнијимъ улицама. Народъ е врвіо у цркву Св. Софіе, и за єданъ сатъ бияу грдни простори Хрі-

стянскогъ храма напунѣни несрећныма, коій очаяніе очекиваше извршеніе суєвѣрногъ прорицаня нѣкогъ. Надъ освоєнымъ градомъ излієсе горка чаша варварскогъ бѣснила до самогъ дна. На све стране текла є крвь людска, и неверни побѣдители гомилау побѣдне споменике одъ самы' глава човечіи. Међутымъ лакомство препречи путъ крвопролитію; и самъ є Мухамедъ къ ободренію ратобораца своій, жителѣ имъ поклоніо! 60.000 за оружіе способны' людій падну у ланце завладателя, да у дальномъ робству изгину. Међутымъ траяше опустошиванѣ и пляцканѣ непрестанно. Найдрагоцѣннїи производи трію частій свѣта быяу у главномъ овоме граду нагомилани, да варварима у руке падну. Дѣла художества, библіотеке, и млогій величественный спомениkъ древности, згази и сатре полумѣсецъ. Иконе Светителя, найређи и найкрасніи кипови быяу по блату влачени. Трећій данъ, кадъ већь олуя бѣснити престане, држаше Мухамедъ, съ гвозденымъ буздованомъ у песницы, улазакъ свой у Цариградъ, дивльимъ взорима пустоше прегледаюћи. Окруженъ Везирима, Пашама, и тѣлесномъ гардомъ своіомъ, ићаше онъ крозъ улицу Св. Романа къ храму Софійномъ, у коме су онда последнѣ молитве Хрістяна чувене быле. Предъ капіяма овога сяши онъ съ коня; робомъ є постао свакій, кои є у нѣга побѣгао быо; Имамъ се попне на престолъ Патріяршескій, Па-

диша торжествоваше и испуняваше крваво посолство Предка свога, кои є изъ Мекке полумѣсецъ и криву саблю у свѣтъ разаслао.

Одма затимъ заузме онъ паллату Царску. Но, кадъ при улазку своме примѣти опустошеніе нѣно, и опази како є обыталиште толики силны' владаоца, лишено свію споменика величества свога, поруганіемъ непріятеля постало: онда му проникне крозъ душу нѣгову озбильно размышленіе о свевладаюћой судби Божіой, и у стиховима древнога нѣкогъ Персійскогъ стихотворца повиче: „Паукъ є повѣсіо сплетъ свой у палати Царской, и ноћный звукъ совуляге зуи крозъ горде куле Афрасіявове!“

12.

Шестогъ Јануарія 1829. умр'о є у Брыну (Моравіи) Іозефъ Аббе (Архімандрітъ) Добровскій. Онъ є све славенске єзыке освѣтліо, а нарочно Пемскомъ критическо достоинство дао, и єзыкоиспытанія нѣгова постала су за Исторію одъ велике ползе. Са прекообычайнымъ памятствованіемъ союжавао є онъ неумориму дѣятелность, и са проницателнымъ оштроуміємъ свагда єднаку живость духа. Онъ се самъ обычно писао Іозефъ Даубравскій же Солникъ, и ова про-

мѣна имена нѣговогъ проистекла є само одтуда, што є оно у протоколлъ крештаємы' погрѣшно было уведено. Како често првый періодъ нашегъ возраста цѣлу будућу дѣятелность нашу рѣшава, то потврђує и Біографія великога овогъ Єзыкоиспытателя. Рођенъ у Ђермету, кодъ града Ђура у Мађарской, донешенъ буде онъ првы' неделя живота своегъ у Пемску, будући є отацъ нѣговъ, нижій Оффіцыръ у нѣкой драгонской регементи, тамо премѣштенъ быо. Овде положи онъ првый основъ къ изученію Пемскогъ єзыка, а кадъ є доцніе у дому Графа Ностица Математику и Філософію предавао, рѣшисе правацъ кньижевне дѣятелности нѣгове. Упознавшисе са Топографомъ Шаллеромъ и Историкомъ Пелцломъ, буде іоштъ дублѣ посвећенъ у кньижество Славенски народа. Пошто є службу Ѳеологическогъ цензора у Прагу, а затимъ званіе Ректора у Храдичкомъ Генералномъ Семінаріуму кодъ Олмица одправляо, отиде после укинутогъ заведенія овогъ у Прагъ натрагъ, и оддасе одъ тогъ времена у Ностицевомъ дому сасвимъ на науке. Безодморни труди нѣгови у наукама бывали су само прессцани учебнымъ путешествіяма, одъ коій га є єдно поради истраживаня важны' кньижевны' стародревностій, коій є одъ времена нападенія Густава Адолфа у Пемскимъ Архівама нестало было, и у саму Шведску одвело. Маня путованя предузимао є често

у Бечъ, Дрезду и у Мађарску, и на єдномъ таковомъ умре онъ у Брыну, пошто є дане плодобогатогъ живота своєгъ у миру провео.

13.

У години 1703. 27. Маія, на самый првый данъ Ду'ова положи Петаръ I. основный каменъ новой своіой главной вароши на обали Неве. По учинѣныма Русскимъ завладѣнияма у Ингерманландіи, Лифландіи и Естландіи имађаше онъ, што є одавно желіо, отворено и угодно мѣсто на утоку Неве, да трговину и пловитву у царству своме подигне. Грдно предпріятіе, коме су се неброєне препоне на путъ ставляле! Колико се годь положеніе виђаше пробытачно; толико се одъ друге стране изискиваше крайнѣ напрезанѣ, да бы се баровитый предѣлъ намѣреню сходно употребіо. Найпре зграђена буде мала дрвена кућа съ две собе, кою є самъ Царъ себи за обыталиште одредіо, да бы грађенѣ и посленике одтуда надгледати могао. Изъ свію частій Царства подигнути садъ буду люди; млогіи су морали выше одъ две стотине миля путовати да тамо дођу. Данъ ноћь, неимаюћи ни постелѣ или колебице за одморъ, пословало є по сто иляда крестяна (робова), ядны и одрпаны. Нити ту

быяше ашова, лопата и мотика, ни колица за обычну послугу: у крилу одеће, у старымъ крпетинама или врећама одъ изношены понява, подъ пазуомъ или на раменима, вучена є земля къ узвышиваню и утврђиваню подводногъ места. При тако грдной мложини людій не могаше се довольно настачити раане; иляде людій умирау изнурени гладомъ, или налазау у ужаснымъ баретинама, разболевшисе одъ опасны испаренія, гробъ свой. Алъ Петрова намѣра стояше непоколебима. Изгинувшіи бывали су непрестанно новыма замѣнѣни и надокнађани, па и сами Калмуцы и Татари дотеривани; бедеми тврдинѣ чиняу се канда невѣроятномъ брзиномъ ничу изъ землѣ. И грађенѣ кућа напредоваше брзо, будући су за првый почетакъ само дрвене колебе грађене. Одма у другой годнни была є већъ нова варошь за обытаванѣ способна, и велика мложина благородника, трговаца и рукодѣля изъ Москве и други' градова добыю строгу заповѣсть, да се са своимъ фамиліяма у Петербургъ преселе. Найвећа ій є часть долазила нерадо, и зато само што су се бояли гнѣва Царева; єръ обытаванѣ у глибовима Неве нити є удовольствомъ ни безбѣдіємъ люде примамльивало. Выше є пута млада варошь подъ владѣніємъ Петра I. была у опасности, да наводненіємъ морскимъ уништожена, или ватромъ, налазившомъ богату раану у непресѣчнымъ крововима одъ дасака, одъ єд-

ногъ края до другогъ буде упропашћена. Године 1712. подигне Царъ нову свою варошь на степенъ праве Резиденције, позове Сенатъ изъ Москве тамо, и учини Петербургъ средоточіемъ Царства. Нѣговъ Министеръ Менчиковъ обытаваше у великолѣпной палати; а Петаръ у незнатной кући одъ цыгаля зграђеной. Іошть є наличила варошь са мложиномъ своій, єданъ до другогъ начичканы, кровова выше на каково садиште у стародревнымъ луговима Америке; алъ слѣдующа десетолѣтія издѣйствовала су, нѣкомъ чародѣйству подобно, таково украшеніе, кое іой є међу найкраснімъ Резиденціяма свѣта почестно мѣсто и степенъ дало.

Д. Исаиловић.

14.

ТУРСКИЙ ХАТТИШЕРІФЪ

3. Ноемврія 1839. у Цариграду обнародованъ.

(изъ Бечки Новина год. 1839. *Ч.* 268.)

Свако зна, да су у прва времена Оттоманске Монархіе преславніи прописи Корана, и закона Царства свагда почитаємо правило было. Царство є у слѣдству тога снагомъ и величиномъ растло, и сви су Подданницы безъ изятія богатства и благостояніе у найвишшемъ степену достизавали. Одъ 150 година є дугъ редъ случаєва и различны причина учиніо, да се престало по светой киьиги закона, и оттуда истычући основоположенія владати се, и негдашня сила и благостояніе обратилесе у слабость и убожество; єрбо царство и губи ємачно све постоянство, кадъ престане, закона се свои држати.

Ова смотренія никада се одъ Нашегъ духа не удаляваю, и одъ дана ступленія Нашегъ на престолъ ніе престаяла мысао о общемъ благу, о поболшаню стаия областій, и о олакшаню населенія, нѣга изключително заузимати. Обазре-

мо ли се само на землѣописателно положеніе Оттоманскій областій, на плодородіе земль, на способность и разумность жителя, то ћемо се увѣрити, да се, ако се у истраживанѣ дѣйствены средства дамо, конацъ кои Мы помоћю Божіомъ получити надамосе, за мало година достићи може. И тако пуни повѣреня къ помоћи Свемогућегъ, ослонившисе на заступленіе Нашега Пророка, за сходно намѣренію држимо, чрезъ нова установленія благодать доброгъ владѣнія саставляюћимъ оттоманско царство провінціяма прибавити.

Ова установленія имаю нарочно на трима точкама почивати, и именно 1. ємства, коя поданикомъ нашимъ у смотренію живота, чести, и имања ньиовогъ пуну безбѣдность даю. 2.) правилный начинъ опредѣлити и купити данакъ. 3.) раванъ, правиланъ поступакъ у куплѣню войника, и у траяню службе ньіове.

А и нису ли животъ и честь найдрагоцѣнія блага, коя существую? Кои ће човекъ — ако бы неблаговоленіе, кое му характеръ нѣговъ према насиліяма улива, и какво было — уздржаватисе, прибѣжиште къ ньима узети, и тимъ владѣнію и земльи вредъ нанести, кадъ животъ и честь нѣгова у погибель долази. А ужива ли ту онъ нужну безбѣдность, то се онъ неће одъ пута справедльивости удалити, и сва ће нѣгова

дѣла користь нѣговогъ владѣтелства и нѣгове браће подпомагати.

Како у смотренію иманя безбѣдности нема, свако остає према гласу Княза и отечества ладнокрвъ. Нико се нестара о напредку државногъ иманя, кадъ смо своимъ собственнымъ бригама сасвимъ заузети. Притяжава ли напротивъ тога грађанинъ иманѣ своє свакогъ рода съ повѣренѣмъ, онда осећа онъ, пунъ ревности према свои дѣла, коихъ кругъ онъ ради распростыраня своегъ ужитка расширити трудисе, гдисе у срдцу нѣговомъ свакій данъ любовь къ Князу и отечеству, и преданость къ царству удвоява. Ове мысли постаю у нѣму изворомъ найпохвалніи дѣла.

У смотренію правилногъ и постояногъ опредѣленія данка врло є важно, предметъ овай уредити, єрбо држава, коя є на обрану своє области на различне трошкове обвезана, неможе себи нуждногъ за войску и остале служителѣ своє новаца иначе него данкомъ, кои одъ Подданика свои прійма, набавляти. Ако и єсу ови, благодареніе Богу, у нашемъ Царству одъ нѣкогъ времена већъ одъ быча но напола ослобоћени, кои су нѣгда неправедно као изворъ прихода сматрали были, но опетъ существує нѣкій крітічный обичай, кои само жалостна слѣдства имати може: обычай сирѣчь познатый подъ именомъ

„Еттізам-а“ продаваємы дозволенія. При овой системи изложено є и цівілно и фінансіялно правленіе мѣста каквогъ самовольству едногъ човека, често сирѣчь гвозденой руцы найжесточіи и найлакоміи страстій, єрбо ако овай Арендаторъ ніє добаръ, онъ и неће никакву другу но своє собствене корысти бригу имати.

Нуждно є дакле, да свакій оттоманскогъ содружества сочленъ одсадъ опредѣленымъ количествомъ данка по сили своєгъ имања и своєгъ могућства обременѣнъ буде, и да се ништа далѣ одъ нѣга искати несме. Далѣ нуждно е, да особенніи закони трошкове земне наше и морске войске опредѣле и ограниче.

Ако и єсть, као што є речено, обрана землѣ важна стварь, и свію земальскій жителя дужность, на тай конацъ войнике давати, ништа манѣ нуждно є постало, законе предложити опредѣленію числа, коє ће свако мѣсто по потреби свакогъ времена ставити дужно быти, и о спуштаню времена воєне службе на 4. или 5. година. Єрбо то се зове неправедно што учинити, и землѣдѣлію као и трудолюбію смртный ударъ задати, кадъ се безъ погледа на относително населеніе предѣла, у єдномъ више, а у другомъ манѣ людій дигне, него што они ставити могу, као и войнике тимъ начиномъ у отчаяніе доводити, землю обезнароћиваюћи, и войнике на цѣо вѣкъ ньіовъ у служби задржаваюћи.

Укратко, безъ овы различны закона, коихъ нужда є мало пре показана, нема земльи ни силе ни богатства, ни среће, ни тишине, него іоште дужна є она такове одъ бытія овы новы закона очекивати.

И зато ће се одъ садъ дѣло свакогъ преступника, Божественномъ нашемъ закону сораз-мѣрно, по предварителномъ испыту и изслѣдованію явно судити, и нико неће моћи другогъ тайно или явно, было отровомъ, или другимъ родомъ смрти, погубити дати, докле се редовна пресуда о томъ не изрече.

Никоме не треба да буде дозволѣно, чести каквогъ годъ човека ущербъ чинити.

Свакій нека свою собственность свакогъ рода притяжава, и съ пуномъ слободомъ о ньой располаже, и томе нико да се противити несме, тако н. п: невинїи наслѣдницы злочинца не треба да свои законны права лишени буду, и добра злочинца не треба да се Правителству присвояваю.

Ова царска дозволенія простырусе на све наше подданике, когъ нибудъ закона или исповѣданія были, и они безъ изятія треба да у уживаню таковыхъ буду. И тако пуна безбѣдность даєсе одъ насъ свимъ жительима царства у

смотренію ньіовогъ живота, ньіове чести, и ньіовогъ иманя, као што светый текстъ закона Нашегъ захтева.

Што се другій точкій тиче, почемъ ове содѣйствомъ просвѣтлѣны мнѣнія у редъ довести се имаю, то ће се Нашъ Совѣтъ Правосудія новымъ сочленовима по мѣри потребе умложенъ, коме ће се у извѣстне одъ Насъ уређисе имаюће дане Наши Міністри и Државніи Достоинственницы приключити, на тай конацъ скупити, да о овымъ точкама, безбѣдія лица и собственности, као и опредѣленія данка касаюћимасе, уредбене законе сочини. Свакій у овимъ собраніяма нека своє мисли слободно разлаже, и своє мнѣніе о ньима дає.

О законима, устроєнія воєне службе тицаюћимасе, нека у палати Сераскіра скупляюћійсе воєный Совѣтъ ради.

Како кои законъ готовъ буде, да бы важность и силу извршенія имао, треба да се Нама предложи; Мы ћемо га нашимъ потврђенѣмъ украсити, коє ћемо Нашимъ Царскимъ надписомъ горе назначити.

Будући да ова садашня установленія никогъ другогъ намѣренія немаю, него да благочестію, Правителству, народу и Царству на ново про-

цвѣтати дамо, то се обвезуємо ништа не предузети, што бы њима противно было. За залогъ Нашегъ обећаня оћемо Мы, пошто ій у саали, преславно херванію Пророкову содржећой положимо, у присутствію свію Улема и велможа царства, у Име Божіе заклетисе, и после заповедити, да се и Улеми и велможе Царства закуну.

Кои бы годъ одъ Улема или велможа Царства, или комудраго ова установленія преступіо, треба да безъ свакогъ призрѣнія на нѣгово достоинство, на уваженіе и повѣреніе одъ когамудраго лица, своmъ довольно осведоченомъ преступленію одговараюћу казнь претрпи. Казнителный Законикъ треба да се на тай конацъ сочини.

Кадъ сви званичницы Царства засадъ соразмѣрно плату примаю, и кадъ ћемо устроити плате онихъ, коихъ се служба іоште надлежно ненаплаћуе, то треба да се противъ трговине са званіяма, и противъ пріятельованя коe Божій Законъ одбія, и у коме главна причина пропасти царства лежи, строгъ законъ изда.

Кадъ гореименована опредѣленія измѣну и савршено обновлѣніе стары обычая содрже, то нека се Царска ова уредба у Цариграду и посвимъ мѣстама Нашегъ царства обнародуе, Посланницыма опріятелѣны сила сообщи, да по-

тврђенію овы установленія, коя ће ако воля Божія буде, вѣчно траяти, сведоцы буду.

И сотиль да све насъ Свемогућій Богъ подъ свой светый и достойный покровъ узме.

Да Богъ да они, кои овымъ установленіяма противно дѣло узчине, Божіе клетве были, и свакогъ рода среће за свагда лишилисе.

Превео Василій Лазићъ.

15.

СПИСАКЪ

НАПЕЧАТАНЫ КНЬИГА У СЕРБИИ:

1, оны, коє су у I. части Голубице изостале;

2, оны, коє су одъ оногъ времена слѣдовале.

1834. год.

1. Новине Србске, съ дозволенѣмъ правителства за годину 1834. у ф. 52 таб. Учред. Димитрій Давидовиѣь.

1835. год.

1. Славеноболгарское Дѣтово́дство за ма́лки тѣ дѣца̀. Напечатано съ о̑добреніемъ Є̑го̀ Свѣтлости Кнеза Србскаго Милоша Ѳеодоровича Обреновича; Благословеніемъ же преосвященнѣйшаго Сѐрвїи Митрополи́та Петра. Со́брано отъ разли́чни списа́тели, и сочиненно на шестъ Ча́сти, за шестъ оу̑чени́чніи чини: пе́рвомъ преве́дено отъ еллино-греческаго діалекта, на Славено-

болгарскаго, й йзданно: отъ Неофита архімандрйта Хіліндáрца, рóдомже, Кóтланца: и Єммануйла Васкíдовича, еллиногрéческаго Сицювскаго оучилйща оучителя. Чáстъ трéтая. Содержáщая и обучáющая извéстія Славенноболгарской Грамáтіки; кратко художнослóвіе и кратко Баснословіе на древніи тѣ Éллины, въ Крагуіевцѣ, оу Княжеско-Сéрбской Тупографíи 1835. 8. Стр. 68.

2. Славеноболгарское Дѣтовóдство за мáлки тѣ дѣцà. Напечáтано съ óдобреніемъ Єго Свѣтлости Князя Србскаго Милоша Θеодоровича Обреновича: Благословéніемъ же преосвящéннѣйшаго Сербіи Митрополíта Господина Петра. Собранно отъ разлйчни списáтели, й сочиненно на шестъ Чáсти, за шестъ оученичніи чúны: пéрвомъ преведéно съ еллиногреческаго діáлекта, на Славенноболгарскаго, й йздано: отъ Неóфута âрхімандріта Хіліндáрца, рóдомже Кóтланца: и Єммануйла Васкíдовича, Єллиногречéскаго Сицювскаго оучйлища оучителя. Частъ Пéрваа. Содержáщаа познáніа бýквы: Срицáніа слогóвъ: Óбучéніа добронрáвныхъ: Вештéственныи йманителникъ: вседнéвата дѣтúнска молвà. Въ Крагуевцѣ оу Княжеско-Сéрбской Тупографíи 1833. 8. Стр. 54.

3. Славеноболгарское Дѣтовóдство за мáлки тѣ дѣцá. Напечáтано съ ôдобрéніемъ Єго Свéтлости Кнáза Сéрбскаго Мúлоша Θеодоровича Обрéновича. Благословéніемъ же Преосвящéннѣйшаго Сéрбіи Митрополíта Господина Петра. Собранно отъ разлúчни,

Списáтели, и сочиненно на шестъ Чáсти, за шéстъ оученичніи чúны: первомъ преведéно отъ Єллиногрéческаго діáлекта, на Славенноболгарскаго, й йздано отъ Неофута Архімáндрита Хілендáрца, рóдомже Котланца: и Ємануила Васкїдовича Єллиногрéческаго Сицióвскаго Оучилища оўчúтела. Часть Втора. Содержáщая извéстіа, за пàтъ тéхъ чювствы. Надлежáтелства нà обхождéніето съ разніи лицà, и обѣзáтелства. Ёсопóви басны. Нравоучúтелніи пóвѣсты. Четырите нюждны наўки свáкомю. Пáтъ тѣхъ пóлзы на человѣчéство: йдóлжностыте на всакая фамíлїа, въ Крагюевцѣ, Оу Книжеско-Сéрвской Тупографїи 1835. 8. стр. 54.

4: Славеноболгарскіи предрючныи Послáтелникъ за наставлéніе на Болгáрскитѣ юноши. Напечатано съ одобреніемъ Єгò Свѣтлости Кнàза Сербскаго Мúлоша Теóдоровича Обрéновича: Благословéніемъ же преосвящéнѣйшаго Сéрвіи Митрополíта Господина Петра. Собранъ отъ разлúчни списáтели Єллиногрéческаго діáлекта, пéрвомъ превéденъ й сочинéнъ на Славенноболгарскаго, й йздáнъ: отъ Неóфута архімандрíта Хілендáрца, рóдомже Котланца, й Ёмануила Васкíдовича, Єллиногрéческаго Сицióвскаго оўчилúща оўчúтела. Часть Шéстая. Содержáщая наставúтелнаго оўстáва, й порáдочно подобателнаго примéра, послáнія, повченія, кáкъ всякíй споредъ причúнкте, лицáта и обязáтелства прилично да писюва. Въ Крагюевцѣ, Оу Книжеско-Сербской Тупографíи 1835. 8. Стра. 66.

5. Краткоє политѣческоє Землѣописа́нїе за о҃бу́ченіе На Болга́рското Младенчество. Напеча́тано съ о҃добре́ніемъ Є҃го Свѣтлости Кна́за Сѣрвскаго Ми́лоша Θео́доровича: Благослове́ніемъ же преосвящє́ннѣйшаго Сервїи Митрополи́та Господи́на Петра. И и҃зда́нно: отъ Нео́фита а҃рхїмандри́та Хїлендáрца, ро́домъ же Ко́тлянца: и҃ Є҃мманȣ́ила Васкі́довича, Є҃ллиногре́ческаго Сицо́вскаго оу҃чили́ща оучителя. Ча́сть Па́тая. Въ Крагȣ́евцѣ оу҃ Кня́жеско-Сербской Тѵпографіи 1835. 8. Стра. 91.

6. Арі́дметі̀ческоє Руководство за наставленіе на Болгарски-тѣ юноши. Напечатано съ одобреніемъ его Высочества Кназа Себскаго Милоша Θеодоровича Обреновича. Благословеніемъ же Преосвященѣйшаго Сервій Митрополі̀та Господина Петра. Первомъ же издано отъ Неофита Архімандрі̀та Хїлендарца, родомъ же Котлянца. И Єммануйла Васкідовіча, Єллиногрческаго Сиштовскаго Ученица Учителя. Частъ Четврта. Въ Крагȣ́евцѣ ȣ Княжеско-Сербской Типографіи 1835. 8. Стра. 48.

7. Писменикъ Общеполезенъ на секого Єдинороднаго ми Болгарина отъ кой ида є чинъ и возрастъ. Сочиненъ споредъ днешнїй-а писмописателенъ способъ отъ Хрі̀стаки П. Дупничанина, учителя съ Славено-Єллинско-то въ Сицовъ Училище, кой-то сега перво на свѣтъ издава го. Престоявалъ и исправалъ шбра неговъ Іаковъ Илі̀евичъ, С. въ Бѣлградѣ ȣ Княжеско-Сербской Тѵпографіи 1835. 8. Стра. 78.

8. Уставъ Княжества Сербіе. Изданъ и заклетвомъ потврђенъ о сретенской скупштини 1835 год. У Крагуевцу. У Княжеско-Сербской Типографіи. 1835.

9. Новине Србске, съ дозволенѣмъ Правителства за год. 1835. 4. 52. табака. Учредникъ Димитрій Давидовићь до половине месеца Марта, а после до конца године Димитрій Исаиловићь.

1836. год.

1. Во слáвѣ сты́а, единосу́щныа, животворя́щїа, и нераздѣли́мыа Тр҃цы О҃ца, и С҃на, и С҃тагш Дх҃а: Повелѣ́нїемъ Бл҃говѣ́рнагш Г҃дра и Кназа Сербскагш, Милоша Ѳеодоровича Обре́новича, Благослове́нїемъ же Прешс҃ченѣйшагш Архїе́пкпа Бѣлгра́дскагш и всеа҃ Се́рбїи Митрополи́та, Г҃дина Петра҃, напеча́таса кни́га сїа҃ ТРЄБНИКЪ въ Бѣлгра́дѣ въ Тѵ҆погра́Фїи Кня́жеско-Се́рбской, въ лѣ́то Ѳ҃ сотворе́нїа ми́ра ҂зтм҃д. Ѳ҃ рождества҃ же по пло́ти Б҃га Сло́ва ҂аѳ҃ѧѕ. Индікта д. м҃ца О҃ктѡ́врїа. 8та Лист. 273.

2. Jubel-Hymne Sr. Durchlaucht dem glorreich regierenden Fürsten Serbiens, Milosch Obrenovitsch, dargebracht bei Seiner beglückenden Anwesenheit in Belgrad. den 27. Januar 1836. 4to Табакъ єданъ.

3. Hymne zur Feier des hohen Geburs-ftestes Sr. Mejestät Ferdinand I. Kaisers, von einer Gesellschaft Deutscher in Belgrad. Gedruckt in der Fürstlich-Serbischen Typographie. Фолio. Табакъ єданъ.

4. Діалогъ Цицероновъ о пріятельству. Преведенъ Григоріемъ Лазићемъ, у Гимназіи Карловачкой Професоромъ, ученогъ содружества Ботаническогъ Регенсбургскогъ членомъ, у Бѣограду, у Княжеско-Србской Типографіи. 1836. 8та Стр. 54.

5. Opfer des Dankes und der Liebe. Dem mächtigen Schutzherrn Serbiens Sr Majestät Nikolaus I. Kaiser aller Reussen etc. etc. zur Allerhöchsten Geburtsfeier am XXV. Juni MDCCCXXXVI. in tiefster Ehrfurcht dargebracht, von der fürstlichen Typographie in Belgrad. folio. Табакъ єданъ.

6. Новине Србске, съ дозволенћемъ Правителства, за год. 1836. 4o. 52. табака. Учред. Димитрій Исаиловићъ.

1837. год.

1. Руководство къ Ариѳметики за Княжеско-Србске школе. Составіо Георгіе Зорићъ.

Часть II. У Београду у Княж. Српской Типографіи 1837. Стр. 139.

2. Грчка Читаоница за употребленіе Српске младежи, справлена одъ Вукашина Радишића Професора Грчкогъ езика у Княжеско Српской Типографіи. 1837. Стр. 180.

3. Во сла҃вꙋ с҃тыѧ, единосꙋщныѧ, животворѧщїѧ, и нераздѣлимыѧ Т҃рцы, Оц҃а, и҆ С҃на, и҆ с҃тагѡ Дх҃а: Повелѣнїемъ Бл҃говѣрнагѡ Г҃дра Кнѧза Сербскагѡ, Милоша Ѳеодѡровича Обреновича, Благословенїемъ же Прѣсщ҃енныйшагѡ Архїеп҃копа Бѣлградскагѡ, и всеѧ Сербїи Митрополїта, Г҃дина Петра, напечатасѧ книга сїѧ Ірмологіи, въ лѣто ѳ҃ сотворенїа мира ҂зи҃е. ѳ҃ Рождествѣже по плоти Б҃га Слова ҂а҃ѳ҃лз. Индікта і҃ м҃ца Маїа. 4. Лист. 191.

4. Новине Српске, съ дозволенѣмъ Правителства, за год. 1837. 4. 52. табака. Учредникъ Димитрій Исайловић.

5. תקון חצות (Полноћникъ.) Издано трощкомъ Хайма Давича, и печатано у Типографіи Княж. Срб. 16. 72 стр.

6. אמרי בינה (Моралный путопоказатель, на Спанскомъ езыку.) у Бѣограду, печатано у Типографіи Княж. Срб. 1837. 16. 186 стр.

7. שבט מישור Моралный путопоказатель, на Мосаиском ѣзику.) у Београду, печатано у Типографіи Княж. Срб. 1838. 16. 128 стр.

1838. год.

1. Во сла҃вѹ с҃тыѧ, ѐдиносѹ́щныѧ, животворя́щїѧ, и̑ нераздѣли́мыѧ Т҃рцы, О҃ц҃а, и̑ С҃на, и̑ с҃та́гѡ Дх҃а: Повелѣ́нїемъ Бл҃говѣ́рнагѡ Г҃дра Кня́за Се́рвскагѡ, Ми́лоша Ѳеѻдорѡвича Ѻбре́новича, Благослове́нїемъ же Прѣосщ҃енне́йшагѡ Архїе҃пкопа Бѣлгра́дскагѡ, и̑ всеѧ Се́рбїи Митрополи́та, Г҃ди́на Петра̀, напеча́тасѧ кни́га сїѧ Слѹже́бникъ, въ Бѣлгра́дѣ, въ Тѵ̆пографі̑и Кня́жеско-Се́рвской, въ лѣ́то Ѡ Сотворе́нїа ми́ра ѕ҃тм҃s. Ѡ Рождества́ же по пло́ти Бг҃а Сло́ва ѧ҃ѱ҃ли. І҃ндіктаа҃і мц҃а ма́ѧ. 4. 286 Лист.

2. Во сла҃вѹ с҃тыѧ, ѐдиносѹ́щныѧ, животворя́щїѧ, и̑ нераздѣли́мыѧ Т҃рцы, О҃ц҃а, и̑ С҃на, и̑ с҃та́гѡ Дх҃а: Повелѣ́нїемъ Бл҃говѣ́рнагѡ Г҃дра и̑ Кня́за Се́рвскагѡ, Ми́лоша Ѳеѻдорѡвича Ѻбре́новича, Благослове́нїемъ же Прѣосщ҃енне́йшагѡ Архїе҃пкпа Бѣлгра́дскагѡ, и̑ всеѧ Се́рбїи Митрополи́та, Г҃ди́на Петра̀, напеча́тасѧ Послѣ́дованїе сїѐ Моле́бныхъ Пѣ́нїй, въ Бѣлгра́дѣ, въ Тѵ̆пографі̑и Кня́жеско-Се́рвской, въ лѣ́то Ѡ сотворе́нїа ми́ра ѕ҃тм҃s. Ѡ Рождества́ же по пло́ти Бг҃а Сло́ва ѧ҃ѱ҃ли. І҃ндіктаа҃і мц҃а і҃ѳ҃нїа. 4. лист. 123.

3. Ко слáвѣ сты́а, Є̃диносу́щныа, и̂ животворя́щїа, и̂ нераздѣли́мыа тр̃цы, О̃ц̃а, и̂ С̃на, и̂ ст̃а́гш дх̃а: Напечáтасѧ Послѣ́дованїе сїѐ Моле́бныхъ Пѣ́нїй ѿ недѹ́жныхъ и̂ йны́а моли́твы благопотре́бныа, йждиве́нїемъ и̂ настоя́нїемъ Нїколáа Карастоя́новича книговезáтеля. Къ Бѣлгрáдѣ въ Тѵ̆погрáфїи Кня́жеско-Се́рбской въ лѣ́то ѿ сотворе́нїа мі́ра ҂зтм̃s, ѿ Рождествá же по плóти Бг̃а слóва ҂аѿ̃ли. і̂ндíкта ā мц̃а і̂ѹ̆лїа. 8. Листи. 76.

4. Новине Србске, съ дозволенѣмь Правителства, за год. 1838. 4. 52. табака. Учредникъ Владиславъ Стоядиновићь,

5. זמירות ישראל (Псалми Израилеви.) три части.

I. часть עולת תמיד (Ютренѣ пѣсне на свакій данъ) 232 стр.

II. часть עולת שבת (Суботске пѣсне) 42 стр.

III. часть עולת חדש (Мѣсечне и Празничне пѣсне) 68 стр. Издано трошкомъ Хаима Давича а печатано у Типографіи Княж. Срб. 1838. 16.

1839. год.

1. Србскій Букварь, или Нова Азбучна Књижица за прво наставленіе младежи у народ

нымъ - нормалнымъ школама Княжества Сербіе. У Београду при типографіи княжества србскогъ. 1839. 8 стр. 62.

2. Бой Змая са Орлови на кратко списанъ одъ Іоанна Раића Архимандрита. Лѣта 1789. У Бечу при Іосифѣ благородномъ одъ Курцбекъ 1791. препечатано Г. Е. В. 8. Стр. 48 (у Београду 1839.)

3. Філософія права. Списана Іованомъ Філіпповићемъ, канцеллістомъ Совѣта Княжества Србскогъ. У Београду при Княжества Србскогъ Кньигопечатньи. 1839. 8. Стр. 132.

4. Ла Перузъ. Позорищна игра съ Немецкогъ упражненія ради, на Сербскій єзыкъ, у Оравицы Немецкомъ єзыку учећимъ се Сербскимъ младићима: Владимиромъ Якшићемъ, Арсеніємъ и Аксентіемъ Туцаковићима 1839. год. преведена. У Београду у Типографіи Княжества Сербіе. 1839. 8. Стр. 57.

5. Алгебра устроєна за употребленіе слушателя Філосфіе у Ліцеуму Княжества Сербіе одъ Атанасія Ніколића, Професcора Маѳематіке у истомъ Ліцеуму, и Дипломатическогъ Землѣмѣра. У Београду, при Типографіи Княжества Сербіе. 1836. 8. Стр. 249.

6. Новине Србске, съ дозволенѣмъ правителства, за год. 1839. 4. 56. таб. Учред. Владиславъ Стоядиновићь.

1840. год.

1. Мѣсецословъ за годину одъ Рождества Хрістова 1840. коя є преступна, у Београду при Княжеско-Сербской Кньигопечатньи 8. Стр. 51.

2. Содержаніє моралны израженія Индіискогъ философа Санакеа у изясненію Санскритскомъ, иначе Браманическо Индійскомъ на Греческомъ и Италіянскомъ єзыку преведено одъ Греческогъ путника капетана Николе Кефале изъ Занте съ нѣговымъ собственнымъ примѣчаніяма посвећено свимъ домаћимъ старешинама. Сада съ Италіянскогъ Єзыка на Србскій преведено Іосифомъ Ребрићемъ Докторомъ Медицыне. У Београду у Типографіи Княжества Србіе. 1840. 8. Стр. 32.

3. Спѣвъ Нѣговой Свѣтлости, Милостивѣйшему Господару и Князу Србскомъ, Михаилу Обреновићу, приликомъ долазка нѣговогъ изъ Цариграда съ найдубльимъ страхопочитанѣмъ поднешено Ђорђемъ Малетићемъ, експедиторомъ при Попечительству внутреньи дѣла. У Београду 1. Марта 1840. 4. Табакъ. 1.

4. Отечественна Србско-народна Песма на срећный долазакъ Нѣгове Свѣтлости, Княза Србскогъ Михаила Обреновића. Спевана на Ѳеодорову Субботу 1840. одъ Павла Адамовића или Божидара Любибратића У Београду печатано у кньигопечатньи Княжества Србскогъ. 4. табакъ 1.

5. Србскіи Споменицы, или старе рисовулѣ, Дипломе, повелѣ, и сношенія Босански, србски, Херцеговачки, Далматински, и Дубровачки Кралѣва, Царева, Банова, Деспота, Кнезова, Војвода и Властелина, издани на свѣтъ иждивеніемъ Господара Єфрема Теодровића Обреновића, Предсѣдателя Совѣта Княж. Србскогъ Генералъ-Маіора и Кавалера, а собрани трудомъ Павла Карано-Тврковића Свештеника, роѣеногъ на Тврткову брду Банѣлучке Наіе у Босни, близу града Яйца. Частъ. I. у Београду у Типографіи Княжества Србіе. 1840. 8. Стр. 336.

6. Песма Народу Србскомъ о збывшемсе у времену године 1839. и о пришествію Нѣгове Свѣтлости Князя Србскогъ, Господара Михаила М. Обреновића, изъ Цариграда У Сербію 2. Марта године 1840. спѣвана Становмъ Ст. Ћосићемъ, издана и печатана трошкомъ Петра Караманковића, у Правительств. Кньигопеч. Княж. Србск. Словосл. 8о стр. 8. У Бѣограду, у Кньигопечатньи Княжества Србскогъ.

7. Голубица, съ цветомъ кньижества Србскогъ II. Глигоріемъ Возаровићемъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. У Бѣограду у Кньигопечатньи Княжества Србскогъ 1840. 12л. стр. 317.

СОДРЖАНІЄ КНЬИГЕ II.

I. ПРОИЗВОДИ ОРИГИНАЛНИ У ПРОЗИ.

Стр

1. Записка у краткомъ изводу изъ рукописне кньиге Іоанна Раића: Точноє изображеніе Катихисма. (М. Светићь) . . . . . 3.
2. Побуда моим' младим' слушательима Поетике (В. Радишићъ) . . . . . 15.
3. Понешто о косчему (Д. І. Стеићъ) . . . . 24.
4. Неро (по немачкоме - Д. І. Стеићъ) . . . . 35.
5. Примѣръ изъ Грчке Историје старе (М. Светићъ) 37.
6. Науке изъ Азбуке (В. Радишићъ) . . . . . 39.

II. ПРЕВОДИ У ПРОЗИ.

1. Два Сократова разговора (слободно посрблѣна съ Еллинскогъ одъ В. Радишића) 41
2. Изгубльный рай изъ Милтона (Іоаннъ Павловићъ Прот. Шабачкій) 50
3. Освета незна мере ни границе — изъ часова одмора (Л. Зубанъ) 76
4. Ямма, индійска приповѣдчица (В. Стоядиновићъ) 83
5. Духъ државне науке кодъ найстаріи народа изъ Вайцла (М. Светићъ) . . . . . 92.
6. Споменикъ Србске слободе изъ Ламартина (Др. І. Стеићъ) 102

Стр.

7. Изливъ просвѣщенога ума и доброга срца (Др. І. Стеиħъ) . . . . . 104.
8. Различна сматраня о разнымъ естетическимъ предметима изъ Шиллера (Ђорђе Малетиħъ) 112.

III. ПРОИЗВОДИ ОРИГИНАЛНИ У СТИХОВИ.

1. Серб-Старежь; Серб-Младежь; Сви Серби (С. Милутиновиħъ Сарайлія) . . . . . 119.
2. Србскомъ Роду (М. Светиħъ) . . . . . 122.
3. Страданіе Србско год. 1813. (М. Светиħъ) . . . 124.
4. Момакъ и Драга (М. Светиħъ) . . . . . 126.
5. Сабльи безсмертнога Вожда (кнеза) Кара-Ђорђія (Петаръ Петровиħъ Митроп. Црногор.) 128.
6. Ода на смрть Димитрія Давидовиħа . . . . . 129.
7. Ода Г. Іовану Стеиħу (В Радишиħъ) . . . 134.
8. Ругачу Поєсіе (В. Радишиħъ) . . . . . 137.
9. Весна майка, ружа ħерка (В. Радишиħъ) . . 138.
10. Среħа (В. Радишиħъ) . . . . . 141.
11. Якшиħева Нава (А. Николиħъ) . . . . . 143.
12. На смрть І. Василљвиħа (С. Милут. Сарайлія) 153.
13. Моя желя (И. Захарієвиħъ) . . . . . 155.
14. Своима (И. Захар.) . . . . . 156.
15. Милки (Н. Двобратиħъ) . . . . . 157.
16. Песма Пастырска (Малетиħъ) . . . . . 160.
17. Чувствованя на гробу М — (Малет.) . . . 161.
18. Презрена любовь . . . . . 162.
19. Молба . . . . . 164.
20. Певцу . . . . . 166.
21. Момъ другу Іо-Фи-у. у моіой беди . . 168.
22. Надписи . . . . . 169.

(Малетиħъ.)

23. Иліи Захарієвиħу (Ђ. Малетиħъ) . . . . . 173.
24. Утьха моя — Мушицкій Давидовиħу . . . . . 176.

Стр.

25. Ода В. Г. Петру Іоанновићу, Архіепископу (И Стояновић) . . . . . 179.
26. Стихови Симеону Милутиновићу (Василій Живковић) . . . . . 182.
27. Гробный надпись Србину Сербовићу (С. М. С. Ч. Ч. Ч.) . . . . . 185.
28. Надписи (С. М. С.) . . . . . 186.
29. Нова Пѣсница (С Меркаилъ) . . . . . 187.
30. Русская Пѣсна - Бородинская годовщина (изъ Сѣверне пчеле В. А. Жуковскій) . . . . 188.
31. Солдатская Пѣсня (изъ Сѣв. Пч.) . . . . . 196.
32. Надпись на Руссоа (Станко Воляновић) . . 199.
33. Истыдару (С. Милут. Сарайл.) 200
34. Гласъ Петра Негоша къ Илироманіи; Допись (С. Милут. Сар.) . . . . . 204.
35. Логогрифи (Т Живановић) . . . . . 206.
36. Шараде Т. Живановић) . . . . . 208.

IV. ПРЕВОДИ У СТИХОВИ.

1. Ода изъ К. Орація Флакка к. III. 4. Калліопи (М. Светић) . . . . . 209.
2. Галеомиомахія, или бой мышева съ мачкомъ, съ Єллинскогъ (В. Радишић) . . . . . 213.
3. Две Идилице съ еллинскогъ а. Клеодамъ и Миртонъ изъ Биона . . . . . 234.
6. Простакъ изъ Мосхуса . . . . . 235.
(В. Радишић.)

V. СМЋСИЦЕ.

1. Копія Дипломе Цара Душана (Г. М.) . . . 237.
2. Копія одъ Хрісовуле Царице Маре (одъ А. П. и Г. М.) 243

Стр.

3. Typикъ Св. Савве (Г. М.) . . . . . 247.
4. Писмо болнога Орфелина (Г. М.) . . . . . 252.
5. Писмо Митрополита Кіевскогъ Архимандриту Раићу (Г. М.) . . . . . 255.
6. Писмо Разумовскогъ Посланника Русскогъ Арх. Раићу (Г. М.) . . . . . 259.
7 Писмо Арх. Зелића Арх. Лукіану Мушицкомъ (Г. М.) . . . . . 261.
8. Писмо Доситеа Обрадовића Петру Николаевићу Молеру Войводи Србскомъ (Г. В.) . . 263.
9. Прокламаціа Ген. Каменскогъ изъ Силистріе на Србље (М. С.) . . . . . 267.
10. Србльи у Руссіи (М. Светићъ) . . . . . 270.
11. Обзиръ на прошлостъ изъ Зрителя Аустрійскогъ по Др. Албину — Паденіе Цариграда 288.
12. Іосифъ Добровскій . . . . . 293.
13. Петербургъ . . . . . 295.
(Д. Исаиловићъ.)
14. Турскій Хаттишерифъ одъ 3. Ноємвр. 1839. (В Лазићъ) . . . . . 298.
15. Списакъ напечатаны кньига у Сербіи . . . 306.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

ПОЗЫВЪ

НА ТРЕЋУ КЊИГУ ГОЛУБИЦЕ.

Желећи я Роду моме по силама послужити и на ползу быти, обявлювлъ, да налћравалъ и трећу кньигу „Голубице“ издати. Зато непропуштамъ наше ревностне кньижевнике, коима на указаномъ досадашнћмъ на ползу и славу народну тежећемъ участію ньиховомъ усрдно благодарилъ, умолити, да бы Голубици нашой са своима драгоцћнима прилозима за времена притекли. Планъ є познатъ изъ прве кньиге; а величина ће быти ова иста. Цћна є 3. цванцига. ГГ. Скупителћ умолявамъ, да бы непоштедили труда и ревности, имена и новце ГГ. Пренумеранта до конца ове године мени у Београдъ послати.

Григорій Возаровићъ.

ГГ. ПРЕНУМЕРАНТИ.

АЛЕКСИНАЦЪ.

(Одъ Господина Лонгина Кишфалубца.)

Георгіє Хаци-Димитрієвићъ Коммиссіонеръ за свогъ сына Николу.
Димитрій Фрушићъ, Писаръ пр. Суда Алексиначкогъ.
Іованъ Божићъ, Учитель Алексиначкій.
Іованъ Ђорђевићъ, Коммандиръ Ротный.
Іосифъ Николићъ, Писаръ Начaлн. Окр. Алексинач.
Кузманъ Недельковићъ, Писаръ Среза Ражаньско-Алек. за сестру Слисавету.
Лонгинъ Кишфалубацъ, Секр. Суда Окр. Алек. за сына свога Радосава.
Павле Кара-Матићъ, Писаръ Суда Алексиначкогъ.
Сима Андрієвићъ, бурмута Фабрикантъ.

БѢОГРАДЪ.

Нѣгово Сіятельство Господаръ Єфремъ Обреновићъ, Генералъ-Маіоръ, Предсѣдатель Совѣта и Кавалѣръ.
Нѣгово Сіятельство Господаръ Милошъ Є. Обреновићъ.
Нѣно Сіятельство Господична Анна Є. Обреновићъ.
Высокопреосвященнѣйшій и Высокодостойнѣйшій Господинъ Петаръ Іовановићъ, Архіепископъ и Митрополитъ цѣле Сербіє 2. книге.

(*Одъ Г. Павла Адамовића.*)

Алекса Дилберовићъ, Практикантъ у Комміссариату.
Алекса Цветковићъ, Унтерофицыръ и Писаръ.
Васа Лукићъ, Подпоручикъ 4. Бат. 4. Ротте.
Владиславъ Вуіовићъ Унтерофиц. I. Беог. Роте I. Бат.
Высокобл. Г. Маі. Милоєвићъ, глав. воєн. Коммиссаръ.
Георгіє Г. Брдаровићъ, Фелдвебелъ и старіи Писаръ главн. воєн. штаба за свога сыновца Владимира.
Георгій Николићъ, Фелдвебелъ за свога брата Іоцу.
Димитріє Дражићъ, Поручикъ и Адютантъ II. баталіона Гарнизонногъ воиства.
Живко Лазаревићъ, Юнкеръ.
Игнятъ Панићъ, Унтерофицыръ I. Беогр. Ротте I. Батал.
Иліі Новаковићъ, Капетанъ прв. Ротте Гарн. Войске.
Іованъ Вићентієвићъ Подпоручикъ I. Батальона I. Рот.
Іованъ Ђуричићъ, Унтерофицыръ Артиллеріє.
Іоаннїє Зиćићъ, Писаръ Аудиториата.
Іованъ Миливоєвићъ, Подпоручикъ Артиллеріє.
Коста Николићъ, Подпоручикъ Артиллеріє.
Миланъ Антоновићъ, Подпоручикъ 7. Ужичке Ротте за свою супругу Єлисавету прелюбезну.
Миланъ Живановићъ, Унтерофицыръ I. Београдске Ротте I. батальона.
Павле Адамовићъ, вторый воєнный Коммиссаръ Рачуноводитель и Дѣловодитель при Оддѣл. Коммис. глав. воєн. штаба Богданикъ.
Павле Іовановићъ, Курпешевићъ Унтерофицыръ и Писаръ Артиллеріє.
Сима Нешићъ, Подпоручикъ Артиллеріє.

(*Изъ Попечительства Правосудія и Просвештенія одъ Гос. Нинка Столновића.*)

Аѳанасій Ѳеодоровићъ, Секретаръ и пр. Начал. Оддѣл. Попечит. Правосудія.

Александеръ Ђурићъ, Архиваръ и Регистраторъ Попеч. Правосудія.
Георгіє Станковићъ, Канцеллиста Попеч. Правосуд.
Димитріє Исаиловићъ, Начал. Оддѣл. Попеч. Просвѣщ.
Димитрій Милосављевићъ, Канц. Поп. Просвѣщенія.
Іованъ Туцаковићъ, Столоначал. Поп. Правосудія.
Іосифъ Миловукъ Рачуновод. Поп. Просвѣщ.
Константинъ Марковићъ, Столоначал. Поп. Правосудія.
Матія С. Миливоевићъ, Канц. Поп. Правосудія.
Нинко Стояновићъ, Протокол. Поп. Просвѣщенія.
Павле Вучковићъ, Писаръ Суда Црноречкогъ.
Петаръ Николићъ, Секретаръ Суда Ужичкогъ.
Петаръ Радовановићъ, Секретаръ Поп. Просвѣщ.
Стефанъ Петровићъ, Канцел. Апеллаціонногъ Суда.

(Одъ Господ. Саве Шилића.)

Александеръ Николићъ, Канцеллиста Канц. Княж.
Алекса Янковићъ, Секретаръ Княж. Канцелларіє.
Боосъ Ованесъ Сувачесъ-Оглу, Ћатипъ на Турскомъ єзыку.
Георгіє Мушицкій, медицыне Докторъ и Княж. Лекаръ.
Іованъ Мариновићъ, Столоначал. Княж. Канцелларіє.
Коста Стояновићъ, Драгоманъ (Толмачъ).
Милутинъ Поповићъ, Канцел. Княж. Канцелларіє.
Сава Шилићъ, Секретаръ Княж. Канцелларіє.
Тимотей Кнежевићъ, Столоначал. Княж. Канцелларіє.
Тома Живановићъ, Протокол. Княж. Канцелларіє.

(Изъ Канцелларіє Внутренныи Дѣла одъ Ристе Поповића, (покойнога.)

Алекса Анастасієвићъ, Казначей.
Алекса Живановићъ, Протоколлиста.
Антоніє Топаловићъ, Канцеллистъ.
Антоніє Ћирићъ, Канцеллиста.

Георгіє Іовановићъ, Канцеллистъ.
Іованъ Вуићъ, Столоначал. Оддѣл. Санитета.
Іованъ Поповићъ, Протоколлистъ.
Іованъ Стеићъ, медицыне Докторъ Начaлн. Оддѣл. Санитета, за себе и свою супругу Катарину, и за свога сына Перу.
Карлъ Пацекъ, медицыне Докторъ, Иншпекторъ свію Карантина.
Матія Матићъ, Столоначалникъ Поп. Внутр. Дѣла.
Павле Ђелмашевићъ, Канцелл. — — —
Сима Зорићъ, Канцеллистъ. — — —
Стефанъ Радичевићъ, Начaлн. Оддѣл. економическогъ Поп. Внутр. Дѣла.

(Изъ Попечительства Финансіе.)

Алекса Антоновићъ, Казначей Ягодинскій.
Алекса Симићъ, Попечитель Финанс. Полк. и Кавалѣръ.
Божо Раіовићъ, Канцеллистъ.
Данило Медаковићъ, Протоколлистъ.
Живоинъ Петровићъ, глав. Казначей Подполковникъ.
Іованъ Гавриловићъ, Начал. Оддѣл. Промышл.
Іованъ Протићъ, Начал. Гург. Помоћникъ.
Коста Хадіа, Рачуноводитель Каика.
Милоє Божићъ Ђумрукція Београдскій.
Миле Ђорђевићъ, Кньиговодитель.
Павле Марковићъ, Таминція.
Рая Дамяновићъ, Секретаръ.
Ристо Младеновићъ, Практикантъ.
Риста Соларъ, Рачуноиспитататель.
Стойко Паунковићъ, Секретаръ Ђумрука.
Тодоръ Хербезъ, глав. Контр. Подполк. и Кавалѣръ.
Цвѣтко Раіовићъ, Членъ Совѣта Полков. и Кавалѣръ.

(Изъ Митрополіе одъ Г. Захарієвића.)

Атанасій Георгієвићъ, Протоколлистъ Архіеп. Конзист.
Василій Нешићъ, Іеромонахъ и Членъ Конзисторіе.

Василій Поповићъ, Протосингелъ Еп. Ужич. и Членъ Ужич. Конзисторіє.
Герасимъ Стойковићъ, Іеромонахъ и Учитель Богословіє.
Діонисій Поповићъ, Архіеп. Іеромонахъ и Чл. Конзіст.
Илія Захарієвићъ, Протоколлиста Архідіец. Конзіст.
Іоаникій Нешковићъ, Іеромонахъ Общ. мон. Каленића и Членъ Еп. Конзісторіє.
Іосифъ Стефановићъ, Протопресвитеръ Београд. и Чл. у Конзисторіи.
Мелетіє Марковићъ, Архимандритъ Любостиньскій.
Пайсій Поповићъ, Архіеп. Митр. Протодіяконъ.
Пахомій Буцићъ, Іеромонахъ и Учитель Богословіє.
Стефанъ Михаиловићъ, Игуманъ Горняка Монастыра и Членъ Апел. Конзіст.

(Изъ Совѣта одъ Г. Светозара Давидовића.)

Александеръ Ненадовићъ, Столонач. Канцел. Совѣта.
Антоніє Протићъ, Членъ Совѣта Подпол. и Кавалѣръ,
Веніаминъ Розмировићъ, Секретаръ Совѣта.
Георгіє Петровићъ, Протоколлистъ Совѣта.
Илія Поповићъ, Членъ Совѣта Полков. и Кавалѣръ.
Лазаръ Теодоровићъ, Членъ Совѣта Полковникъ и Кавалѣръ.
Матѳей Ненадовићъ, Членъ Совѣта. и Кавалѣръ.
Милета Радойковићъ, Членъ Совѣта, Полковникъ и Кавалѣръ.
Милосавъ Здравковићъ, Членъ Совѣта, Полковникъ и Кавалѣръ.
Мойсило Гавриловићъ, Секретаръ Совѣта.
Петаръ Туцаковићъ, Членъ Совѣта, Полков. и Кавалѣръ.
Светозаръ Давидовићъ, Експедиторъ Совѣта.
Станко Юришићъ, Членъ Совѣта и Кавалѣръ.
Стефанъ Марковићъ, глав. Секр. Сов. Маіоръ и Кавал.
Стефанъ Стояновићъ, Членъ Совѣта Полков. и Кавал.
Стоянъ Симићъ, Вице-Президентъ Совѣта.

(Изъ Аппеллаціонногъ Суда послати одъ Г. Димшића.)

Владиславъ Ђурићъ, Експедиторъ Аппел. Суда.
Голубъ Петровићъ, Предсѣдатель Аппеллаціонногъ Суда, Подполков. и Кавалѣръ.
Иванъ Мишићъ, Канцеллистъ Аппел. Суда.
Іованъ Вельковићъ, Членъ Аппеллаціон. Суда, Маіоръ и Кавалѣръ.
Тодоръ Петровићъ, Писаръ Турскогъ и Грчкогъ єзыка при Аппеллац. Суду.
Сфремъ Ненадовићъ, Членъ Аппеллац. Суда, Маіоръ.
Яковъ Димшићъ, Секретаръ Суда Аппеллаціонногъ.
Янићіе Ђурићъ, Членъ Аппеллаціонногъ Суда, Маіоръ и Кавалѣръ.
Янко Михаиловићъ, Помоћ. Началнич. Окр. Београдск.

(Изъ Београдскогъ Суда послани одъ Іоце Савића.)

Григорій Савићъ, Трговацъ изъ Земуна.
Георгіе Петровићъ.
Григорій Филипповићъ, Членъ Суда Београдскогъ.
Димитрій Марковићъ, Практикантъ Суда Београдскогъ.
Живко Петровићъ, Академични Молеръ изъ Земуна.
Іованъ Миловановићъ, Секретаръ П. Оддѣлен. Суда Окруж. Београдскогъ.
Іованъ Печеновићъ, Секретаръ Началн. Београдскогъ.
Константинъ Марковићъ, Столоначалникъ Поп. Правос.
Лазаръ Арсенієвићъ, Предсѣдатель Суда Бѣог. и Кавал.
Максимъ Ранковићъ, Членъ Суда, Маіоръ и Кавалѣръ.
Миланъ Давидовићъ, Писаръ Суда Београдскогъ.
Михаилъ М. Іовановићъ, Трговацъ изъ Земуна.
Петаръ Лукићъ, Казначей Окруж. Београдскогъ.
Сава Христићъ, Практикантъ Суда Београдскогъ.
Стефанъ Обрштаровићъ, Секретаръ Суда Окр. Београд.
Тома Катићъ, ц. Капет. нъ Началн. Окр. Београдскогъ.

Тонче Костићъ, Практикантъ Суда Београдскогъ.
Єфремъ Поповићъ, Практикантъ Суда Београдскогъ.
Яковъ Лекићъ, Архиваръ Суда Београдскогъ.
Янко Михаиловићъ, П. К. Помоћ. Началн. Бѣоградск.

(*Изъ Правителъственне Кньигопечатнѣ Княж. Србскогъ, одъ Г. Петра Кара-Марковића.*)

Атанасіє Х. С. Стефановићъ, Словоливацъ Пр. Словол.
Владиславъ Стоядиновићъ, Учредникъ Новина Србски.
Георгіє Л. Стаићъ, Словослагатель Прав. Кньигопеч.
Георгіє Стефановићъ, Печататель Прав. Кньигопеч.
Димитріє Николићъ, ученикъ печатательства.
Илія Миловановићъ, Словоливацъ Прав. Словоливн.
Іованъ Вуковићъ, ученикъ словослагательства.
Манойло Н. Теодоровићъ, ученикъ словол. и печатор.
Петаръ Кара-Марковићъ, Прав. Кньигоп. Княж. Срб. Словослагатель и Кньигопродавацъ.
Пантелей Мирчетићъ, ученикъ печатательства.
Петаръ Ђорђевићъ, ученикъ словослагательства.
Станко Милосавлѣвићъ, ученикъ печатательства.
Стефанъ Живановићъ, ученикъ печатательства.
Тодоръ Матићъ, ученикъ словослагательства.
Хаџи-Никола Христићъ, Учитель Ягодинскій.
Яковъ Якшићъ, Прав. Кньиг. Княж. Срб. Иншпекторъ и Кавалѣръ.

БРУСНИЦА.

(*Послани одъ Г. Глише Зубана.*)

Глигоріє Поповићъ, Членъ Суда Окр. Рудничкогъ.
Глиша Зубанъ.
Живанъ Богосавлѣвићъ, Практик. Окр. Рудничкогъ.
Петаръ Іовановићъ, Практ. Суда Брусничкогъ.
Петаръ Недељковићъ, Учитель.

КРАГУЄВАЦЪ.

(Посłани одъ Г. Татомира Миловука.)

Алекса Околски, Професоръ Француског ъзыка.
Антоніє Арнотъ, Профессоръ Физике.
Атанасій Николићъ, Профессоръ Математике.
Бранко Павловићъ, слушатель поєзіє.
Велько Леваіацъ, слушатель поєзіє.
Вукашинъ Радишићъ, Проф. Поєзіє и Єллин. ъзыка.
Георгій Николићъ, III. классе грам. ученикъ.
Григорій Новаковићъ, Профессоръ Реторике.
Димитрій Іовановићъ, слушатель поєзіє.
Димитрій Матићъ, II. год. фил. слушатель.
Исидоръ Стояновићъ, Проф. обште Исторіє.
Іованъ Вукичевићъ, слушатель поєзіє.
Іованъ Илићъ, III. грам. клас. ученикъ.
Іованъ Марковићъ, слушатель реторике.
Константинъ Бранковићъ, Проф. Филос. и немач. ъзыка.
Константинъ Николаєвићъ, II. године филос. слушатель.
Любомиръ Петропісвићъ, II. классе грам. ученикъ.
Лазаръ Поповићъ, III. Грам. Клас. Професоръ.
Милићъ Лукићъ, слушатель реторике.
Милосавъ Урошевићъ, слушатель поєзіє.
Милутинъ Вукашиновићъ, III. грам. клас. ученикъ.
Мирко Недељковићъ, слушат. реторике.
Новакъ Гератовићъ, III. грам. клас. ученикъ.
Никола Петровићъ, Профессоръ Краснопис. и Начерт.
Никола Петровићъ, I. грам. классе ученикъ.
Никола Тасићъ, II. год. филос. слушатель.
Павелъ Хаци-Трифковићъ, III. грам. клас. ученикъ.
Петаръ Протићъ, слушат. реторике.
Стефанъ Милошевићъ, I. год. фил. слушатель.
Стефанъ Новаковићъ, II. грам. классе ученикъ.
Сима Атанасієвићъ, слушатель поєзіє.
Сима Симићъ, слушатель поєзіє.

Татомиръ Миловукъ П. Грам. Клас. Професоръ.
Сфремъ Андреевићъ, I. год, фил. слушатель.

НЕГОТИНЪ.

Михаилъ Георгіевићъ, Секрет. Суда Окр. Краинскогъ.
Стефанъ Угришићъ, Практ. Суда Окр. Краинскогъ.

СМЕДЕРЕВО.

(Послани одъ Г. Анте Майсторовића,)

Антоніе Р. Майсторовићъ, Архиваръ Попеч. Иностр. Дѣла Канцеларіе.
Константинъ Хаџи-Брзаковићъ, Практ. Суда Ок. Смедер.
Лазаръ Марићъ, Писаръ Суда Окр. Смедеревскогъ.
Петаръ Вуличевићъ, Предсѣдатель Суда и Кавалѣръ.
Стефанъ Петровићъ, Кньићанинъ, Нач. Ок. Смедеревск.
Таса Кузмановићъ, Казнач. Окр. Смедеревскогъ.

ШАБАЦЪ.

(Послани одъ Г. Проте Іована Павловића.)

Алекса Ристићъ, Профес. прв. Гимназіе.
Препод. Василіе Нешићъ, Членъ Конз. Епар. Шабачк.
Гавріилъ Берићъ, Парохъ Богатичкій.
Игнятъ Васићъ, Намѣстникъ.
Іованъ Косићъ, Трговацъ,
Іованъ Н. Учитель старіе нормалне школе.
Іованъ Павловићъ, Протопресвутеръ Шабачкій 2. кнъ.
Іованъ Станковићъ, Окр. Подринскогъ.
Іованъ Станишићъ, Трговацъ.
Іованъ Тркићъ, Трговацъ.
Макевіа Н. Кньигопродавацъ.
Макевіа Н. Учитель Нанучанскій.
Маринко Радовановићъ, Секрет. Нач. Окр. Шабачкогъ.
Матѳеи Стаићъ, Діаконъ.

Милованъ Кустурићъ. Писаръ Нач. Срез. Подцерскогъ.
Милошъ Банцићъ Петровићъ, Трговацъ.
Милошъ Богићевићъ, Нач. Окр. Шаб. цел. Капетанъ.
Новакъ Поповићъ, Парохъ.
Пайко Илићъ, Председатель прим. Суда Шабачкогъ.
Петаръ Михаиловићъ, Практик. при Конз. Еп. Шабач.
Петаръ Поповићъ, Трговацъ.
Радованъ Пантелићъ, Проф. ниор. Гимн.
Сава Поповићъ, Секр. Суда Окр. Шабачкогъ.
Серафимъ Марковићъ Игум. М. Радовашнице.
Станойло Н. Учитель Шеваричкій.
Стефанъ Магазиновићъ, Председ. Суда Ок. Шаб. Маіоръ.
Стефанъ Станићъ, Трговацъ.
Стефанъ Штитаровићъ, Практикантъ Суда Окр. Шабач.
Филимонъ Гргуровићъ, Настолт. Общеж. М. Троноше.

ГГ. ПРЕНУМЕРАНТИ ИЗЪ АУСТРІЄ.

Б А Й Ш А.

Благород. Г. Георгій Зако, Землѣдержацъ Байшанскій, и слав. комит. Бачкога табуле судейске Ассессоръ.

БЕОЧИНЪ МАНАСТИРЬ.

Пречест. Г. Діонисій Чупићъ, Игуманъ общеж. Мон. Беочина, Пречест. А. Е. М. Аппеллатор. и Слав. Комитата Сремск. Табуле Судейске Ассессоръ.

Б Е Ч Ъ.

Высокоучен. Господинъ Вукъ Стефановићъ Караџићъ, Филозофіє Докторъ и прочая.

БЕЧЕЙ НОВЫЙ.

Почтенородный Г. Андрей Дара, Житарскій Трговацъ.

БЕЧЕЙ СТАРЫЙ.

Благородный Г. Георгій одъ Чокићъ, Славнога Комитата Бачкога Солгабировъ (судацъ).

БЕЗДИНЪ МОНАСТЫРЬ.

Пречест. Г. Самуилъ Маширевићъ, Архіман. Общеж. М. Бездина, Чест. Конз. Епарх. Темишвар. Ассесоръ.

БОДІАНЪ МАНАСТЫРЬ.

Преподобнѣйшій Г. Іосифъ Поповићъ, Игуманъ Общеж. М. Бодіана.

ВУКОВАРЪ.

Благородный Г. Георгій Контићъ, Спаилука Вуковарскога Великій Фишкалъ.

ЗАГРЕБЪ.

Поштенород. Г. Петаръ Арешићъ, Житарскій Трговацъ.

ЗЕМУНЪ.

Бысокоблагород. Гос. Василіє Лазаревићъ, Маіоръ и Земунскій Биргеръ-Майсторъ.
Гос. Василіє Василѣвићъ.
Гос. Павле Шпирта.
Гос. Павле Лацко.

КАРЛОВЦЫ СРЕМСКИ.

Честн. Г. Павелъ Николићъ, Парохъ.

КАРЛШТАДТЪ.

Преосвештеный Г. Евтеній Іоанновићъ, Епіск. Карлшт.

КИКИНДА.

Поштенор. Г. Георгій Руссъ, Трговацъ.

КОМОРАНЪ.

Благород. Г. Стефанъ одъ Ненадовићъ, сполящн. Савета Членъ за свою любезну супругу Єлену.

КРУШЕДОЛЪ Н.

Пречест. Г. Димитрій Крестићъ, Арх. Общ. М. Крушедола, и Преч. А. Е. М. Аппеллаторіє и слав. Ком. Срем. и Чанад. Таб. Суд. Сосѣдатель.

КУЛПИНЪ.

Г. Александеръ Николаєвићъ, Економъ.
Г. Младенъ одъ Стратимировићъ, Землѣдр. Кулпинскій.
Г. Радосавъ одъ Стратимировићъ, Землѣдр. Кулпинскій.
Г. Стефанъ Милошевићъ, Парохъ.

ЛЕЖИМИРЪ.

Господ. Стефанъ Возаровићъ.
Господ. Ѳома Возаровићъ.

МОСКВА У РУССІИ.

Высокоуч. Г. Іосифъ Максимовићъ Бодянскій, Магістеръ на Свеучилишту.

НОВЫЙ САДЪ.

Г. Александеръ Нака, избран. Общ. Членъ.
Г. Андрей Димитрієвићъ.
Г. Гавріилъ Ползовићъ, Адв. избр. Общ. Членъ.
Г. Георгій Шевићъ.
Г. Давидъ Косановићъ.
Г. Димитрій Видуловићъ.
Высокобл. и Высокоуч. Г. Іованъ Хаџићъ, Маџарски и Немачки Права Докторъ, Ново-Садскій Сенаторъ и Законописацъ у Сербіи и прочая.
Благ. Гос. Софія, мати, Дафина сестра, Марія супруга, и Софія и Милица кћери Г. І. Хаџ. 10. кнь.
Г. Іованъ Малетићъ. — Г. Іованъ Политъ.
Г. Іованъ Теодоровићъ, марвени Лекаръ.
Г. Іосифъ Марковићъ. — Г. Іосифъ Мачванскій.

Г. Коста Ставровићъ. — Г. Лука Миланковићъ.
Г. Милошъ Поповићъ, Богословіе слушатель.
Г. Мойсей Лукићъ, Полицай. — Г. Павелъ Личанинъ.
Г. Петаръ Абадићъ. — Г. Петаръ Батановићъ.
Г. Петаръ Стояновићъ. — Г. Петаръ Нешковићъ.
Г. Петаръ Саранда, сиротиньскій Отацъ.
Г. Павле Янковићъ, Типографъ. — Г. Тодоръ Секулићъ.

П А Д Е А.

Благород. Г. Георгій одъ Диванъ, Землѣджацъ Падеискій и Слав. Комит. Торонталскога Ассесоръ.

П Е Ш Т А.

Благород. Г. Теодоръ Павловићъ, Адвок. и Учред. Нов. и Лѣтописа, а такоѣеръ и Ассесоръ Крашовачке и Чанадске Вармеђе

С Е Г Е Д И Н Ъ.

Чест. Г. Павелъ Стаматовићъ, Парохъ, и Чест. Бачке Конзисторіе Присѣдатель.

С О М Б О Р Ъ.

Пречест. Аврамъ Максимовићъ, Парохъ Прот. Намѣст. ц. к. зл. медалѣ притяжат. Чес. Конз. Бач. и Слав. Торон. Вармеђе Ассесоръ; Крал. Инш. Педаг. Катихета Сеніоръ, практ. Вртоделногъ друш. Фрауендорфскога у Баваріи Членъ редовный.
Г. Василій Ковачићъ, Протопр. ц. к. зл. медалѣ притяж. Чес. К. Бач. и Сл. Ком. Марош. Таб. Суд. Ассесоръ.
Г. Василій Миловановићъ, Парохъ и Чес. Кон. Бачк. и Сл. Ком. Срем. Таб. Судейске Ассессоръ.
Г. Данiилъ Поповићъ, Парохъ и Катихетъ.
Г. Іованъ Теодоровићъ, Парохъ.
Г. Теодоръ Веселиновићъ, Адв. и избр. Общ. Членъ за сына свога Петра.

СТОЛНЫЙ БЕОГРАДЪ.

Благород. Г. Іованъ Малешевићъ, заклетый Мађарскій Адвокатъ.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ
У НОВОМ САДУ

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
РПСр I 18
1840.1